

Джучи Михайлович ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

НАПОЛЕОН и РЕСПУБЛИКАНЦЫ

Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799-1812 гг.

Под редакцией проф. *А.Ф.Остальцевой*

Саратов: издательство Саратовского государственного университета, 1980

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2007

Введение

I. Республиканцы и переворот 18 брюмера 1799 г.

1. Демократы и брюмерианцы накануне переворота
2. Бонапарт у власти: иллюзии и угрозы
3. Критика конституции
4. Первые якобинские заговоры
5. Заговор Шапеля
6. Заговор Арена
7. «Воспламеняющееся оружие» Шевалье

II. На пути к империи (1801-1804)

1. Республиканцы и монархические преобразования Первого консула (1801-1802 гг)
2. В преддверии империи

III. «Общество филадельфов» и заговоры Мале

1. О дискуссии, которая началась в 1815 г.
2. Становление «филадельфов» как политической организации
3. Вступление Мале в тайное общество
4. Первое выступление Мале (1808 г.)
5. Второй заговор генерала Мале (1812 г.)
6. Император возвращается во Францию
7. Некоторые выводы

IV. Филиппо Буонарроти и «Общество высокодостоящих мастеров»

1. Буонарроти в годы консульства и империи
2. Против Священного союза

Заключение

Примечания (перенесены в конец каждой главы)

Тематически связанные материалы

Дж.Туган-Барановский. На пути к брюмеру

Ж.-Р.Сюррато. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796—1798)

Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции

В.Далин. М.-А. Жюльен после 9 термидора

А.Собуль. От террора к Консульству: национальная проблема и социальные реальности

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в.

А.Матьез. Термидорианская реакция

А.Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Республиканцы и переворот 18 брюмера 1799 г.

Избрание Буланже я не могу расценивать иначе, как определенное возрождение бонапартистского элемента в характере парижан. В 1798, 1848 и 1889 годах это возрождение каждый раз возникало из недовольства буржуазной республикой (Из письма Ф.Энгельса Л.Лафарг. 1889 г. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. т.37. с.121)

1. Демократы и брюмерианцы накануне переворота

В 1799 год Франция вступила обессиленной. Со всех сторон ее теснили враги: в западных департаментах вновь восстали шуаны, республиканские генералы терпели поражения в Германии и Италии — Журдан был отброшен на Рейн, Моро разбит Суворовым, который в апреле занял Милан. В Марселе купцы спешно принялись изучать русский язык, а дамы примеряли новые шляпки а ля Суворов. 28 апреля в Раштатте были тайно убиты австрийскими гусарами французские уполномоченные, возвращавшиеся с международных переговоров. Французская республика переживала критические дни и, казалось, спасти ее могут только те решительные меры, которые в 1793 г. для отражения врага предпринял якобинский Конвент. Сама ситуация благоприятствовала возрождению демократического духа.

Но сохранились ли еще «люди 93 года»? Что представляла из себя «демократическая партия» и каково было ее политическое влияние? Все эти вопросы остаются еще далеко неясными, хотя их изучение могло бы пролить более яркий свет на происхождение наполеоновского режима. Чтобы разобраться в них, попробуем обратиться к несколько более отдаленному прошлому.

Якобинская диктатура представляла собой высший этап революции, она пошла даже дальше ее непосредственных буржуазных задач по пути ограничения собственности и облегчения положения самых обездоленных слоев города и деревни.

Падение этой диктатуры означало в то же время и начало обратного процесса: постепенного отката революции, развития ее теперь уже по нисходящей линии. К власти в результате переворота 9 термидора 1794 г. пришла новая спекулятивная буржуазия, заинтересованная теперь исключительно в создании такого порядка, при котором она могла бы полностью воспользоваться приобретенными в годы революции имуществами. Ее устремления поддерживали тогда в стране и другие собственники, в частности, имущее крестьянство, но прежде всего они, эти новые хищные буржуа, политическим» выразителями которых были термидорианцы, определяли социальное и политическое развитие Франции после 9 термидора.

Однако на пути к полному господству термидорианской буржуазии приходилось преодолевать сопротивление бывших феодальных элементов, пытавшихся при помощи новой интервенции вернуть на французский престол Бурбонов, а вместе с ними и свои прежние привилегии. Термидорианцы без колебаний пресекали это сопротивление. Так, летом 1796 г. войсками Л.Гоша был разгромлен английский десант на полуострове Киберон, затем в октябре того же года генералом Бонапартом в Париже подавлен роялистский мятеж, несколько позже, в сентябре 1797 г., гренадеры Ожеро очистили от монархически настроенных депутатов оба Совета — 500 и старейшин и тем самым предотвратили готовящийся роялистский переворот. Таким образом, термидорианцы, несмотря на всю свою буржуазную ограниченность, совсем не хотели старого режима и в борьбе с этим призраком прошлого действовали решительно и по-настоящему революционно. Не случаен и тот факт, что в состав первой Директории вошли исключительно «цареубийцы», то есть, депутаты Конвента, голосовавшие за смерть короля.

Но равно, а может быть и в большей степени, термидорианскую буржуазию страшила опасность слева, со стороны бывших соратников М.Робеспьера и Г.Бабефа. Уравнительные проекты, требования нового перераспределения собственности были явно не по душе тем, кто ею располагал. Чтобы обезопасить себя на будущее от повторения якобинской диктатуры, термидорианцы в 1795 г. приняли конституцию» учреждавшую высокий имущественный ценз. Но эта конституция, несмотря на свой откровенно буржуазный характер, не могла ликвидировать влияния демократических группировок. Сохраняя буржуазные свободы и парламентские институты (Советы 500 и старейшин), и сами выборы, хотя и на цензовой основе, конституция предоставляла враждебным термидорианцам силам широкое поле для маневрирования и воздействия на правительственные решения. Исполнительная же власть — Директория — была слаба и находилась в сильной зависимости от Советов. При соответствующей конъюнктуре в Советах брали верх то роялисты, то левые элементы. Поэтому и эта конституция оказалась в конечном счете для «буржуазных слоев неприемлемой.

В 1797 г. во Франции возникает идейное течение, требующее пересмотра действующей конституции на новых тоталитарных началах: максимального ограничения буржуазных свобод и усиления исполнительной власти, вплоть до установления диктаторского режима. Течение это, называемое в исторической литературе «ревизионистским», имеет чисто термидорианское происхождение. Лидерами его оказываются: Дону и Буле (из Мёрт), кстати сказать, авторы конституции 1795 г.; Анри де Сен-Симон, будущий великий социалист-утопист, а тогда всего-навсего доверенный друг Барраса; сам Наполеон и даже такие либералы, как Б.Констан и г-жа де Сталь. Их недовольство буржуазной республикой теперь заходит так далеко, что они хотят, как писала тогда якобинская газета - «*Journal des Hommes libres*», «несменяемой палаты и пожизненного президента»². Это движение выражало интересы буржуазных слоев, которые хотели твердого стабильного порядка для защиты своих имуществ как от роялистов, так и, главным образом, в контексте того времени, от революционных элементов.

Именно первые слои, а точнее якобинцы и бабувисты, после 9 термидора 1797 г., когда было окончательно ликвидировано сопротивление монархистов в Советах, казались термидорианцам главной опасностью. Трудно определить даже приблизительные размеры этой группировки, которая систематически уничтожалась после 9 термидора. Достаточно напомнить белый террор 1795 г., закрытие общества «Пантеон», разгром движения «равных» и другие акты. Но в то же время термидорианцам приходилось в кризисные моменты обращаться к якобинцам за помощью в борьбе с роялизмом. Мы полагаем поэтому, что политическое влияние левых было довольно значительным, а сама эта группировка многочисленной. Вспомним, что по стране якобинских клубов в 1793—1794 гг. насчитывалось около 2500 (приблизительные данные)³, наблюдательных комитетов — примерно 18 тыс, общество «Пантеон» в Париже составляло около 2 тысяч человек⁴, в жерминальско-прериальских днях уже участвовали десятки тысяч рабочих из предместий Марсо и Антуан; по данным Ф.Буонарроти, «равные» рассчитывали на помощь 17 тысяч человек, «не считая многочисленного класса рабочих».⁵ Также у Бабефа был и другой описок 1500 человек, составленный на случай победы — «людей, способных командовать» (так он назывался) — которые должны были возглавить разные ответственные посты и из них должен был быть сформирован будущий Конвент⁶. В функции бабувистских «агентов» специально вменялось, подбирать людей, на которых можно было опереться⁷. Отсюда видно, что эта работа проводилась и цифры Ф.Буонарроти могут заслуживать доверия. Известно также, что хотя Вандомский процесс 1797 г. и был сильным ударом по бабувизму, тем не менее многие руководители «равных», сохранили свободу. Лишь сам Г.Бабеф и его товарищ Дартэ. были приговорены к смертной казни, еще 5 человек, в том числе и Ф.Буонарроти — к пожизненному заключению; остальным 58 обвиняемым сохранили свободу. Среди них такие известные деятели бабувистского движения, как П.Антонель, Ф.Лепелетье, Дебон, С.Марешаль (все четверо входили в повстанческий комитет — бабувистскую Директорию); 11 окружных и военных «агентов» из 17 — Бодеман, Фике, Массей, Ваннек, Бодсон, Пари и «агент связи» Ж.-Б.Дидье; члены монтаньярского комитета — Рикор, А.Россиньоль. и другие⁸

После разгрома и судебного процесса они в большинстве своем (но не все) отказались от подпольной деятельности и стали искать успеха, особенно после фрюктидора 1797 г., когда Директория «качнулась» влево, на путях легальной парламентской борьбы. Именно тогда на выборах 1798 г. был закреплён уже сложившийся в 1796 г. блок между демократами и бабувистами — то, что Ж.Лефевр, оперируя понятиями XX века, называл «народным фронтом»⁹. По-видимому, это было действительно нечто вроде «народного фронта», представляющее одну из первых в истории попыток использования левыми элементами парламентской трибуны. Надо сказать, что современники тех дней вполне отдавали в этом отчет. Когда на выборах 1798 г. победили демократические силы, а в некоторых округах, например, департаменте Сены, выборщики почти целиком составились из «излюбленных детей Бабефа», то появилась брошюра, явно термидорианского толка, с характерным названием. «Попытка осуществить посредством выборов систему Бабефа»¹⁰ Успех левых тогда так напугал правительство, что оно по закону от 22 флореаля (11 мая) 1798 г. не утвердило 106 из вновь избранных депутатов¹¹. Тем не менее демократическая фракция сохранилась в Совете 500. По мнению Ж.Лефевра, около 60 депутатов проскочили «сквозь сеть», а по расчетам Ж.Сюратто, располагающего более точными данными, эта цифра должна быть несколько увеличена «примерно до 80 и даже до 100 человек»¹².

В ходе следующих выборов — 1799 г. демократическая оппозиция не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Теперь Директория уже не решилась на проведение очередной чистки и вынуждена была считаться с влиянием якобинцев в Советах. Лидерами этой парламентской фракции стали весьма известные в стране люди: победитель при Флерюсе в 1794 г. генерал Журдан, непосредственный исполнитель фрюктидорианского переворота генерал Ожеро, яростно ненавидящий роялистов, участник итальянского похода и настроенный тогда настолько демократично, что, по словам Наполеона, в 1796 г. «примыкал к партии Бабефа»¹³. Другими лидерами были активный участник революции Пьер-Жозеф Брио, Дестрем и Бертран из Кальвадоса — оба бывшие члены Конвента, голосовавшие за смерть короля, Тало и другие.

Под давлением якобинцев были изгнаны 18 июня 1799 г. из Директории активные термидорианцы Мерлен и Ларевельер, приняты в июне—июле важные решения о всеобщем рекрутском наборе, принудительном займе на 100 млн франков, которым облагались исключительно богатые граждане, закон о заложниках. Сам президент Совета генерал Журдан открыто афишировал свой республиканизм. 17 июля 1799 г. на обеде в отеле «Бирон», где присутствовали члены обоих собраний, он провозгласил тост «За возрождение пик!», тем самым подчеркивая желательность возвращения к режиму террора. Этот тост, как вспоминали современники, буквально потряс консервативную часть Советов.¹⁴

Обстановка в Париже еще более накалилась, когда 18 мессидора (6 июля 1799 г.) в Париже впервые после роспуска «Пантеона» возродился легальный якобинский клуб — «Общество друзей свободы и равенства» Он собрался в историческом зале Манежа, где когда-то было провозглашено Учредительное собрание. Чтобы не нарушать отдельные статьи конституции 1795 г, клуб вместо «президента» избирал «распорядителей», а вместо «секретарей» — «отметчиков» Таким нехитрым образом был обойден закон Кроме того, клуб располагал двумя газетами: «Journal des Hommes libres», которую враги называли «газетой тигров» (этот орган часто менял свои названия, но существовал он со времени революции)¹⁵ и также стала выходить «Le Dемократе ou le Defenseur des principes»¹⁶.

Трудно сказать точно, сколько человек посещало заседания клуба, так как их число постоянно менялось. Но в лучшие дни число посетителей составляло около 3 тысяч человек, причем, по сведениям А.Олара, в заседаниях принимало участие до 250 депутатов. А.Олар, проанализировав парижскую прессу, установил фамилии 87 человек, по-видимому, активных (или по крайней мере — самых знаменитых) деятелей «общества». Список А.Олара убеждает нас, что руководство клубом находилось в руках самых левых элементов — якобинцев и бабувистов: среди них герой Варенна и бабувист Друз, избранный «распорядителем» уже на первом заседании; Ф.Лепелетье, бывший член бабувистской Директории; Ж.-Б.Дидье, Маршан, Клеманс, Буэн — «агенты» Бабефа в 1796 г.; Габриэль, парижский корреспондент Ф.Буонарроти (их переписка опубликована А.Сайтта)¹⁷; Баш, оратор явно бабувистского толка; Р.Базен, руководивший в 1798 г. в деп.Сарта странствующим конституционным клубом и открыто называвший Г.Бабефа «мучеником свободы»¹⁸; Бодсон, Рикор, Кретьен — все трое участники бабувистского движения; Приер из Марны, убежденный якобинец; полковник Бушотт, военный министр в 1793 г. и другие¹⁹. Таким образом, в Манеже собрались в основном активные участники революции, и даже официальный «Монитор» подчеркивал, что среди его посетителей замечены люди, имена которых «очень дороги свободе»²⁰. «Распорядители» «общества» с гордостью подчеркивали свою связь со старым якобинским клубом и открыто с трибуны посылали проклятия по адресу термидорианцев²¹.

Характерно, что в Манеже скоро стали рассматриваться текущие вопросы правительственной политики в конкретном практическом плане. «Общество» пыталось присвоить себе привилегию старого якобинского клуба указывать на недостойных функционеров и производить чистку государственных учреждений. На своих заседаниях ораторы Манежа беспощадно громили продажный аппарат Директории и требовали эшафотов для Талейрана, Шерера, Ребея, Фэлу, Лагарда и других видных сановников, чья республиканская репутация казалась им сомнительной²².

Правительственная пресса с тревогой отмечала, что тон выступлений в Манеже день ото дня становился все более резким и угрожающим: 16 июля раздались выкрики, что для спасения Республики требуется 5 тысяч голов²³ — это уже была терминология Марата, а 21 июля при обсуждении вопроса об убийствах республиканцев в провинциях, после речи Буэна, призывавшего «не к мести, но суду», Маршан провозгласил: «О Ромм, Гужон, Субрани, Бабеф, вы будете отомщены — да, отомщены, и скоро, но только путем суда, а не убийства»²⁴. Заявление Маршана не было пустой фразой, клуб через Габриэля поддерживал связи с Ф.Буонарроти и другими заключенными бабувистами, и кое-что было сделано для облегчения их участи²⁵.

Очень важно отметить, что клуб пытался оказывать влияние на правительственную политику имеющимися в его распоряжении легальными средствами — чаще всего через депутатов, входивших в «общество», а также путем составления всевозможных петиций и обращений. 18 и 25 июля в Манеже выступал Баш с предложениями конкретных социально-экономических преобразований, его речь была опубликована. Баш предлагал «установить немедленно же прогрессивный налог с тем, чтобы обращать остаток от того, что будет уплачиваться таким же путем богатыми, на понижение налогов, платимых промышленным и трудящимся классом». Он хотел уменьшить жалованье чиновникам, организовать благотворительные мастерские и требовать от всякого, чей доход свыше 1200 ливров, отчета в пользовании своими деньгами. Баш хотел, чтобы неимущие граждане, идущие защищать родину, были бы объявлены совладельцами имуществ богатых собственников²⁶. Требования Баша во многом были близки к программе, которую принял клуб по предложению Ф.Лепелетье и куда были включены следующие пожелания: «Восстановить в правительстве демократический дух. — Восстановить равное и всеобщее образование. Наделить собственностью защитников отечества. — Открыть общественные мастерские с целью уничтожения нищенства»²⁷. Эта программа, очень красноречивая по своим требованиям, также была опубликована.

Конечно, далеко не все посетители Манежа разделяли робеспьеристско-бабувистские симпатии его «распорядителей». Понятие «якобинец», уже в 1793 г. подразумевавшее множество оттенков, стало еще шире в 1799 г. Поэтому, естественно, что среди членов Манежа, наряду с робеспьеристами и бабувистами, встречались умеренные, типа Марка-Антуана Жюльена, бывшего робеспьериста, ушедшего к тому времени вправо, противники террора и даже деятели, благосклонно относящиеся к Сиейесу и Баррасу. Но последних было немного, и «общество» их обычно исключало из своих рядов — такая судьба, например, постигла Реаля, бывшего защитника Г.Бабефа на Вандомском процессе и будущего яркого бонапартиста²⁸. Но при всех различиях, для якобинцев 1799 г. или, как еще их именовали полицейские в своих сводках, «исключительных», были характерны две следующие тенденции:

1. Они стремились к полному или частичному восстановлению конституции 1793 г. в ее наиболее главных демократических аспектах. Это требование, бывшее лозунгом жерминальско-прериальских дней 1795 г. и заговора Бабефа, сохраняло свою жизненность и после разгрома движения «равных». Ниже мы увидим, что оно вдохновляло якобинских заговорщиков в 1800 г. в их борьбе с Наполеоном.

2. Якобинцы, как видно из проектов Баша, Ф.Лепелетье, П.Доливье (он, по-видимому, не был членом Манежа), Ретифа-де-ля-Бретона и других, пытались заставить Директорию вернуться к экономической политике робеспьеристского Комитета общественного спасения, то есть установить «максимум» на продукты питания, обложить богатых налогами (начало этому было положено) и наделить собственностью неимущие и малоимущие слои. Подобные идеи высказывались и за стенами Манежа²⁹.

Политическая деятельность якобинцев скоро стала вызывать в правительстве сильную тревогу. Влияние клуба постоянно ширилось, его заседания привлекали многих санкюлотов; подобные ему отделения, своего рода филиалы, возникли в Гренобле, Меце, Безансоне, Лионе, Версале и некоторых других городах. В Тулузе и Тулоне администрация почти сплошь составила из якобинцев и там тоже появились клубы. Между ними поддерживалась связь, хотя конституция это запрещала. В свою очередь, возникновение «обществ» неизбежно вело к столкновениям с термидорианцами, нагнетало обстановку. Уже само образование Манежа привело к «грандиозной драке» между буржуазной публикой и парижскими санкюлотами. Подобного рода инциденты и в дальнейшем постоянно возникали перед дверьми Манежа. Непокойно было и в других городах. В Марселе члены «народного общества», как говорилось в одном из официальных документов, «воздвигли с триумфом бюст Марата» и бросили в грязь портрет главы Директории Барраса³⁰.

Совет старейшин, чтобы как-то умерить якобинцев, запретил им собираться в зале Манежа. Тогда клуб переехал на другой берег Сены на улицу Любак*, где в церкви св.Фомы Аквинского продолжал свои заседания.

НАПОЛЕОН и РЕСПУБЛИКАНЦЫ

* Речь идет об улице du Bas («улица Паромная» - так можно перевести). Нам кажется неправомерным слияние предлога при транслитерации; в лит-ре чаще используется правильная транслитерация – «улица Бак». – *Ред. Vive Liberta.*

20 июля 1799 г. министром полиции стал Жозеф Фуше, бывший член Конвента, голосовавший за смерть короля и считавшийся левым якобинцем, организатор массовых казней после подавления контрреволюционного мятежа в Лионе в 1793 г. Его назначение в консервативных кругах восприняли как возвращение к режиму террора. Левая часть Совета шумно выражала этому одобрение. Но уже первые шаги министра успокоили буржуазную публику. Он отнюдь не хотел поощрять якобинцев и уже 2 августа, — а прибыл он в Париж 29 июля из Гааги, где был послом, — отправил директорам доклад, в котором предлагал якобинский клуб закрыть. Будущий герцог Отрантский и министр полиции Наполеона, постоянно интриговавший и с роялистами, и с республиканцами против императора (не исключено, что он был причастен к первому заговору Мале в 1808 г.) обладал редким даром предугадывать будущее, своего рода чувством ситуации, позволявшим ему избегать опасностей. Его жизненным девизом стали слова «времена меняются, и люди меняются вместе с ними». И подобно тому, как весной 1794 г. Фуше разглядел первые признаки распада якобинского блока и не колебался принять деятельнейшее, но закулисное, участие в термидорианском перевороте, так и в 1799 г. он ясно представил себе соотношение сил и избрал сторону сильнейшего.

Доклад Ж.Фуше вызвал целую бурю среди якобинцев. 4 августа с трибуны клуба Ф.Лепелетье обрушился на нового министра, обвинив его в клевете³¹. Депутаты Брио и Грандмэзон в Совете 500 говорили о готовящемся против республиканцев роялистском заговоре, который возглавляет Фуше³².

Директорию и вообще умеренных республиканцев эти речи сильно напугали. Лишь Фуше оставался невозмутимым. 13 августа он написал постановление о закрытии «общества на улице Дюбак». Оно было подписано Директорией, и на следующий день министр, как простой комиссар полиции, явился в клуб. Трибуну занимал Ф.Лепелетье. Фуше прошел вперед, объявил о роспуске; после того, как все вышли, собственноручно закрыл все двери, положил ключи в карман и удалился³³.

Простота, с которой он проделал эту опасную операцию, произвела впечатление. В Совете 500 только Брио выступил с резкой речью и предложил даже объявить министра полиции «вне закона», но его протест натолкнулся почти на абсолютное молчание депутатов³⁴. Позднее Ж.Фуше хвастался, что ему удалось умерить пыл своих врагов весьма нехитрым способом: когда Брио поднялся на трибуну, с улицы послышался шум кавалерии, и эскадрон подскакал к зданию собрания. Тогда депутаты, уже приготовившиеся к насилию, сразу присмирели³⁵.

Ничего не вышло из попытки бабувистов Лепелетье, Маршана, Кретьена поднять предместья на защиту клуба. Рабочие так и не вышли на улицу, самих зачинщиков полиция арестовала (всего 12 человек)³⁶. Характерно, однако, что призывы к восстанию исходили из самой левой части клуба, в то время как умеренные, например, Жюльен, не одобряя самого акта властей, тем не менее ему покорились³⁷.

Одновременно с закрытием клуба был смещен с поста коменданта Парижа генерал Марбо. Что касается военного министра Бернадотта, находившегося в близких отношениях со многими якобинцами и даже посещавшего их собрания в Манеже, то с ним «договорился» опять же Фуше. Спустя почти десять лет Фуше, уже могущественный герцог Отрантский, гуляя по лесу Фонтенбло, рассказывал, смеясь, своему собеседнику графу Сегюру, как ему тогда удалось справиться с Бернадоттом (Сегюр этот разговор запечатлел в своих мемуарах): «Я пригласил к себе Бернадотта и оказал ему: «Глупый ты человек, куда ты идешь? Что хочешь делать? В 1793 г. — иное дело: там можно было только выиграть, разрушая и строя заново. Но ведь то, чего мы добились, теперь наше. А раз мы добились своего и можем теперь только потерять, к чему продолжать прежнее?» Но Бернадотт продолжал упрямяться. Тогда Фуше добил его аргументом: «Как хочешь, но знай, что может быть, завтра же, как только я примусь за твой клуб, если ты окажешься во главе его, твоя голова упадет с плеч. Вот тебе мое слово, я сдержу его». И Бернадотт покорился³⁸.

Таким образом, в целом «якобинская партия» была слаба. И слабость эта проистекала не только от того, что новые вожди сильно уступали Робеспьеру или Марату и более, чем шестилетние репрессии уменьшили ее численно. Она объяснялась главным образом тем, что у нынешних якобинцев не было широкой поддержки в стране. Их активизация вызывалась в основном внешней опасностью. Когда же положение на фронтах с середины сентября 1799 г. стало выправляться, неякобинская оппозиция потеряла прежнее влияние. Ее социальная база резко сузилась; законы о защите отечества в духе 1793 г., принятые Советом 500 и филиппики членов Манежа против собственности, вызывали естественное сопротивление со стороны имущих классов, поддерживавших ранее якобинцев исключительно из опасения реставрации Бурбонов.

Между тем важнейший резерв демократической оппозиции — сельская беднота и городской плебс — был сильно дезорганизован упразднением секций и длительными репрессиями. В этих слоях, вследствие неудовлетворённости результатами буржуазной революции, развился политический индифферентизм.

Разумеется, было бы неправильно думать, что «последние монтаньяры» в этот тяжелый 1799 г. оставались безучастными ж судьбе республики. Они по-своему пытались ее защитить, говорили даже о повстанческом комитете, в обществе упорно, вплоть до 18 брюмера, ходили слухи о намерении якобинцев преобразовать Совет 500 в национальный Конвент и, конечно, были для этого основания. 13 сентября Журдан внес в Совет 500 предложение провозгласить «Отечество в опасности»³⁹, в июле на дверях обоих собраний стали появляться воззвания с призывами к восстанию⁴⁰, в департаментах создавались клубы на манер Манежа, возможно даже ставился вопрос о каком-то более прочном объединении (в 1799 г. Сильвен Марешаль опубликовал книгу «Путешествия Гифлора», где проводилась мысль об организации тайного общества по типу иллюминатов А.Вейсгаупта)⁴¹, но все это, как очень верно заметил видный итальянский историк А.Галанте-Гарроне, лишь «последние отзвуки неудавшегося заговора»⁴².

В этой их довольно напряженной, энергичной и трагически бесплодной деятельности нас интересует отношение к брюмерской группировке и, в частности, генералу Бонапарту. Оно не было одинаковым. Если по адресу Сийеса, идейного вдохновителя нынешних термидорианцев и его сторонников старейшин, якобинцы в своем клубе и даже с трибуны Совета 500 метали громы и молнии и даже призывали к новому «фрюктидору» для спасения республики, и, конечно, знали о существовании враждебной им группировки⁴³, и даже пытались, опираясь на Бернадотта, как военного министра, произвести государственный переворот, то к Бонапарту отношение было иное. Большинство демократов питало к нему самые доброжелательные чувства. Напомним, что защитник бабувистов на Вандомском процессе П.-Ф.Реаль писал в тюрьму Ф.Буонарроти, еще когда Бонапарт находился в Египте, что, может быть, этому генералу Буонарроти будет обязан «своим освобождением»⁴⁴. Да и могло ли быть у большинства другое отношение. Что тогда знали о Бонапарте? Тот же Реаль, считавший себя без сомнения твердым республиканцем, называет даты 13 вандемьера и 18 фрюктидора, с упоением добавляя, что эти дни ставят Бонапарта «в число первых защитников народного дела»⁴⁵.

К сказанному Реалем можно было бы добавить, что «лейтенант Буонапарте» имел репутацию ревностного патриота на Корсике. Демократы помнили, что он выдвинулся при Робеспьере, когда за блестящую осаду и взятие Тулона был произведен в бригадные генералы. Они помнили памфлет «Ужин в Бокере», защищавший якобинскую диктатуру, и гонения, которым подвергался молодой генерал после 9 термидора, его мужественное поведение в день 13 вандемьера 1795 г., когда все, казалось, предвещало торжество роялистского знамени. И уж, конечно, все знали блестящую итальянскую кампанию 1796—1797 гг., первые месяцы которой буквально изменяли положение Республики.

Его возвращение из египетского похода было встречено радостными манифестациями во всей Франции, которая, говоря словами молодого республиканца Беранже, «сочла себя уже спасенною»⁴⁶.

Однако наряду с этим «общим возгласом радости» раздавались отдельные более скептические и даже враждебные голоса. В основном они исходили из левого демократического лагеря. Критике подвергалась итальянская кампания, впервые показавшая Бонапарта в качестве политического и государственного деятеля большого масштаба, и где действительно многое говорило не в пользу его республиканской репутации.

Он отказался поддержать восстание пьемонтских патриотов, приостановил наступление своей армии и поспешил с подписанием перемирия в Хераско с королевскими войсками (28 апреля 1796 г.), которое затем было подтверждено официальным миром Франции с Сардинским королем. Это привело к разгрому восстания и расправе над революционерами. Бонапарт фактически отменил выборы в образованных итальянских республиках и установил военную власть. Он сам назначал всех административных чиновников. 19 февраля 1797 г. в Толентино он подписал мир с Папским государством, хотя имел реальную возможность завоевать Рим, чего требовала армия и Директория. Согласно тайным статьям мира, заключенного в Кампо-Формио 18 октября 1797 г., Венеция, в которой незадолго до этого произошло народное восстание, перешла к Австрии, хотя ее города в своих петициях молили главнокомандующего о присоединении к Цизальпинской республике.

Наиболее проникательных республиканцев, воспитанных в традициях освободительных войн Конвента, эта политика «просвещенного эгоизма» сразу насторожила. Характерно, что именно Г.Бабеф, даже когда над ним «уже был занесен нож гильотины» (В.М.Далин), внимательно следил за возвышением «генерала-вандемьера» и оставил о нем два очень враждебных отзыва. Ревностный демократ, он, конечно, не мог одобрить явно диктаторские повадки и действия в Италии. «Бонапарт, победитель Ломбардии, — записал он в Вандомской тюрьме, — считая, что этот титул дает ему право диктовать, организовал правительство этой страны». А ранее, накануне ареста, в написанном Бабефом обращении «Трибуна народа к армии», он говорит о пристрастии Бонапарта к роскоши и противопоставляет в этой связи ему Журдана, который «остался генералом свободы... и все-прежнему заслуживает доверия народа и солдат».

Бабеф не успел высказать окончательного заключения о Бонапарте, это сделали его товарищи по заговору, оставшиеся в живых. Одну из лучших и наиболее проникательных характеристик ему дал автор «Манифеста равных» Сильвен Марешаль. В конце 1797 г. он написал памфлет «Поправка к славе Бонапарта или письмо к этому генералу», где самым резким образом осуждал итальянскую кампанию («Итальянские народы, вы не осмелитесь объявить Бонапарта вашим освободителем») и даже предсказывал грядущий переворот: «Бонапарт! Твоя слава является диктатурой... Если ты позволяешь себе такой стиль в Италии, обращаясь к Цизальпинской Директории, я не вижу, что может помешать тебе использовать его в обращении с Французской Директорией. У меня нет никакой уверенности в том, что в ближайшем жерминале, во время наших избирательных собраний... ты не заявишь: «Французский народ! Я составляю тебе законодательный корпус и исполнительную директорию». Я не вижу, что может помешать генералу, который провозглашает тост в честь его императорского величества раньше, чем за французскую республику, заявить национальному собранию: «Я дам вам короля по своему вкусу, или трепещите! Ваше неповиновение будет наказано»⁴⁸.

Памфлет Марешаля уникален. Мы не можем поставить что-либо рядом с ним, но подобные сомнения в искренности республиканских взглядов Бонапарта рождались тогда у многих и даже из его окружения. Польский якобинец и адъютант главнокомандующего Ю.Сулковский был возмущен заключением компромиссного мира с Папой. Его чувства разделяли многие офицеры Итальянской армии, они находили отклик и в Париже⁴⁹. Еще более он был потрясен, когда узнал, что восставшая Венеция передается по тайному договору австрийскому императору. Из его памфлета «Анализ французской революции и ее результатов» видно, что он опасается честолюбия Бонапарта: «Напрасно злоязычная молва старается представить нас сателлитами нашего предводителя. Будущее опровергнет эти не очень умные слова. Кто шесть лет боролся ради столь ясно поставленной цели, как свобода, тот не проглядит момента, когда чья-то деятельность перестает служить общественным интересам и начинает быть выгодной только отдельной личности...

Свободный человек не дрогнет, когда ему придется покарать нарушителя законов... Ведь наши руки привыкли карать тиранов».

Как совершенно справедливо писал историк Мариан Брандис, в словах Сулковского «явственно звенит голос Брута»⁵⁰. Этот «польский Сен-Жюст» не дожил до 18 брюмера, он погиб в Египте при выполнении опасного задания и до сих пор еще его биографы не уверены, не был ли причастен к этой смерти Бонапарт.

Подобные чувства испытывали тогда многие. Первые сомнения начинают рождаться у М.-А.Жюльена, в прошлом убежденного робеспьериста, а в июле 1797 г. редактора «*Courrier de l'armee de l'Italie*». Бывший робеспьерист, искренне пришедший к Бонапарту, в 1797 г. испытывает потребность «облегчить свою угнетенную душу» и пишет письмо в Париж, предназначавшееся для опубликования. В нем он говорит, что последние деяния «героя» чрезвычайно «мучительны для республиканцев» и вызывают «тяжкие подозрения»⁵¹. Свои сомнения М.-А.Жюльен излагает в ряде произведений и, прежде всего, в анонимном памфлете «Несколько советов цизальпинским патриотам», который год спустя распространялся в Париже в радикальных кругах. В нем Жюльен призывает к расширению Цизальпинской республики, рассматривая это как первый шаг к объединению Италии, и проповедует, вероятно, отчасти под влиянием авторитарных действий Бонапарта, обязательное соблюдение конституции и использование только легальных средств для ее изменения (Тогда же в Милане (1797 г.) он организовал комитет по распространению республиканских идей и объединению страны, из которого, возможно, позднее возникло «Общество лучей»)⁵².

Весьма показательны отношение к Бонапарту Ф.Буонарроти, друга Бабефа и одного из руководителей «заговора во имя равенства». Он близко знал Бонапарта еще на Корсике, затем оба участвовали в знаменитой осаде Тулона, а после 9 термидора их пути вновь пересеклись – хотя один пошел влево, а другой вправо. 27 февраля 1796 г. командующий «внутренними войсками» Парижа генерал Бонапарт закрыл клуб «Пантеон», председателем которого был Ф. Буонарроти. Последний ему приписывал и самую инициативу этого мероприятия. Спустя три дня, 2 марта 1796 г., Директория подписала указ о назначении генерала командующим итальянской армией.

Здесь необходимо отметить, что в подготовке новой кампании Ф.Буонарроти принимал самое активное участие. По словам Ж.Годшо, он служил посредником между патриотическим комитетом в Ницце и Директорией⁵³. В своих многочисленных обращениях к министру иностранных дел Ф.Буонарроти доказывал, что Италия уже готова к революции и, если восстанет Пьемонт, то поднимется вся страна. Между 2 и 11 марта 1796 г. он виделся с Бонапартом, которого также ознакомил со своим планом создания республиканского правительства в Турине. Эти переговоры завершились успешно. 27 марта 1796 г. министр иностранных дел Делакура уведомил французского представителя в Генуе Како, что Ф.Буонарроти наделен особыми полномочиями и скоро прибудет в Ниццу⁵⁴. Однако его отъезд не состоялся, так как через три дня он был включен в состав повстанческого комитета, и Бабеф убедил его остаться в Париже⁵⁵.

Естественно, что Ф.Буонарроти с большим вниманием следил за развертыванием военных действий на Апеннинском полуострове. Но уже начало кампании его встревожило. 29 жерминаля (18 апреля), получив от своих соотечественников информацию о действиях военных агентов, он направляет записку министру иностранных дел, в которой призывает в освобожденных районах установить гражданскую власть. 23 апреля Ф.Буонарроти от имени итальянских патриотов посылает еще более решительное заявление, содержащее самые резкие упреки по адресу Бонапарта, чьи планы прямо противоречат интересам народа. В качестве доказательств Ф.Буонарроти передал Делакруа письма его друзей-итальянцев. В одном из них, от «гражданина Сальви», говорится, что народ в глубочайшем изумлении от такого противоречия «между принципами и делами»⁵⁶.

Таким образом, уже тогда у Ф. Буонарроти, многих итальянских патриотов (характерная судьба Лагоца)⁵⁷, некоторых наиболее проникательных французов сложилось представление о Бонапарте как опаснейшем честолюбце, рвущемся к власти и готовом в благоприятный момент установить личную диктатуру.

И все же эти стороны итальянской кампании или «отдельные штрихи в его образе», по выражению А.З.Манфреда, слабо или почти не принимались в расчет демократами в 1799 г. Все, что было блестящего и революционного в биографии Бонапарта, выступало на первый план и приковывало внимание большинства. Как это ни парадоксально, но он соединил в себе надежды разных группировок, и каждая хотела видеть его в своем лагере. Общему настроению поддались даже якобинцы. Их лидер Брио произнес в Совете 500 зажигательную речь, в которой связывал с Бонапартом начало благоприятных перемен⁵⁸.

Что касается Сиейеса, этого вдохновителя «партии конституционалистов», мечтающих о пересмотре конституции, то он вовремя сориентировался и послал на встречу с генералом его брата Люсьена Бонапарта. В напутствие он сказал: «Никто лучше вас не сможет объяснить ему наших планов. Он должен теперь возглавить нас и спасти республику от возрождения якобинства»⁵⁹.

Бонапарт, как вспоминает Люсьен, не колебался. Ему с самого начала все было ясно. Человек трезвого и практического ума, он понимал, что будущее за якобинцами. «Сиейес прав, — сказал генерал Люсьену, — Франции необходимо более сильное правительство... Я защищу добрых республиканцев от волнения предместий, как в вандемьере защитил Конвент от восстания роялистских секций»⁶⁰. Так был закреплен союз идеи и шпаги, которая, впрочем, оказалась гораздо длиннее, чем мог предполагать Сиейес.

Как в эти последние дни, канун переворота 18 брюмера, складывались отношения между Бонапартом и якобинцами?

10 брюмера, когда уже полным ходом шла подготовка к заговору, Наполеону принесли визитную карточку Журдана. А.Вандаль, знакомившийся с неопубликованными записками этого генерала, рассказывал, что накануне в якобинском лагере состоялось совещание. Оно проходило в доме Бернадотта. Журдан предложил пойти к Бонапарту и сказать ему, что демократы готовы видеть его во главе исполнительной власти при условии, что «представительное правление и свобода будут гарантированы хорошими учреждениями». Несколько человек резко возражали ему. Ожеро осыпал Бонапарта «грубой солдатской бранью». Однако было решено войти с ним в контакт⁶¹.

Бонапарт откликнулся. Но встреча его с Журданом состоялась только через 6 дней (!), 16 брюмера (7 ноября 1799 г.), всего за два дня до переворота. Такое промедление, когда счет шел на дни и даже часы, еще раз доказывает, что Бонапарт совершенно не связывал себя с якобинцами, но не хотел раньше времени ссориться с ними и раскрывать свои планы.

Но и якобинцы выжидали. 15 брюмера Журдан и Ожеро демонстративно не явились на торжественный обед, данный двумя Советами в церкви Святого Сюзьпиция по случаю возвращения Бонапарта. Их отсутствие было замечено, об этом написали даже газеты, и по залу распространились слухи, что они обедают в этот день с бывшим вождем федератов знаменитым Сантерром⁶². Хотя это были только слухи, их возникновение знаменательно. Обстановка все более обострялась.

На следующий день, 16 брюмера, Журдан был у Бонапарта. Об этих переговорах и тот и другой оставили свидетельства. Наполеон, правда, очень скупые: мне, рассказывал он много позже, было сделано предложение от имени Бернадотта, Ожеро, Марбо и Журдана стать во главе правительства, чтобы «претворить в жизнь принципы Манежа»⁶³. Каких-либо деталей он не сообщал. Гораздо интереснее в этом отношении записки Журдана, они восстанавливают весь ход беседы и сам ее характер. Разговор шел наедине:

«Бонапарт: Так как же, генерал, что вы думаете о положении республики?

— Я думаю, генерал, что если люди, которые так скверно правят страной, не будут удалены и не будет налажен лучший порядок вещей, нельзя надеяться на спасение отечества.

Бонапарт: Очень рад видеть в вас такие чувства. Я боялся не принадлежите ли вы к тем, кто без ума от нашей скверной -конституции.

— Нет, генерал, я убежден, что наши учреждения необходимо видоизменить, но только без ущерба для основных принципов представительного правления и великих принципов свободы и равенства.

Бонапарт: Разумеется, нужно, чтобы все делалось в интересах народа, но все-таки необходима более твердая власть.

— Я согласен с вами, генерал; и я, и друзья мои готовы присоединиться к вам, если вы сообщите нам ваши планы.

Бонапарт: Я ничего не могу сделать с вами и с вашими друзьями: у вас нет большинства. Вы напугали совет предложением объявить отечество в опасности и еотируете заодно с людьми, которые позорят вашу партию. Что касается вас и ваших друзей, я верю в ваши добрые намерения, но в данном случае не могу идти с вами. Впрочем, вы не беспокойтесь, — все будет сделано в интересах республики»⁶⁴.

Стало видно, что разговор носил открытый характер, насколько вообще это было возможно в той ситуации. В какой-то мере Бонапарт добился своего. Эти военные депутаты так ничего и не предприняли — ни 18, ни 19 брюмера. Возможно, тут имели место какие-то личные гарантии, данные Журдану. Так представлялось дело А.Вандалю, и нам кажется, что его предположение не лишено оснований⁶⁵.

Главным итогом переговоров был определенный отказ Бонапарта действовать во имя завоевания «принципов Манежа». Но якобинцы, по-видимому, и не очень рассчитывали на успех этой встречи. Почти в то же время они начали игру с главой Директории Баррасом, пытаясь заручиться его поддержкой. Сначала ему написал большое письмо депутат Тало, один из влиятельных лидеров демократической фракции. В нем, сообщая о всевозможных слухах, циркулирующих в Париже, и доброжелательных отзывах о Баррасе роялистов, депутат заявил, что «истинных друзей родины» огорчают эти похвалы. Они вызваны, по его мнению, намеренным желанием врагов дискредитировать Барраса и лишить его доверия у патриотов.

После столь тонкой дипломатии Тало обращался к директору с завуалированным предложением единых действий. Делал он это достаточно искусно: «Баррас не должен доверяться своим врагам: они не могли его победить ни клеветой, ни чем-либо другим; сейчас они намереваются расправиться с ним под видом дружбы. Баррас должен присоединиться к своим друзьям... и вместе с ними раскрыть отвратительный заговор»⁶⁶.

По всей вероятности, Тало писал это письмо от имени какой-то якобинской фракции, скорее всего парламентской. За это говорит и анонимная форма, которой он пользуется, и ясно выдержанный намек, что существует группа патриотов, готовых защитить республику («нет больше изолированных патриотов», «они объединяются»), и откровенное предложение союза.

Нам неизвестна реакция Барраса. В своих мемуарах он не говорит о своем отношении к письму, но уже 15 брюмера (накануне встречи Бонапарта с Журданом) к нему пришел Саличетти. Бывший робеспьерист и комиссар Конвента, закончивший свою жизнь могущественным министром полиции в Неаполитанском королевстве, в 1799 г. принадлежал к якобинской части Совета и, по свидетельству Бурьена, даже был одним из вожakov Манежа⁶⁷. Еще ранее он примыкал к движению Бабефа и находился в самых тесных отношениях с Ф.Буонарроти. Надо думать, что его визит также не был случайным. Разговор с ним Баррас подробно описал в своих мемуарах. Он начался с Бонапарта, о котором Саличетти отозвался самым резким образом: «Это совершенный мошенник; он заговорщик, интригант, безбожник, он собрал в себе все, что есть дурного в мире. Добавьте к этому, что он корсиканец в душе; да, я так говорю, потому что знаю его: если мы не убьем его, то он расправится с нами. Но у нас есть выбор»⁶⁸.

Саличетти требовал решительных мер. Он предлагал, по крайней мере, срочно выслать всех заговорщиков или арестовать их, но директор оставался безучастным. Баррас имел наивность думать, что сам участвует в заговоре, а Бонапарт, в свою очередь, охотно поддерживал в нем подобные иллюзии. Сначала он явился к Баррасу сам, был общий разговор, затем послал к нему Талейрана, потом Реаля и, наконец, вечером 13 брюмера опять встретился с директором и пообещал ему, по крайней мере, «президентство»⁶⁹.

В сущности, это были примитивнейшие интриги, но как раз их простота и обманула человека, который сам со времени 9 термидора был непререкаемым участником всех переворотов. Он настолько верил в «своего маленького олуха», что даже в день 18 брюмера, когда уже прояснилась окончательная позиция Сиейеса и Бонапарта, а также всех остальных участников заговора, Баррас не трогался с места и терпеливо ждал посланца от генерала, который ему доложит, как развиваются события. Надо ли после этого удивляться, что он не откликнулся на предложения якобинцев! Но, видимо, все же он сказал Саличетти побольше, нежели счел нужным писать в своих мемуарах. Как видно из полицейского бюллетеня от 17 брюмера (за день до переворота!), якобинцы строили свои планы то в отношении Барраса, то Бонапарта. О Баррасе они говорили, что им удалось «заполучить директора в свои сети», о генерале отзывались еще конкретнее: Бонапарт к ним благосклонней и будет противиться всякому подписанию мира, который отдаст какую-либо из завоеванных стран; что, напротив, он вновь отвоюет Италию и там «восстановит Римскую, Неаполитанскую и Цизальпинскую республики, а также образует республику в Пьемонте».⁷⁰

В заключение бюллетень сообщал, что оппозиционно настроенные депутаты «неутомимы» в изобретении способов для защиты их дела. Они уверены в поддержке Бонапарта, хотя и не вполне доверяют ему («он республиканец, но не желает демократии»), но убеждены, что им удастся использовать его в нужном для них плане⁷¹.

Таким образом, накануне брюмера сложились две, враждебные друг другу, политические группировки: с одной стороны, термидорианцы, вдохновляемые Сиейсом, Талейраном и Бонапартом и стремящиеся к созданию «сильного правительства» и ограничению буржуазных свобод, дабы окончательно ликвидировать возможность восстановления режима 1793 г.; и с другой — «якобинская партия», пытавшаяся в тех условиях помешать этим планам и выступавшая носителем демократической и республиканской традиции. Борьба этих группировок легко прослеживается до и после переворота. Отсюда следует, что подлинный смысл событий 18 брюмера — тот, который вкладывали в него его творцы, и который он действительно имел — заключается не просто в смене бездарных правителей, а в изменении всего государственного здания Франции на самых консервативных началах.

Забегаая вперед, скажем, что принятая после переворота конституция отвечала всем требованиям брюмерианцев. Она «была построена в соответствии с известным принципом Сиейеса (с ним был согласен и Бонапарт): «Власть должна идти сверху, а доверие снизу». По конституции первый консул располагал почти диктаторской властью: он мог единолично принимать решения, назначать и сменять министров, составлять из своих креатур Законодательный корпус и Трибунат (единственные представительные учреждения, не имеющие, впрочем, никакой власти), объявлять войну; два других консула имели лишь совещательный голос. Конституция 1799 г. фактически уничтожала выборы, хотя формально вводила всеобщее избирательное право; плебисциты же, в которых, по идее Наполеона, олицетворялся народный суверенитет, проходили под строгим контролем полиции и, естественно, никакого значения не имели. Затем были проведены административная и судебная реформы, логически вытекающие из духа конституции VIII г. Они придали наполеоновскому деспотизму относительно заверченный характер, под крылом которого, как писал Ф.Энгельс, «изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения» от режима террора⁷².

Дж.М.Туган-Барановский

2. Бонапарт у власти: иллюзии и угрозы

Поскольку история переворота 18 брюмера изучена во всех деталях, нет необходимости ее подробно описывать. Обратим внимание лишь на отдельные моменты.

В этот день, когда окончательно прояснились роли всех его участников, и когда Бонапарт с высокой трибуны Совета прямо указал на якобы существующий «преступный замысел террористов», чтобы развязать себе руки и получить официальное право на чрезвычайные полномочия, якобинцы проявили нерешительность. Никто из них не осмелился выступить против заговорщиков. Бернадотт даже попросил Жозефа Бонапарта отвести его к Наполеону⁷³, в стороне остался Журдан (он не явился и на следующий день на заседание Совета 500). А.Вандаль небезосновательно пишет, что военные заключили с Бонапартом нечто вроде перемирия, которое они имели право «нарушить или превратить в окончательный мир», смотря по тому, как будут развиваться события⁷⁴. Единственный бой брюмерианцам был дан в Совете 500 только на следующий день — 19 брюмера (10 ноября), но и там он не вышел за рамки легальности⁷⁵. По предложению депутата Дельбреля, члены Совета стали присягать на верность конституции 1795 г. Тактически это было крупным просчетом, сама церемония присяги растянулась на несколько часов. Под крики «вне закона» Бонапарта прогнали из залы заседаний. На какой-то момент наступило равновесие. Положение в Совете оставалось неясным, один оратор сменял другого. Президент Совета Люсьен Бонапарт с трудом сдерживал волнение. В лагере Сиейеса наступила растерянность. Но якобинцы так ничего и не предприняли, они не сумели использовать даже немногих выгод своего положения. Если бы Совет объявил Бонапарта «вне закона», то заговорщикам уже куда труднее было бы достичь успеха. Так в бесконечных и высокопарных требованиях прошло время, момент был упущен, и появились гренадеры Мюрата...

А спустя несколько часов жалкое охвостье Совета — всего 25 или 30 человек — вновь было собрано и вотировало без всяких дискуссий декрет, заранее подготовленный брюмерианцами. В нем говорилось, что вместо Директории создается консульская комиссия из трех человек (Бонапарт, Сиейес и Роже Дюко), а 61 депутат «за эксцессы и посягательства» исключается из состава Совета. В этом списке исключенных было много известных имен: Журдан, Бартелеми, Арена (ему приписывалось намерение во время заседания убить Бонапарта кинжалом), Дестрем, Дельбрель, Тало, Брио, Гупийо (он, будто бы, кричал Арена: «Ударь тирана!») и другие⁷⁶.

Свои первые репрессии только что родившийся режим направил против якобинцев. 26 брюмера (17 ноября) были объявлены «вне закона» 37 известных республиканцев, подлежащих высылке во Французскую Гвиану. Это бывшие депутаты Дестрем и Арена, бабувисты и активные деятели революции: Ф.Лепелетье, Б.Манье, Ванне, Массар, Маршан, Габриэль, Дидье, Ламбертэ, Журдейль, Дюбрейль, Метж и другие.⁷⁷

Кроме того, был также подписан еще один декрет, по которому 27 человек, в большинстве своем депутаты, Брио, Грандмэзон, Журдан, Антонелль, Тало, Дельбрель и другие, должны были быть направлены в Ла Рошель, а затем расселены в департаменте Нижняя Шаранта, по указанию министра полиции⁷⁸.

Хотя эти репрессии не были проведены в жизнь, опасность высылки существовала реально и не только в теории, как впоследствии утверждал Бонапарт⁷⁹. Известно, что уже 20 ноября морской министр выделил в распоряжение полиции для перевозки указанных лиц в Гвиану бриг и фрегат. Но общественное мнение, настроенное резко отрицательно к подобным насильственным актам, заставило консулов отказаться от проведения в жизнь самого декрета.

Термидорианская буржуазия отнеслась к перевороту самым благожелательным образом. Весьма показательно, что парижские банкиры субсидировали заговор, и уже 24 ноября 1799 г. Перрего, Давилье, Жермэн, Перрье, Делессер, Фульширон, Рекамье и другие банкиры на совещании у Бонапарта подписали обязательство об авансе правительству на 12 млн. франков. При этом финансист Малле с энтузиазмом заявил: «Мы все подпишемся. Есть ли такой парижский банкир или торговец, который в столь ответственный момент, среди столь прекрасных надежд, не пожалел бы горько о том, что он не поспешил засвидетельствовать свое исключительное доверие правительству, которое на это имеет столько права!»⁸⁰. Устами банкира Малле говорила вся буржуазная Франция. В свою очередь, доверие финансистов к новому режиму было подкреплено консулами, издавшими уже через 10 дней после переворота (!) постановление об отмене принудительного займа.

С немалым удовлетворением встретили падение Директории либералы, как известно, поддерживавшие тогда «ревизионистское» движение⁸¹. В этом плане характерна реакция госпожи де Сталь, считавшей себя в то время убежденной республиканкой. Еще до переворота она написала памфлет «О нынешних обстоятельствах, которые могут положить конец революции и принципах, которые должны лечь в основу ее», где развивала идеи создания консервативной республики, очень близкие к проекту Сиейеса⁸². Подобные взгляды разделял и ее друг Б.Констан. В своем произведении, посвященном английской революции, он указывал, что все «порядочные граждане» должны заключить между собой «alliance de moralité»⁸³. «Даже более чем роялистов, — писал по этому поводу тенденциозный историк П.Готье, — Констан ненавидел якобинцев, клуб Манеж, режим доносов, проскрипций, ссылки»⁸⁴.

Поэтому, естественно, что окружение Сталь отнеслось к перевороту весьма доброжелательно. Сама она прибыла в Париж только 18 брюмера и была поражена тем, что происходит. Но еще мало что зная, она уже всецело одобряла Бонапарта. В своих мемуарах она рассказывала, что один из ее друзей, участвовавший в заседании Совета 500 в Сен-Клу, время от времени направлял ей курьеров с новостями, они приходили каждые четверть часа и когда ей стало известно, что якобинцы побеждают (это случилось сразу после того, как Бонапарт бежал от депутатов под крики «вне закона»), она даже решила покинуть Париж и стала собираться в дорогу⁸⁵. В какой-то мере о реакции широких буржуазных масс на переворот можно судить по результатам плебисцита относительно конституции 1799 г. — 3 млн. 11 тыс. утвердительных вотумов и только 1562 отрицательных — хотя к ним следует относиться критически, так как опрос проводился под надзором полиции и имели место явные фальсификации. Гораздо более заслуживают внимания рапорты государственных советников Фуркруа, Барбе-Марбуа, Лакюз, Тибодо и других, отправленных в конце 1799 г. в различные регионы Франции для выяснения положения дел. Финансы, армия, администрация, образование, положение дорог, торговля, индустрия и общественное мнение, в общем все, что имело отношение «к спокойствию и процветанию государства», должно было стать предметом их проверки. Рапорты показали, что в большинстве

департаментов Франции «господствует спокойствие и удовлетворение» произведенным переворотом, случаи проявления недовольства редки и малочисленны⁸⁶.

В отличие от либерального и умеренно республиканского крыла отношение демократических кругов к брюмеранскому перевороту было сдержанным и, в отдельных случаях, враждебным. «Монитор» по этому поводу отмечал: «Совершившиеся изменения встречены с удовлетворением всеми, кроме якобинцев»⁸⁷. Однако на первых порах оппозиция проявлялась не столько в Париже, сколько в департаментах, где еще оставались нетронутые якобинские клубы. Президент трибунала Ионы Барнабе отказался от присяги консулам и регистрации декретов, принятых в Сен-Клу. Юрская администрация, где были особенно сильны демократы, декретировала даже созыв народного ополчения для уничтожения «тиранов-узурпаторов». Во главе этой армии должен был стать Лемар, будущий участник первого заговора Мале⁸⁸. К оружию призвали население якобинцы Тулузы, в Париже распространились даже слухи, будто Совет 500 соберется в этом городе » там произойдут расправы над заложниками; со стороны многих клубов Меца, Марселя, Клермон-Феррана, Версаля раздавались протесты⁸⁹. А.Олар справедливо отмечал, что временным консулам из-за противодействия пришлось отстранить довольно много должностных лиц⁹⁰.

И все же это были единичные выступления, какого-либо значительного, определенного и вполне осмысленного оппозиционного движения в эти первые месяцы (до мая 1800 г.) не существовало. В Париже можно указать лишь на зарегистрированное полицией недовольство разогнанных депутатов, которое, впрочем, не выходило за рамки разговоров, и появление уже через несколько дней после переворота печатного памфлета «Дюбрейль — Бонапарту». В памфлете выражалась надежда, что «рано или поздно глаза народа откроются» и тогда «узурпатора» постигнет справедливое возмездие⁹¹. Но Дюбрейль в те дни был одинок, а его памфлет получил хождение лишь в самых левых кругах (известно, например, что вдова Шометта хранила у себя это произведение в количестве 54 экземпляров, которые 25 фримера были изъяты полицией)⁹².

Большинство демократов колебалось, не зная, как развернутся события. Одни были захвачены «добросовестным бонапартизмом», другие же, как верно заметил А.З.Манфред, просто отошли в сторону. «Они не хотели помогать ни Баррасу, ни Сиейесу, ни Бонапарту; они отдавали себе отчет, что основной поток событий пронесется где-то в стороне; им нечего было больше делать; они готовы были смешаться с толпой»⁹³.

Эта особенность ситуации, тонко подмеченная видным исследователем наполеоновской эпохи, находит многократное подтверждение. Генерал Журдан не одобрил переворот и особенно его потрясло оскорбление, нанесенное народным представителем — об этом он прямо и честно написал Бонапарту — но при всем этом Журдан был далек от перехода в оппозиционный лагерь⁹⁴. Он покорился, и подобно ему, также поступили другие. Якобинский орган «Journal des Hommes libres» занял компромиссную позицию; не выступая прямо против консульской власти, и самым резким образом критикуя Дюбрейля (как, якобы, провокатора и петербургского агента)⁹⁵, газета тем не менее осторожно взяла под защиту Барнабе и на своих страницах разоблачала правительственную утку о пресловутых «кинжалах совета»⁹⁶.

В те первые дни, вплоть до обнародования конституции VIII г. (до 13 декабря 1799 г.), многие демократы еще находились под впечатлением революционных заслуг Бонапарта и питали иллюзии относительно будущего режима. В этом смысле Бонапарт был действительно «самым подходящим человеком» для термидорианской буржуазии, по выражению К.Маркса⁹⁷, поскольку он не только обладал всеми качествами будущего Цезаря, но и способен был породить наибольшие иллюзии у республиканцев. Но важно отметить, что даже в письмах и всевозможных адресах, официальных и частных, порой сквозь почтительный тон проскальзывали такие угрозы, что можно было не сомневаться в позиции, которую займут их авторы в случае, если Бонапарт повернет вправо. Приведем в качестве примера образчик такого полуофициального мнения. 6 брюмера парижская газета «Bien-Informe» опубликовала анонимное письмо «Консулу Бонапарту», в котором говорилось, что если ему удастся утвердить в стране принципы народного суверенитета и достичь подлинной свободы, то он будет величайшим из людей, «первым среди благодетелей» и встретит всеобщее почтение. «Но если, — продолжал неизвестный автор, — ты, напротив, используешь престиж своего имени в интересах своего честолюбия и принесешь в жертву народный суверенитет, а родина получит нового деспота, то тогда ты будешь самым гнусным из тиранов, достойным ненависти всех людей». Это письмо было подписано: «Свободный человек, зритель твоей славы или преступлений, твоего позора и наказания, готовый тебя приветствовать или проклинать». Можно не сомневаться, что это письмо исходило из якобинских кругов и отражало их мнение.

Для характеристики этой колеблющейся массы, еще не определившей своего отношения к режиму, чрезвычайно показательна позиция бывшего робеспьериста М.-А.Жюльена. Накануне брюмера мы видим его среди членов Манежа; переворот застал Жюльена в состоянии полной растерянности. Бонапарт оставался его кумиром, но с другой стороны, идеалы юности не позволяли ему сразу и целиком принять происшедшее. «Ты знаешь, — писал он одному из друзей 19 ноября, — как я был опечален личной несправедливостью, допущенной в отношении многих из тех, кого я уважаю, а в особенности ударом, нанесенным Национальному собранию»⁹⁸. Очень любопытны колебания Жюльена в эти дни. С одной стороны, он видит в правительстве «прелюдию к чисто олигархической системе», с другой — склонен рассматривать гонения республиканцев чем-то вроде «неслыханного недоразумения». Его позиция — это мучительные и искренние поиски иного пути. Уже через 10 дней после переворота он предлагает Бонапарту тайную встречу, в его намерения входит издание брошюры об отношении республиканцев к новому режиму. Бывший робеспьерист проявляет потрясающую активность (таким он был в дни вандемьера 1795 г., когда вместе с Бабефом и Жерменом обратился от имени заключенных к коменданту тюрьмы Плесси с просьбой о временном освобождении под честное слово для подавления роялистского бунта). Можно не сомневаться в искренности его заблуждений, которые не были только его личной трагедией.

В то время, когда Жюльену уже предстояло выбрать, с кем он: с Наполеоном или честными демократами, он все еще раздумывал и пытался соединить несоединимое. Свою точку зрения он подробно обосновал в памфлете «Размышления о дне 19 брюмера, причинах его вызвавших, и способах укрепления результатов его», один из экземпляров которого адресовал лично «консулу Бонапарту». В нем мы находим довольно положительную оценку Комитета общественного спасения до 9 термидора: «Он совершил великие дела, запятнанные великими ошибками, но он спас Францию»¹⁰⁰.

Такая характеристика не случайна. Жюльен еще раз пытался напомнить Наполеону его якобинское прошлое — дружбу с братом Робеспьера, памфлет «Ужин в Бокере», смелое взятие Тулона. Это своеобразная попытка указать на истоки нового режима, как его понимал Жюльен.

Затем он рисует картину революции («Через какой океан крови мы прошли! Сколько Бастилии, сколько эшафотов!») и, наконец, подходит к самому главному — задаче нынешнего правительства. Революция должна быть закончена, следует создать сильное устойчивое правительство. В этом пункте Жюльен единодушен с либералами, но многое он понимает иначе. Республика должна остаться. Если Сталь вместе со своими друзьями рукоплескала репрессиям над якобинцами, то Жюльен хочет союза между якобинцами и правительством.

Подобно ему, думали также и некоторые другие демократы. Бабувист Сонтонакс был арестован почти сразу после 18 брюмера. Но даже арест не уничтожил его иллюзий в отношении Бонапарта. Из тюрьмы он писал графу Реалю о своем заключении, которое рассматривал как недоразумение: «Не компрометируется ли этим (то есть арестом. — Т.-Б.) правительство, которому необходимо доверие французов? Не смешно и отвратительно ли устанавливать наблюдение и преследовать людей, равно неспособных как устраивать заговоры, так и вредить? Если консулы увидят их (арестованных. — Т.-Б., то предоставят им те должности, которых они заслуживают»¹⁰².

Конечно, в этом письме не чувствуется оптимистических ноток Жюльена, но и до враждебного отношения к Бонапарту здесь далеко. Психологически, в контексте той эпохи, такая неопределенность Сонтонакса очень понятна. К тому же в заключении он выражал надежду, что Жюльен ознакомит с его размышлениями консулов. Может быть, только в этих дипломатических целях и было составлено письмо?!

Так или иначе, но в то время не всем были ясны намерения Бонапарта. Многие колебались. В свою очередь, Наполеон пытался убедить всех, что его задача не в разрушении республиканских устоев, а в спасении их и объединении под трехцветным знаменем революции всех французов. Депутату Бейцу в ответ на его письмо от 27 брюмера с суровым осуждением переворота Бонапарт писал: «Присоединяйтесь к народу. Простое звание французского гражданина стоит гораздо больше прозвища фельяна, призерженца клики, якобинца, розлиста и еще тысячи и одного наименования, которые убавкивают дух клик и в течение десяти лет ускоряют путь нации к пропасти, от чего пришло время ее навсегда спасти. Вот цель моих усилий»¹⁰³.

Такого рода лозунги были очень популярны тогда. И они, конечно, производили впечатление. Бывший член Комитета Общественного спасения Бертран Барер прислал из своего убежища (он скрывался при Директории) Бонапарту письмо, в котором заявлял о своей поддержке переворота и предлагал проект довольно умеренной конституции,¹⁰⁴ беспринципный Жозеф Фуше стал министром полиции, Луи Давид, заявивший в 1794 г., что вместе с Робеспьером выпьет цикуту, получил позднее титул придворного живописца и графа Империи. Этот список можно было бы продолжить. А.Олар даже сострил однажды, что, доживи Марат до Империи, то в книге парижского дворянства значился бы как граф или барон. Позднее Наполеон говорил Талейрану, что якобинцы делятся на два типа: «подсланные» и «соленые». «Первые при небольших деньгах, чрезвычайно удобны для новой власти. Они поддерживают в ней решимость! Но соленые — тех нельзя отесать! Они со своей метафизикой способны погубить двадцать правительств»¹⁰⁵.

Если пользоваться этой терминологией, то Фуше, Давида, Барера (ниже мы увидим, в какой необычной роли он выступит в конце 1800 г.) и многих других, занявших места в наполеоновских учреждениях, можно отнести к «подсланным». Но искренних демократов, убежденных защитников равенства из когорты Робеспьера и Бабефа, воспитанных великой революцией, людей своеобразного склада ума и необычайной духовной силы, нельзя было поколебать. И дальнейшее развитие событий это только подтвердило.

3. Критика конституции

13 декабря 1799 г. была обнародована новая конституция, окончательно прояснявшая антидемократический буржуазный характер переворота 18 брюмера. Смысл этой конституции очень точно выразил один из ее непосредственных авторов Кабанис: «Невежественный класс не будет отныне оказывать влияние ни на законодательство, ни на правительство; все делается для народа и во имя народа, ничто не делается его собственными руками и под его неразумную диктовку».

Чтобы судить о реакции демократических кругов на принятую конституцию, недостаточно знать итоги плебисцита, хотя и они являются определенным критерием. Как показал в своем исследовании современный французский историк Лянглуа К., плебисцит проходил при *всяком отсутствии* контроля со стороны народа. При этом правительство использовало различные средства давления, в результате изучения архивных документов Лянглуа пришел к выводу, что было подано гораздо больше отрицательных вотумов, чем указано официально (всего 1562 голоса), и гораздо более значительным было число воздержавшихся (по данным правительства — около 4 млн. человек)¹⁰⁶. Армия и флот фактически не голосовали. Кроме того, следует учесть также и то, что далеко не все были готовы публично декларировать свое несогласие с режимом, и, как писала якобинская газета «Journal des Hommes libres», «республиканцы одобрили конституцию, несмотря на статьи, которые их весьма сильно ущемляют»¹⁰⁷.

Публичное одобрение вовсе не означало отсутствия скрытого брожения и недовольства, а недовольство создавало почву для сопротивления. В своих отчетах полицейские чиновники не раз отмечали, что в Париже, да и вообще во Франции, сохранились «остатки анархистской фракции», сторонники конституции 1793 г., не признающие новый режим. В числе «анархистских лидеров» часто назывались: Ф.Лепелетье, П.Антонелль, Моиз Бейль, Лебуа, Анрио, некоторые бывшие депутаты (Дестрем и Тало) и другие¹⁰⁸. «Они говорят, — сообщали полицейские, — что первый консул уничтожил республиканское правительство, и в своем объяснении заявляли, что успокоятся лишь тогда, когда будут питаться из его черепа»¹⁰⁹.

Однако не только в разговорах выражалось это недовольство. Еще Дюбрейль в своем произведении, с редкой для того времени проницательностью, заявлял, что «олигархический кодекс священника Сиейеса» ляжет в основу будущей конституции. Дюбрейля в те дни поддерживали, однако, лишь в самых левых кругах, после же 13 декабря 1799 г. появилось немалое количество памфлетов с осуждением правительственного курса. В них давалась весьма аргументированная критика конституции, говорилось о «приходе нового Цезаря», а в некоторых даже ставился смелый вопрос, не кончится ли все это коронацией Бонапарта¹¹⁰.

Одним из авторов таких памфлетов был будущий участник якобинских заговоров журналист Метж. В своих произведениях, которые им самим распространялись в предместьях среди рабочих, он осуждал переворот 18 брюмера и даже призывал к восстанию. «18 брюмера, — писал он, — это преступление. Его творцы и все те, кто исполняет сейчас правительственные функции — враги народа и расточители. Солдаты не могут, не совершая преступлений, исполнять их приказы... Народ должен восстать!». В том же духе было написано и другое произведение «Турок и француз-военный», представлявшее по форме диалог. В нем речь шла о египетской кампании. По ходу беседы выяснялось, что слава Бонапарта не так уж велика, и армия, брошенная в Египте, вправе быть на него в претензии. Какая насмешка, восклицает турок, «при теперешнем правительстве» говорить еще о свободе и равенстве: «Правители хорошо знают, что имеют дело с дураками и плутами, и среди них не найдется Брута». На эту филиппику военный отвечает: «Нет! Он будет избран из самых достойных»¹¹².

Характерно, что именно в эти зимние и весенние месяцы 1800 г. начинают активизироваться якобинцы и строят всевозможные проекты государственных переворотов, так и не воплощенные в жизнь. «Исключительные, — отмечалось в. обозрении министерства полиции 14 марта 1800 г., — питают определенные надежды на уничтожение современного правительства и восстановление Комитета общественного спасения. Они ищут главным образом связей с военными и стараются посеять в них дух непокоя»¹¹³.

Именно тогда в Париже полиция обратила внимание на проведение демократами тайных собраний. Обычно они устраивались в квартирах особо доверенных лиц, известных деятелей революции, например, у г-жи Шометт (вдовы Шометта, прокурора Парижской коммуны) или у бабувиста Жилле, либо в мастерских арсенала или даже в публичных местах: кафе, хозяева которых симпатизировали демократам, или в парках, в частности, саду Тюильри. На этих сходках обсуждался довольно широкий круг проблем: начиная от итальянской политики Бонапарта¹¹⁷ и кончая настроениями рабочих предместий. Участники собраний резко выражали свое недовольство. «Они, — сообщали полицейские о речах Массара, Барбье, Шатенефа, — говорят, что демократы хорошо знают, что придет время, когда будет уничтожено правительство, ничего не дающее народу»¹¹⁸.

Особенно большую роль в организационном оформлении демократической оппозиции сыграли бабувисты. Полиция также неоднократно на это указывала. «Несколько фракционеров, известных по делу Бабефа, — говорилось в обзоре Фуше от 23 марта 1800 г., — ищут способы возобновления своей деятельности; они часто собираются»¹¹⁹.

Любопытно, что многие сходки «исключительных» проходили под руководством бывших бабувистских «агентов» — Массара, Маршана, Ж.-Б.Дидье, которые, в свою очередь, как считала полиция, согласовывали свои действия с Ф.Лепелетье и Антонеллем, двумя бывшими членами повстанческого комитета Г.Бабефа¹²⁰. Агентурное наблюдение установило, что между ними поддерживались не посредственные связи через специальных эмиссаров. «Обычно, — отмечала полиция, — использовался для таких услуг Божур (Beaujour), распространитель газеты Бабефа»¹²¹, иногда Массар, часто наезжавший в Версаль к Ф.Лепелетье, который тогда там проживал на улице Пти-Монтрой¹²². Кроме них, функции эмиссаров с успехом выполняли также бывший генерал Гани и бабувист Жермен (из Зирофле)¹²³. В частности, через Жермена поддерживали контакты с якобинцами Рейнской армии¹²⁴. В свою очередь, Ф.Лепелетье и Антонелль находились в близких отношениях с депутатом Брио¹²⁵. Столь активное участие бабувистов в антинаполеоновском движении позволяет предполагать, что те связи и отношения, которые установились в 1796 г. в конспиративной организации Г.Бабефа, не были «совсем уничтожены Вандомским процессом, и в 1800 г., возможно, были восстановлены некоторые звенья прежней бабувистской организации»¹²⁶.

Особую роль в антибонапартистском движении играли два бывших друга Г.Бабефа — Ф.Лепелетье и Антонелль. Именно вокруг них происходило сплочение патриотов. С начала 1800 г. Антонелль, часто наезжавший к Ф.Лепелетье в Версаль, начал работу над «большим произведением», посвященном критике консульской конституции. В нем он пытался, как отмечала полиция, «раскрыть не только ее пороки», но и «указать народу средства возвращения его прав»¹²⁷. Такая книга действительно была написана, полиция ее характеризовала, как «анархический кодекс, который может встретить понимание только у сторонников режима 1793 г.». Антонелль в доме Ф.Лепелетье в кругу «самых верных своих единомышленников» (среди которых оказался и агент Фуше) зачитывал из нее отдельные главы¹²⁸. Важно отметить, что затем это произведение «по листочку» было переслано в Рейнскую армию¹²⁹.

Одновременно с появлением антиправительственных памфлетов, в левых кругах стали распространяться и различные проекты конституций, выдержанных обычно в якобинском духе. Один из таких проектов был изъят осенью 1800 г. у Метжа, активного участника якобинского подполья¹³⁰.

Но если многие из демократов, в том числе и бабувисты, продолжали выдвигать требование о восстановлении конституции 1793 г. в качестве первоочередного политического лозунга, то встречались также и защитники более левых идей. Полиция в этой связи обратила внимание на появившуюся в Париже весной 1800 г группу «исключительных», которые не только критиковали новый режим, но даже осуждали конституцию 1793 г. «Они хотят другого, — писал префект Наполеону, — когда собственники станут лишь экономами своих имуществ, а доля каждого будет строго регламентирована»¹³¹. Разумеется, подобные уравнилельские тенденции, ведущие начало явно от Г.Бабефа, были в те дни чрезвычайно редки; однако уже сам факт их появления весной 1800 г. — весьма символичен и показателен. Он свидетельствовал не только о влиянии бабувистских идей, своеобразной (сколь это было возможно на рубеже XVIII и XIX веков) их жизненности, но и о том, что критика конституции исходила в основном из самых революционных кругов.

Обстановка в те дни в Париже была чрезвычайно сложной. Это нетрудно почувствовать, читая даже полицейские отчеты, ежедневно составляемые для первого консула. В них, и в этом заключалось веяние времени, появились особые рубрики: «Анархисты» и «Исключительные», по которым можно проследить отношение «последних монтаньяров» к складывающемуся бонапартистскому режиму.

Сложность ситуации понимал и Наполеон. Он чувствовал, что рано или поздно, но с наиболее решительной частью якобинцев ему придется скрестить оружие. И принимая даже миролюбиво настроенного М.-А.Жюльена, бывшего друга Робеспьера и ныне «добросовестного бонапартиста» (по словам В.М.Далина), Наполеон не преминул ему сказать знаменательные слова:

«Прежде чем действовать, нужно взвесить возможные результаты. Тот, кто объявит себя моим врагом, должен подумать, может ли он победить, — народ не так легко поднять. Но уже есть симптомы. Я приглядываюсь, прислушиваюсь, я даже даю возможность говорить и — в одно мгновение всему, что может оказаться опасным, будет нанесен удар»¹³². Безличная форма этих фраз свидетельствовала, что речь идет не только о Жюльене, но и о довольно многочисленной группе его беспокойных друзей. Они должны учесть не только, что Наполеон «за республику», но и в чьих руках реальная сила.

Чувства и настроения якобинцев неизбежно должны были найти выход. Но легальные пути, которые они, как мы уже видели, широко использовали в последние два года Директории и даже пытались в 1799 г. создать свое большинство в Совете 500, теперь, после брюмерианского переворота, оказались окончательно закрытыми. Трибунат и Законодательный корпус не только никакой роли не играли, но и составлялись по указке Наполеона. В этих условиях складывающегося тоталитарного режима для якобинцев оставалось только два выбора: либо в той или иной форме признать новый режим, либо отвергнуть его. Последнее означало неминуемо путь подпольной борьбы, заговоров и тайных обществ.

1 См. характеристику их конституционных проектов A.Mathiez. Le Directoire. P., 1934, p.337—355.

2 Ibid., p.338.

3 Старосельский. Проблема якобинской диктаторы. М., 1930, с.221.

4 Щеголев П.П. Заговор Бабефа. Л., 1927, с.89.

5 Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963, т.1, с.275.

6 Cobb R. Note sur la repression contre le personnel sansculotte de 1795 a 1801. — Annales historiques de la Revolution Francaise. 1954, N 134, p.241.

7 Буонарроти Ф. Указ.соч., т.2, с.116.

8 Там же, с.65—66.

9 Lefebvre G. Le Directoire, p.124.

10 Олар А. Политическая история французской революции. Пг., 1918, с.465, прим.1.

- 11 Woloch I. Jacobin Legacy. The Democratic Movement under the Directory. Princeton, 1970 (О выборах VI г. — ch.XI. Elections in Paris).
- 12 Сюратто Ж. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории. — Французский ежегодник. 1960. М., 1961, с.118.
- 13 Наполеон. Избранные произведения. М., 1941, с.70; Высоко отзывался об Ожеро Ф.Буонарроти.
- 14 Memoires et correspondance politique e.t militaire du roi Joseph. Paris, 1853, t.1, P.74.
- 15 Об этой газете см.: Fajn M. Le «Journal des hommes libres de tous les pays» 1792—1800. — Annales historiques de la Revolution Francaise, 1975, N 220, p.281-282.
- 16 Дотри Ж. Бабувистская традиция после смерти Бабефа и до революции 1830 г. — Французский ежегодник. 1960. М., 1961, с.160.
- 17 Об этом клубе см.: Aulard A. Les derniers jacobins. — Etudes et lecons. Ser.7, P., 1913, p.92—94.
- 18 Сюратто Ж. Указ. соч., с.100.
- 19 Aulard A. Les derniers jacobins, p.92—94.
- 20 Ibid., p.94.
- 21 Один из ораторов Манежа закончил свою речь так: «Говорят, что якобинцы желают только дезорганизации и крови. Нет, якобинцы хотят лишь благоденствия Республике и смерти врагам» (Paris sous le Directoire, t.V, p.621). А 10 термидора якобинец Дютаста так в своей речи отозвался о дне 9 термидора: «Этот день, столь памятный для одних, столь плачевный для других, столь фатальный для всех; с этого дня роялизм распространяется, чтобы подавить республиканцев и погрузить родину в бездну зла...» (Aulard A. Les derniers jacobins, p.106).
- 22 Paris sous le Directoire, t.V, p.614, 617, 656.
- 23 Ibid., p.625.
- 24 Aulard A. Les derniers jacobins, p.99.
- 25 Переписку Габриэля с Ф.Буонаррот и другими заключенными бабувистами см. в кн.: Saitta A. Op.cit, v.2, p.39—41. 1 августа «общество» постановило провести сбор пожертвований в пользу вдов и сирот жертв Гренельского лагеря (Дотри Ж. Указ.соч., с.160).
- 26 Aulard A. Les derniers jacobins, p.100—102.
- 27 Ibid., p.109—110.
- 28 Paris sous le Directoire, t.V.
- 29 Любопытен проект П.Доливье, бывшего кюре из Мошана, который в 1796 г. находился в связях с бабувистами. Незадолго до переворота 18 брюмера 1799 г. он составил свою программу «спасения Республики», где требовал: уничтожить частную собственность, установить «мас-симун» не только на цены рыночных продуктов, но и на доходы граждан с конфискацией излишков в пользу государства (Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, с.58—59). О Ретиф-де-ля-Бретоне см.: Иоаннисян А.Р. Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории. — Вопросы истории, 1957, № 6, с.118—120.
- 30 Paris sous le Directoire, t.V, p.666.
- 31 Le Moniteur. 19 thermidor an VII.
- 32 Le Moniteur, 20, 22, 23 thermidor an VII (Seances des 17 et 18 thermidor aux Cinq-Cents).
- 33 Madelin L. Fouché (1750—1820), P., 1901, t.1, p.252—253.
- 34 Le Moniteur, 30 thermidor an VII (Seance des Cinq-Cents du 27 thermidor). Если судить по мемуарам Фуше, Брио позже, 3 сентября, требовал уничтожения министерства полиции (Fouche J. Memoires, P., 1824, t.1. p.94).
- 35 Comte de Segur. Histoire et memoires, t.III, P., 1873, p.418.
- 36 Об этой попытке сообщила газета «Messenger» (du 28 thermidor) (Paris sous le Directoire, t.V, p.656).
- 37 В.М.Далин среди бумаг М.-А.Жюльена в ЦПА НМЛ при ЦК КПСС обнаружил документ «О закрытии собрания Друзей равенства и свободы...», в котором Жюльен заявлял о подчинении властям. «Мы не дадим сигнала к раздорам. Мы даже добровольно откажемся от предоставленного нам законом права собираться... если только наши открытые и братские собрания могут вызвать малейшую тревогу у существующих властей» (Далин В.М. Люди и идеи, с.81). f. j a* C-te de Segur. Op.cit., t.III, p.417.
- 39 Вандаль А. Возвышение Бонапарта. СПб, 1905, ч.1, с.201.
- 40 Jung Th. Lucien Bonaparte et ses memoires (1775—1840). P., 1882, t.1, p.226. Гренобльский клуб заявил о необходимости восстановления режима 1793 г. Ibid., p.226. См. также: Дотри Ж. Указ.соч., с.61.
- 41 Marechal S. Voyage de Pythagore en Egypte, dans la Chaldee, dans l'Inde, en Grece, a Sparte, en Sicile, a Rome, a Carthage, a Marseille... v.I—VI, 1799, Paris. Об этом произведении С.Марешаля см.: Ланда С.С. Дух революционных преобразований. М., 1975, с.271—275.
- 42 Galante-Garrone A. Buonarroti e Babeuf. Torino, 1948, p.262. t.43 «Газета свободных людей» и Манеж, — вспоминал Люсьен Бонапарт, — действовали сообща... Сиейес стал самым горячим предметом их ненависти» (Jung Th. Op.cit, t.I, p.225). О позиции «Journal des Hommes libres» см. Fajn M. Le journal...
- 44 Saitta A. Op.cit., v.2, p.38.
- 45 Ibid., p.38.
- 46 Беранже П.-Ж. Моя биография. — В кн.: Избранные песни М., 1950, с.390.
- 47 Цит. по: Далин В.М. Люди и идеи, с.90; см. также: Буонарроти Ф. Указ.соч., т.2, с.196—197.
- 48 Correction a la gloire de Bonaparte ou lettre a ce general. Venise-I Paris, an VI. Памфлет подписан семью буквами: «P.S.M.L.H. S.D». Они расшифровываются как «Pierre-Sylvain Marechal. L'Homme sans Dieu». Возможно, итальянцы тоже участвовали в написании этого произведения. Ведь некоторые из них были близки к движению Бабефа: это прежде всего сам Буонарроти, затем его друзья Черакки и Черизе (о нем в 1799 г. полиция сообщала как о бывшем «секретаре Бабефа»), затем Топино и др. От них С.Марешаль мог получить нужную информацию об итальянской кампании. Памфлет имел успех и был опубликован еще и на польском языке (Skrzypiek M. Sylvain Marechal a Polska — «Euhemer Przegląd religioznoszy». Wercz., 1969, N 2, 4(74), S.61). В начале XX века произведение С.Марешаля было перепечатано А.Матъезом (Mathiez A. Une brochure anti-bonapartiste en l'an VI. Les predictions de Sylvain Marechal. — La Revolution Francaise. janvier-juin 1903, p.249—255).

- 43 Jung Th. Op.cit, t.I, p.225). О позиции «Journal des Hommes libres» см. Fajn M. Le journal...
- 44 Saitta A. Op.cit., v.2, p.38.
- 45 Ibid., p.38.
- 46 Беранже П.-Ж. Моя биография. — В кн.: Избранные песни М., 1950, с.390.
- 47 Цит. по: Далин В.М. Люди и идеи, с.90; см. также: Буонарроти Ф. Указ.соч., т.2, с.196—197.
- 48 Correction a la gloire de Bonaparte ou lettre a ce general. Venise-I Paris, an VI. Pamфлет подписан семью буквами: «P.S.M.L.H. S.D». Они расшифровываются как «Pierre-Sylvain Marechal. L'Homme sans Dieu.». Возможно, итальянцы тоже участвовали в написании этого произведения. Ведь некоторые из них были близки к движению Бабефа: это прежде всего сам Буонарроти, затем его друзья Черакки и Черизе (о нем в 1799 г. полиция сообщала как о бывшем «секретаре Бабефа»), затем Топино и др. От них С.Марешаль мог получить нужную информацию об итальянской кампании. Pamфлет имел успех и был опубликован еще и на польском языке (Skrzypiek M. Sylvain Marechal a Polska — «Euhemer Przegląd religioznowszy». Wercz., 1969, N 2, 4(74), S.61). В начале XX века произведение С.Марешаля было перепечатано А.Матъезом (Mathiez A. Une brochure anti-bonapartiste en l'an VI. Les predictions de Sylvain Marechal. — La Revolution Francaise. janvier-juin 1903, p.249—255).
- 49 «Генерал Бонапарт, — писал Стендаль, — нажил себе в Париже множество врагов той снисходительностью, какую он проявил по отношению к папе» (Стендаль. Собрание сочинений, М., 1959, т.II, с.16). О «хулителях» Бонапарта в Париже см. полицейский обзор от 13 марта 1797 г. — Paris sous le Directoire, t.IV, p.3.
- 50 Брандыс М. Исторические повести. М., 1975, с.256.
- 51 Далин В. М. Люди и идеи, с.69—70.
- 52 Анализ памфлета см. Woloch I. Op.cit, p.163—167; Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1958, т.1, с.325.
- 53 Godechot J. Les commissaires aux armees sous le Directoire, Paris, 1937, t.1, p.256.
- 54 Mathiez A. Le Directoire, 1934, p.188—189.
- 55 Возможно, имели место также другие причины. — Lehning A. L'arrestation de Buonarroti (21 floreal an IV) et sa mission a l'armee d'Italie Colloque international de Stockhohn. Babeuf et les problemes du babouvisme. P., 1963, p.133—145.
- 56 Godechot J. Op.cit., t.1, p.274.
- 57 Лагоц командовал сначала ломбардским легионом в Итальянской армии но затем поднял восстание против французов и перешел на сторону австрийцев, а в 1799 г. погиб. По своим убеждениям был якобинцем О нем: Spadoni D. Il generale Labor e il suo tentative indipendentista del 1799. Macerata, 1933.
- 58 Jung Th. Op.cit., t.1, p.261.
- 59 Ibid., p.263.
- 60 Ibid., p.282—285.
- 61 Вандаль А. Указ.соч., с.287—288; О Журдане см.: Valentin R. Le marechal Jourdan (1762—1833). Paris, 1956.
- 62 Газета «Bien-Informe» писала: «Рассказывают также, что генералы Журдан и Ожеро и многие члены Законодательного Совета не были там (т.е. на обеде в церкви Сен-Сюльпис. — Т.5.)» (Paris sous le Directoire, t.V, p.786).
- 63 Napoleon. 18 brumaire Correspondance de Napoleon I. t.30, p.309.
- 64 Вандаль А. Указ.соч., с.309.
- 65 Там же, с. 309—310.
- 66 Barras P. Memoires. t.IV, P., 1896, p.57—58.
- 67 Godechot J. Op.cit., t.I, p.571. Имя Саличетти фигурировало в бумагах Бабефа (Ibid., p.403).
- 68 Barras P. Op.cit, t.IV, p.62.
- 69 Ibid., p.50.
- 70 Ibid., p.59—60.
- 71 Ibid., p.60.
- 72 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, с.267.
- 73 Roi Joseph. Op.cit., t.1, p.78.
- 74 Вандаль А. Указ.соч., с.353—354.
- 75 Слухи о вооруженном нападении на Бонапарта в Совете 500 19 брюмера были пущены самими брюмерианцами. Легенду о «кинжалах Совета» блестяще опроверг А.Олар (Aulard A. Bonaparte et les poignards des Cinq-Cents).
- 76 Gaffarel P. L'opposition republicaine sous le Consulat. — La Revolution Francaise, 1887, t.13, p.533.
- 77 Ibid., p.534.
- 78 Ibidem.
- 79 Ibid., p.538.

80 Stourm. Les finances du Consulat. P., 1902, p.56—57.

81 «...Переворот 18 брюмера, — писал исследователь этого вопроса В.А.Бутенко, — был встречен единодушным сочувствием приверженцев либеральных идей... И можно даже утверждать, что без сочувствия защитников либеральных идей Наполеону не мог бы удался переворот 18 брюмера» (Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913, т.1, с.69—70).

82 De Staël G. Des circonstances actuelles, qui peuvent terminer la Revolution ... Publ. par. J.Viennot. Paris, 1906

83 Constant B. Des suites de la contre-revolution en Angleterre.

84 Gautier P. M-me de Stael et Napoleon. P, 1903 p.17.

85 Ibid., p.24.

86 L'Etat de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'Etat chargés d'enquête sur la situation de la république par F.Rocquain. Paris, 1874; L'Etat de la France en l'an VII et en l'an IX Documents publics par A.Aulard. Paris, 1897.

87 Le Moniteur. Du 22 brumaire au VIII, N 52.

88 Aulard A. Les causes et les lendemains du 18 brumaire, p.233

89 Ibid., p.233—234.

90 Олар А. Политическая история французской революции, с.480.

91 Aulard A. Les causes... p.231.

92 Paris sous le Consulat, t.1, p.54.

93 Манфред А.3. Наполеон Бонапарт, с.284.

94 Aulard A. Les causes... p.244.

85 Paris sous le Consulat, t.1, p.37.

96 Ibid., p.46—47.

97 Из маргиналий К.Маркса. — История Франции. М., 1973, т.2, р.III.

98 Paris sous le Consulat, t.1, p.30.

99 Цит. по: Далин В.М. Люди и идеи, с.81; В оценке У М.-А.Жюльена автор целиком солидарен с В.М.Далиным, впервые проанализировавшим путь этого якобинца от 9 термидора до 18 брюмера.

100 Там же, с.83.

101 Там же, с.83.

102 Destrem J. Le lendemain de Brumaire — Revolution Francaise, 1911, N 1—6, p.38—50.

103 Napoleon Correspondance, t.6, N 4398, p.11.

104 «Революционные идеи истрепаны, реакционные ужасны, — писал Б.Барер, — осталось место только либеральным и консервативным идеям» (Le Moniteur. 19 frimaire an VIII, N 79).

105 Талейран. Мемуары. М., 1959, с.165.

106 Langlois C. Le plebiscite de l'an VIII. — Annales Historiques de la Revolution francaise, 1972, N 1.

107 Paris sous le Consulat, t.1, p.81.

108 Ibid., t.1. p.313, 320, 331, 335, 350.

109 Ibid., p.207.

110 Ibid., p.290.

111 Archives Nationales. F7 6267. Inventaire analytique et exact des pieces trouvees chez le M.Metge.

112 AN. F7 6267. Inventaire...

113 Paris sous le Consulat, t.1, p.207.

114 «В различных общественных местах, — сообщалось в обзоре министерства Фуше от 24 вантоза VIII г., — замечены офицеры, которые держат ужасные речи, критикуют все действия правительства» (Ibid., t.1, p.208).

115 Ibid., t.1, p.457, 498.

116 Ibid., t.1, p.317, 214, 320, 371, 378.

117 Интерес к итальянской политике был вызван еще и тем, что многие итальянские патриоты проживали тогда в Париже и поддерживали самые дружеские отношения с французскими якобинцами. В Наполеоне и те, и другие видели «узурпатора свободы». «Многие итальянцы» — указывала полиция, — имеют стремление объединиться с анархистами, и они поддерживают борьбу против современного режима» (Paris sous le Consulat, t.1. p.407).

118 Paris sous le Consulat, t.1, p.399.

119 Ibid., t.1, P.230.

120 Paris sous le Consulat. t.1, p.362—363, 371 О собраниях в доме гражданина Адама сообщалось: «Они достаточно многочисленны и направляются более, чем другие, Ф.Лепелетье и Антонеллем» (Ibid., p.382) В донесениях о якобинцах Юмбло и Бризвене, руководивших собраниями в мастерских Арсенала, говорилось, что, по сведениям секретного агента, «не упускающего их из виду ни на мгновение», «переписка с Ф.Лепелетье и Антонеллем в эти последние дни стала вдвое интенсивнее, кор респонденция доверяется только самым надежным агентам» (Paris sous le Consulat, t.1, p.402).

121 Ibid., t.1, p.320.

122 Ibid., p.413, 430, 432.

123 Ibidem. О Жермене (из Вирофле) см.: Дотри Ж. Указ.соч, с.183; «Бабувистом» его называет Ж.Сюратто (Сюратто Ж. Указ.соч, с.116).

124 Paris sous le Consulat, t.1, p.413.

125 Ibid, t.1, p.413.

126 Дотри Ж. Указ.соч., с.159.

125 Ibid, t.1, p.413.

126 Дотри Ж. Указ.соч., с.159.

127 Paris sous le Consulat, t.1, p.498.

128 Ibid., p.498.

129 Ibid., p.498. Посредниками между Парижем и якобинцами Рейнской армии были Бюргюбрю (Burgubru) и Превиль (Preville). «Этот человек, — писал о Бюргюбрю префект 27 июня 1800 г., — был дружески связан когда-то с Колло д'Эрбуа и другими» (Ibid., t.1, p.455). Приехав в Париж летом 1800 г. Бюргюбрю встречался «с самыми бешеными из этой партии» (Ibid, t.I, p.455).

130 Как можно судить по тщательному полицейскому обзору, проект Метжа повторял основные положения конституции 1793 г. (AN. F7 6267. Inventaire...).

131 Paris sous le Consulat, t.1, p.269.

132 Далии В.М. Люди и идеи, с.85.

Дж.М.Туган-Барановский

НАПОЛЕОН и РЕСПУБЛИКАНЦЫ

© Vive Liberta 2007

4. Первые якобинские заговоры

История якобинских заговоров 1800 г. до сих пор плохо изучена. Бытует даже мнение, высказанное сначала современниками, а затем поддержанное многими исследователями, что под видом мнимых заговоров, которые изобретались самим Ж.Фуше, Наполеон расправлялся с наиболее радикальными деятелями в армии и в обществе¹³³. Подобным образом подчас трактуются эти события и в некоторых современных работах¹³⁴. Такое объяснение представляется нам упрощенным и в целом неверным. Оно не только искажает картину якобинского движения, но и создает ложное впечатление о всеобщей поддержке переворота 18 брюмера, именно то впечатление, в котором так заинтересованы наполеоновские апологеты. Первый серьезный удар по этой концепции нанесла книга Фескура, изданная еще в 1819 г. Он ее написал на основе воспоминаний очевидцев и участников антинаполеоновских выступлений. Затем, через сто с лишним лет, в 1922 г., исследователь частной жизни Наполеона Фр.Массон опубликовал статью, в которой показал, что, несмотря на определенный элемент провокации, якобинские заговоры безусловно имели место и отражали настроения леворадикальных кругов¹³⁵. Однако автор не пытался выяснить связь этих выступлений с якобинско-бабувистским опытом 1796 г. и последующим демократическим движением в стране. Работы современных буржуазных историков мало что добавили нового к исследованиям Фр.Массона¹³⁶.

По нашему мнению, якобинские заговоры 1800 г. представляют довольно значительное явление, проливающее свет на многие социальные процессы, происходившие в те дни во Франции. Эти заговоры нельзя рассматривать в отрыве от всего предшествовавшего демократического движения и без учета конкретной обстановки, сложившейся после брюмера, только в этом случае мы правильно поймем их значение.

Якобинское брожение не сразу приобрело характер активного сопротивления правительству. Первые сигналы о различных «анархистских проектах» государственного переворота с целью создания нового Комитета общественного спасения по типу 1793 г. полиция получила уже в феврале 1800 г.¹³⁷, но само антибонапартистское движение возникает несколькими месяцами позже. Какое-то время неизбежно должно было уйти «на раскачивание»: не так просто было взять оружие и перейти тот Рубикон, который отделял салонную критику режима от вполне реальной, полной опасности, борьбы, без серьезных размышлений и даже колебаний. И, наконец, какое-то время требовалось для объединения и установления бесчисленных контактов с людьми даже с разными взглядами.

Но уже с мая 1800 г. якобинское недовольство становится более отчетливым и конкретным. Агентура Ж.Фуше замечает отдельные, казалось бы, не связанные между собой действия демократов: их агитацию в рабочих предместьях и особенно среди солдат и офицеров столичного гарнизона,¹³⁸ установление прочных контактов с «анархистами» Рейнской армии и различные проекты переворота с их участием (полиция не раз отмечала, что между Парижем и этой армией поддерживается постоянная переписка)¹³⁹, поиски вождя (в этой связи якобинцы обсуждали кандидатуру генерала Клебера, позже Россиньоля, Маршана, Ф.Лепелетье и Антонеллы)¹⁴⁰, недовольство исключенных депутатов и слухи о вовлечении их в заговор¹⁴¹, многочисленные тайные собрания, переговоры с бывшими термидорианцами (имеются в виду сторонники Барраса) о союзе, не имевшие успеха¹⁴² — словом, различные проявления оппозиции якобинцев, каждое из которых в отдельности мало доказательно, но в совокупности создают представление о стремлении демократов придать движению определенные организационные формы.

В результате этой деятельности к концу июля 1800 г. в Париже сформировалась заговорщическая группа, или, по сведениям полиции, Повстанческий комитет, костяк которого составили известные бабувисты и якобинцы. О его создании сохранился подробный рапорт префекта Дюбуа (от 20 июля 1800 г.), где говорилось, что «бывший генерал Россиньоль, Дюбрейль и многие другие того же типа входят в него»¹⁴³. Мы отнюдь не переоцениваем значение полицейских свидетельств и вполне понимаем необходимость критического подхода к ним, но данное, столь ответственное, утверждение префекта представляется нам заслуживающим самого серьезного внимания. Оно подтверждается и другими материалами, в первую очередь свидетельствами Фескура, одного из первых историков неоякобинского подполья, писавшего свою книгу на основе воспоминаний самих якобинцев. Согласно Фескуру, в середине лета 1800 г. в Париже на почве общего недовольства складывается заговорщическая группа, включающая в себя, помимо Дюбрейля и Россиньоля (о котором Фескур, «кстати, сообщает, что он взял на себя только роль советчика»)¹⁴⁴, других активных деятелей якобинско-бабувистского движения 1796 г. Познакомимся с некоторыми из них.

Шапель — якобинец, убежденный робеспьерист. Принимал участие в заседаниях общества «Пантеон» и, видимо, на начальном этапе примыкал к движению Бабефа. Его имя дважды упоминает Ф.Буонарроти в своей книге, когда говорит о первых бабувистских объединениях¹⁴⁵.

Дюфур Франсуа, плотник — личность еще более примечательная. Активный участник революции и в августе 1792 г. специальный комиссар Коммуны, а после термидора 1794 г. один из членов «общества равных». Это у него на квартире были арестованы 21 флореаля IV года Дартэ, Жермен, Дидье и другие руководители движения, собравшиеся, чтобы установить день народного восстания¹⁴⁶.

Жумийяр — якобинец, один из агентов Комитета общественного спасения. После термидора был заключен в Плесси за проведение «запрещенных собраний». В бюллетенях полиции значился как «корень фей общества «Пантеон»¹⁴⁷.

Дефорж — «во время революции отличался крайней приверженностью к свободе», был одним из создателей культа теофилантропов. При Директории уволен с должности руководителя «за увлечение политическими идеями»¹⁴⁸.

В группу также входили: бывший бабувистский «агент» генерал **Фион**, «сентябрист» **Жювено** (друг и адъютант генерала Россиньоля), по-видимому, близко к группе стояли **Ф.Лепелетье** и **П.Антонелль**, если только сами не являлись ее членами.

Таким образом, именно бывшие участники движения Бабефа составили костяк заговора.

Будущий переворот Повстанческим комитетом мыслился довольно просто: предполагалось вслед за убийством Наполеона поднять восстание в Париже и свергнуть правительство. Намечаемому восстанию якобинцы уделяли в общем немного внимания, хотя генерал Россиньоля, например, настоятельно советовал им его детально подготовить¹⁴⁹. Большинство участников заговора было убеждено, что восстание вспыхнет немедленно после убийства Наполеона, и оно будет похоже на выступления 10 августа 1792 г. или 31 мая — 2 июня 1793 г.¹⁵⁰ Следовательно, свою главную задачу якобинцы видели в физическом уничтожении первого консула, и уже на втором плане было выступление народа. Основным политическим лозунгом движения было восстановление конституции 1793 г.

Подобный, проект, составленный, как видно, в типично заговорщическом духе и со всеми свойственными заговорщикам иллюзиями, не отвергал вообще участия народа. И хотя этому участию не придавалось решающего значения, все же было бы неправильно считать, что якобинские лидеры не искали поддержки среди населения Франции, и в частности Парижа.

Те немногие материалы, которые находятся в нашем распоряжении, свидетельствуют о стремлении якобинцев найти понимание своим планам главным образом среди парижского плебса. Уже на собрании, где решался вопрос о создании Повстанческого комитета, говорилось (со слов агента полиции), что «следует вооружить рабочих, как в известные периоды революции»¹⁵¹. А при переговорах якобинцев с термидорианцами о возможном союзе бабувист **Маршан**, в частности, бросил такое заявление: «войска недовольны, и в момент заговора им окажут помощь предместья»¹⁵².

Довольно часто, как можно судить по полицейским материалам, на собраниях «исключительных» обсуждались вопросы о настроении рабочих предместий (Сент-Антуан и Марсо и даже отдельных рабочих кварталов. Трудно сказать, насколько эта деятельность приняла широкий характер, но определенно известно, что якобинский идеолог Метж буквально, как отмечала префектура, «рыскал по предместьям», где распространял свои памфлеты¹⁵³, а бывшему присяжному революционного трибунала Броше было поручено на одном из собраний «прозондировать» рабочих улицы Севр и прилегающих к ней, «чтобы знать, можно ли на них рассчитывать»¹⁵⁴. Той же деятельностью занималась и вдова бывшего прокурора Парижской коммуны Шометта, которой чиновники префектуры дали следующую любопытную характеристику: «Известная плутница якобинцев, она носится с утра до вечера по мастерским предместий Марсо и Антуан и распространяет свои измышления»¹⁵⁵. Иногда в полицейских сводках отмечалось, что Ф.Лепелетье и Антонелль выражали удовлетворение настроениями рабочих и армии. Среди агитаторов предместий часто назывались Юмбло и Бризвэн, которые осенью 1800 г. участвовали в заговорах против Наполеона¹⁵⁶. В обобщающем бюллетене парижской префектуры, где речь шла о предместьях, говорилось, что особое внимание «анархисты» уделяют самому «малообеспеченному классу народа» и «наиболее экзальтированному», напоминая ему о его «прошлом существовании и настоящей нищете»¹⁵⁷.

Таким образом, даже если допустить известные преувеличения и неточности в полицейских материалах, эта деятельность якобинцев безусловно имела место, и в этом также сказывалась верность традициям 1792—1794 гг. и заговора Бабефа. Однако якобинцы 1800 г. не отдавали, по-видимому, себе отчета, что времена изменились и по своеобразной инерции мышления, очень понятной в контексте той эпохи, были уверены в полной поддержке санкюотов. Это видно хотя бы из того, что только один раз (!) мы встречаем в источниках настоятельное требование, идущее от А.Россиньоля: более тщательной подготовки будущего восстания. По-видимому, никак конкретно, кроме общих деклараций, якобинскими заговорщиками вопрос о восстании не ставился.

С другой стороны, все полицейские сводки, отмечавшие пропагандистскую деятельность «исключительных» в рабочих предместьях, единодушно заявляли, что рабочие в массе оставались глухи к этим призывам¹⁵⁸. Каких-либо данных сомневаться в этих утверждениях у нас нет, хотя рабочие давали приют деятелям типа Метжа и даже благосклонно относились к их критике нового режима, но были, вероятно, весьма далеки от восстания против консульского режима.

Это приводит к следующему выводу: якобинцы несомненно рассматривали санкюотские массы в качестве своих ближайших союзников и старались среди них вести антиправительственную пропаганду, хотя делали это далеко не с той активностью, как в жерминале-преериале 1795 г. или Г.Бабеф и его друзья в 1796 г. (Г.Бабеф сознательно стремился к максимальному распространению своих идей, видя в этом способ спасения революции и возрождения массовой энергии). В свою очередь, городские низы в 1800 г. были гораздо менее, чем в 1792 — 1794 гг. или в 1795—1796 гг., восприимчивы к этой пропаганде. Не случайно А.Россиньоля, принимавший участие почти во всех знаменательных днях революции и затем активно выступавший против термидорианцев, на этот раз ограничился скромной ролью наблюдателя и советчика, — именно, как говорит Фескур, из опасения новых репрессий¹⁵⁹. Подобные настроения, наверное, должны были заразить тогда многих санкюотов, к тому же испытывающих известное разочарование в результатах буржуазной революции.

Эти факторы, на наш взгляд, обусловили относительную пассивность, по сравнению с 1795—1796 гг., не говоря уже о периоде революции, рабочей массы. Именно эта пассивность, узость социальной базы, в сочетании с отсутствием каких-либо широких легальных возможностей для противодействия деспотизму, заставила якобинцев замкнуть свою деятельность почти исключительно на организации заговоров. Рассмотрим теперь, что представляли из себя эти выступления, каков состав их участников и их последствия.

5. Заговор Шапель

Первые попытки якобинцев пресекались уже в зародыше. Так, ничего не вышло из проекта убить Наполеона ночью в его дворце в Мальмезоне или по дороге, на пути во дворец. Фуше через своих агентов держал в руках все нити заговора. «Фион, Дюфур, Россиньоль, — вспоминал он позднее, — были его главными участниками; Тало и Лэнгелло — закулисными руководителями»¹⁶⁰. Непосредственная подготовка всего мероприятия, по-видимому, находилась в руках Жювено. По сведениям историка Гобера, часть заговорщиков устроилась на работу под видом специалистов по отделке мрамора в самом дворце Мальмезоне¹⁶¹.

В решающий момент Фуше арестовал Жювено, но этим ничего не добился. Прямыми уликами министр полиции не располагал, а Жювено молчал и не собирался в чем-либо признаваться¹⁶². Через несколько недель Жювено был отпущен на свободу.

По-видимому, действия Жювено были началом активной террористической деятельности якобинцев. После долгих споров на своих собраниях, заговорщики, как свидетельствует Фескур, остановились на таком плане действий. Решено было убить Наполеона в одном из театров во время спектакля; предполагалось, что они, вооруженные пистолетами, тесаками и кинжалами, перекроют в театре все проходы, часть останется на улице, другая проберется на сцену. При криках «Пожар», когда в театре начнется паника, и толпа, опрокидывая стулья, понесется к выходу, якобинцы проникнут в ложу первого консула и убьют его. В тот же вечер они разойдутся по предместьям и там объявят о смерти Наполеона. Затем они захватят арсенал, общественные кассы, артиллерию Венсана и «снова восстановят законы единой и нераздельной Республики»¹⁶³.

Так, сравнительно легко и просто якобинцы рассчитывали достичь успеха. В течение всего августа и начала сентября они перебрасывали единомышленников, число их сторонников росло, и в жоржес участники будущего покушения были, согласно полицейским данным, разделены на 10 бригад, командование которыми осуществляли Дюфур и Шапель¹⁶⁴. «Ожидался даже один генерал, находящийся в армии», имя его так и осталось для полиции тайной¹⁶⁵. Может быть, речь шла о Массене, ходившем тогда в «недовольных», или о Бернадотте, еще камуфлировавшемся под якобинца (пройдет всего два года и будет раскрыт заговор Симона, начальника штаба Бернадотта), или же о генерале Мале, одном из самых замечательных республиканцев, организовавшем в 1808 и 1812 гг. два крупных заговора против императора¹⁶⁶. Так или иначе, но возможность поддержки со стороны военных представляется нам очень реальной, ведь, даже по словам бонапартистских историков, «войска оставались ярко республиканскими, с легкой якобинской окраской» (А.Вандаль)¹⁶⁷.

Полиция внимательно следила за развертыванием заговора. 6 августа Фуше стало известно, на кого возложено убийство первого консула. Сделать это якобинцы поручили старому революционеру **Мутону**, а в помощники ему выделили **Умбера** и **Аля**.

Во второй половине сентября к начальнику консульской гвардии генералу Кафарели явился некий Леруа, который рассказал, что ему было сделано предложение участвовать в заговоре против первого консула. По его словам, якобинцы тайно встречаются в парижских кафе. Ими разработана соответствующая система конспирации. Она проста: первый, зашедший в кафе, спрашивал бутылку вина и три стакана. Один из стаканов переворачивался вверх дном, и сообщник, который за ним следовал, мог поднять этот стакан и наполнить его вином.

Получив эти сведения, полиция решила их проверить. Исполнение было возложено на Леруа и агента Фуше — Лавуазье. «28 вечером, — говорилось в полицейском рапорте, — они собрались в кафе на улице Закона, спросили вина и три стакана. Один из стаканов перевернули, через некоторое время его поднял Перро. Шапель не замедлил появиться. Одна бутылка вина и три стакана были моментально спрошены им. Он опрокинул один и сказал Лавуазье: «Вот, как это делают». Затем он бросил купюру в 24 сольдо на стол Леруа и Лавуазье. Последние заявили, что они желают заплатить сами... Шапель просил их принять деньги, заявив, что деньги не его, а общества. Он затем вышел на полчаса и вернулся с Умбером»¹⁶⁸.

В тот же день были задержаны Шапель, Перро, Умбер, выписаны ордера на арест Дюфура и других участников дела. Удалось уцелеть только Дефоржу и Жумийяру. Все остальные были арестованы. В полицейском обзоре, направленном в тот день Наполеону, говорилось, что организованное наблюдение убеждает в существовании «ужасных намерений нескольких злодеев». «Их удар был подготовлен, они были переполнены жестокостью и желали быстрого достижения успеха»¹⁶⁹.

А спустя несколько дней, 11 вандемьера (3 октября) был задержан журналист Метж. Следствие установило его причастность к группе Шапель. Поскольку ему отводилась совершенно особая роль в заговоре, познакомимся с ним поближе. Вот некоторые вехи из его краткой, но выразительной биографии, составленной полицейскими чиновниками:

Метж-Бернар, родом из Каркассона, был столяром, в 1793 г. — администратором департамента, после термидора бежал и обосновался в Париже; 11 раз арестовывался «за сочинения против правительства», в частности, в VII г.; являлся часто «предметом наблюдения полиции»¹⁷⁰.

Охота за Метжем началась уже вскоре после брюмерианского переворота. Чуть ли не каждый день он вынужден был менять квартиру, «в город возвращался поздно ночью и засыпал то в одном, то в другом месте»¹⁷¹. При аресте он оказал отчаянное сопротивление, «а офицеру полиции нанес многочисленные удары кинжалом, но, к счастью, только в руку». Префект считал Метжа «одним из наиболее авторитетных вождей» «исключительных»¹⁷³.

В отличие от Шапеля и Дюфура Метж непосредственно не принимал участие в покушении. Его роль заключалась в другом: он должен был идеологически оправдать убийство первого консула. В его портфеле и тайнике полиция обнаружила «самые ужасные произведения». «Они все требуют смерти Бонапарту. Он призывает к государственному перевороту»¹⁷⁴.

Среди его бумаг были найдены различные воззвания к народу, обращения в Совет 500 (до 18 брюмера), всякого рода политические памфлеты, в том числе и известное сочинение Дюбрейля¹⁷⁵. Большинство произведений было написано рукой Метжа, некоторые только подписаны им. О их характере можно судить по ремаркам полицейских чиновников. В Памфлете «Метж — Бонапарту» содержатся открытые призывы к убийству: «Бонапарт! не раскаиваешься ли ты в последние мгновения своей жизни?!»

Вероятно, Метж был близок к бабувистскому лагерю. Он хранил у себя петицию «гражданина Ервье» (Hervieux) консулам по поводу освобождения Ф.Буонарроти, Блондо, Казе, Моруа, Жермена (от 14 флореаля VIII г.)¹⁷⁶, причем Ервье не раз информировал его об этапах прохождения петиции. Метж лично знал памфлетиста Дюбрейля; есть основания думать, что и Сильвен Марешаль поддерживал с ним отношения, полиция обнаружила записку, где речь шла о часе и дне их встречи¹⁷⁷, а Ф.Лепелетье, Антонелли и Бризвен распространяли его памфлеты¹⁷⁸. «Исключительные, — писал префект Наполеону 6 октября 1800 г., — пытаются вызвать сочувствие к Метжу, который им представляется самым чистым из патриотов. Они говорят о нем в предместьях»¹⁷⁹.

Эти аресты нанесли ощутимые удары по якобинской фаланге, но далеко не уничтожили ее. Брожение в Париже продолжалось, и отовсюду Фуше получал сигналы о подготовке нового выступления¹⁸⁰. Очень скоро события подтвердили его самые мрачные прогнозы.

6. Заговор Арена

5 октября (13 вандемьера) 1800 г. префект Парижа Дюбуа затребовал у Бурьена личного свидания с первым консулом. Просьба его была удовлетворена, и в тот же день состоялась их встреча. Префект сообщил Наполеону о готовящемся против него якобинском заговоре, о котором узнал от капитана 45 полубригады **Ареля**. По словам Ареля, предполагается убить первого консула в Опере во время спектакля, где охрана обычно не превышала двух человек. Организаторами покушения являются офицеры в отставке и якобинцы: **Демервилль**, бывший служащий комитета общественного спасения (в прошлом секретарь Барера); **Жозеф Арена**, близкий знакомый Ф.Буонарроти и Бонапарта еще по Корсике, о котором сам Наполеон в 1792 г. отзывался как о «ревностном демократе» и который в 1797 г. был одним из лидеров неоякобинской фракции Совета 500; **Топино—Лебрэн**, талантливый художник, ученик Давида, с сентября 1793 г. заседатель революционного трибунала, а после 9 термидора товарищ Бабефа и, возможно, даже заговорщик (после Вандомского процесса Топино был удален из Парижа; Директория его отправила с миссией Бассалья в Швейцарию, где он написал картину «Смерть Грахов»); **Черакки**, итальянский революционер, друг Ф.Буонарроти¹⁸¹.

Сообщение Дюбуа встревожило первого консула. Наполеон тотчас вызвал к себе Фуше, который подтвердил: покушение действительно готовится. Министр полиции уже держал основные нити заговора.

Одним из его осведомителей был многоопытный политический делец, бывший вождь «болота» в Конвенте Бертран Барер. Еще в 1792 г. отчетливо проявилась склонность Барера менять свою окраску. О нем тогда говорили, что у него в запасе всегда есть две речи по любому вопросу: одна — за, и другая — против. Позже этого политического хамелеона приметил Фуше, он сделал его своим тайным агентом.*

* Многоуважаемый Автор в данном пассаже или очень небрежно пишет, или не очень хорошо осведомлен. Был ли Барер вождь «Болота», вопрос спорный. А вот то, что Барер и Фуше прекрасно друг друга знали со времен Конвента и уж как минимум со времен, непосредственно предшествующих 9 Термидора, — факт несомненный. Кроме того, Барер, port-parole Комитета общественного спасения, был настолько на виду, что Фуше не мог его вдруг, спустя несколько лет, случайно «приметить».

Этой явной небрежности, вместе с «улицей Дюбак», нам было бы вполне достаточно, чтобы начать «встречную проверку» эпизода, но, к счастью и к сожалению, еще до подробного знакомства с данной монографией мы попытались проанализировать действия Барера и особенно Фуше, хотя бы их исторические и околоисторические версии. На сегодняшний день мы знаем точку зрения А.Тьера-Тиссо-Волабеля (и смеем сказать, что она «никакая», то есть бездоказательная, и к ним же можно приплюсовать англоязычных компиляторов-наполеонистов вроде Роуза, Беллока и Локарта), Бурьена, Маколя, Марка Алданова и Жан-Пьера Тома. Подробная дискуссия по этому вопросу предназначена для другой публикации, но мы считаем себя просто обязанными представить именно здесь версию, в некотором смысле противостоящую версии Туган-Барановского. См. Наше развернутое примечание в конце главы. — Редакторы *Vive Liberta*.

Через Ареля и Барера полиция оказалась в курсе всех планов заговорщиков. 17 вандемьера Арель донес, что «удар» будет нанесен 18 вечером. Соседнюю ложу, рядом с ложей первого консула, займет некий «римлянин». Позднее выяснилось, что под этим псевдонимом скрывался **Луиджи Анджелони**, бывший консул Римской республики. По словам Ареля, к заговору были также причастны Массена и Бернадотт.

18 вандемьера утром Арель, получив от полиции кинжал пистолеты (по договоренности с Демервиллем, он должен был их приобрести), передал их Демервиллю. Затем после полудня Демервилля, как бы случайно, посетил Барер, который в разговоре упомянул, что приобрел билеты в Оперу «на «сегодняшний, вечер».

— Вы идете в театр, — переспросил Демервилль, — я бы вам не советовал этого делать... Я хочу сказать, что там может произойти возмущение, и театр будет оцеплен полицией»¹⁸².

Барер поблагодарил своего бывшего секретаря и расстался с ним. Выйдя от него, он бросился к начальнику консульской охраны генералу Ланну: «Я ничего не знаю точно, — заявил Барер, — но сегодня на спектакле может быть организовано покушение; предупредите первого консула и примите меры для его безопасности»¹⁸³.

В этот вечер театр наводнили полицейские агенты. Фуше продумал всю операцию до мелочей. В роли «подсадной утки» он использовал первого консула. Арель тоже явился в театр. Черакки ввел его в курс дела. Он познакомил провокатора с итальянским изгнанником Диана, который должен был нанести удар.

Развязка была быстрой. В решающий момент прямо перед ложей Наполеона полиция арестовала Черакки, **Диана** и других участников заговора. Два дня спустя были взяты Демервилль, Арена и Топино. Затем началось следствие, к которому привлекли многих лиц и даже художников, поддерживавших лишь профессиональные знакомства с Топино. Среди них оказался и Давид. К тому времени он растерял, по-видимому, многие из идеалов своей молодости и из убежденного якобинца, последователя Робеспьера, превратился в (весьма практичного человека, пытающегося учитывать ситуацию. Возможно, боясь навлечь на себя подозрения в симпатиях к заговорщикам, он отозвался о Топино довольно холодно, отметив при этом его талант¹⁸⁴. Как писал современник тех дней Делеклюз, «во время следствия по этому делу лица, связанные прежде с партией Робеспьера, находились под очень пристальным наблюдением»¹⁸⁵. Вероятно, это наблюдение в той или иной мере ощущал на себе и Давид.

Следствие установило, что «подлинным вождем банды» был генерал Арена, который вечером 18 вандемьера с несколькими десятками своих сторонников находился неподалеку от театра, где ожидал сигнала¹⁸⁶.

Наполеон надеялся, что это дело не будет иметь продолжения. Но уже через несколько дней полиция получила новые сведения о подготовке якобинцами заговора и на сей раз более серьезного, чем два предыдущих. Все говорило о том, что основное террористическое ядро уцелело. Префект, в частности, считал положение в Париже очень тревожным, и как можно судить по его рапорту Наполеону от 1 брюмера IX г. (23 октября 1800 г.) допускал даже наличие в столице разветвленной якобинской организации. Заговорщики, сообщал он, соблюдают строгую конспирацию: они ничего не пишут, все передают только на словах через своих подчиненных, которые «бегают днем и ночью»; неизвестен источник их финансирования, многие из них, выходцы из рабочего класса» нигде не трудятся, все время проводят в кафе, где оставляют довольно значительные суммы. К ним близки офицеры в отставке, которые «также думают, строят такие же планы и надеются на успех». Префект заканчивал свой рапорт заявлением, что «анархисты» намереваются взорвать Тюильри и использовать панику для осуществления переворота¹⁸⁷. К тому времени полиция располагала уже немалым количеством сведений о так называемой «адской машине» Шевалье.

7. «Воспламеняющееся оружие» Шевалье

В исторической литературе распространено мнение, будто в первые против Наполеона «адскую машину» применили роялисты 3 нивоза 1800 г. Документы, однако, свидетельствуют о другом. «Воспламеняющееся оружие» было изобретением гениального якобинского инженера бретонца **Александра Шевалье**. О нем самом известно немного.

В 1793 г. Шевалье предложил Комитету общественного спасения применить «греческий огонь», своеобразное ракетное оружие, для уничтожения английского флота. Якобинцы серьезно отнеслись к его проектам, и он получил целую лабораторию для производства опытов на побережье Франции, в Медоне. Спустя год Шевалье изобрел восьмизарядное ружье и даже демонстрировал его Конвенту. После 9 термидора он принял участие в жерминальско-прериальских событиях, а в 1800 г. оказался в первых рядах сражающейся санкюлотской гвардии¹⁸⁸.

Несмотря на все полицейские преследования (он вынужден был скрываться и часто менять свою квартиру), Шевалье продолжал работать над изобретением нового, более смертоносного оружия, которое рассчитывал использовать сначала в борьбе с Директорией, а после 18 брюмера 1799 г. против консульского режима. В 1797 г. ему удалось сконструировать Своеобразную гранату, воспламеняющуюся при ударе¹⁸⁹, а в 1800 г. он изобрел новое оружие, известную «адскую машину» (la machine infernale). О ней сохранилась подробная информация в материалах префектуры полиции. Вот что она из себя представляла.

Железный бочонок (ок. 40 см высоты и 20 см в диаметре) покрыт резиновой пленкой. Он имеет круглые маленькие отверстия — стволы, выступающие наружу, внутри которых лежат ядра. В самом бочонке находится от 2,4 кг до 3 кг пороха и взрывателя. Машина прикреплена к ружью, используемому как ложе. Его ствол проходит внутрь бочонка и касается зажигательной массы, куда «огонь передается выстрелом из ружья». «Вероятно, машина должна была быть стационарной, а не переносной. Неизвестно, отрывался ли бочонок в случае взрыва»¹⁹⁰.

Эта машина была найдена в мастерской Шевалье при его аресте. Там же стояла тачка с водой, которую предполагалось вывезти на дорогу, чтобы задержать экипаж, подлежавший атаке¹⁹¹.

Нам трудно сказать, насколько было технически совершенно оружие Шевалье. По полицейскому описанию можно лишь в общих чертах судить о самой идее. Однако, вероятно, оно действовало. По крайней мере, в архивах префектуры сохранилось подробное донесение агента, присутствовавшего при испытаниях «адской машины», впервые опубликованное Ф.Массоном. Приведем из его рапорта небольшой отрывок: «Эксперимент состоялся 25 вандемьера (17 октября) в 10 часов вечера в доме... около Сальпетрьер. Присутствовали Дефорж, Шевалье, Дидье (из Вандома) и Жювено. Шевалье — автор этого греческого огня. Он представлялся Конвенту как изобретатель способа разрушения вражеского флота. Это он и Дидье должны метать огонь в карету, чтобы, в случае, если один промахнется, другой бы достиг цели. Деньги даны Гомбо-Лашэз, бывшим кавалером ордена Святого Людовика... Этот Гомбо-Лашэз является исключительным, как и другие, как и Жумийяр, или маскируется под их взгляды»¹⁹².

Взрыв состоялся. Машина Шевалье выбросила из себя целый сноп огня, здание загорелось и рухнуло. После этого удачного опыта изобретатель решил усовершенствовать свою гранату. Предполагалось ее использовать также против первого консула. Заговорщики намеревались настигнуть карету Наполеона, бросить туда свои снаряды, взорвать «адскую машину» и затем скрыться. Их товарищ Декре занимался изготовлением особых железных «звезд», которые должны были быть разбросаны по улице, чтобы задержать лошадей и остановить экипажи¹⁹³.

В рапорте агента, сообщавшего об эксперименте 25 вандемьера, мы встречаем уже известные имена Дефоржа, Жювено, но кто такой Дидье, который будет «метать огонь в карету» первого консула и о котором в скобках только сказано: «Из Вандома»? Это один из самых удивительных революционеров того времени. Активный участник августовских событий 1792 г. и присяжный революционного трибунала после восстания 31 мая—2 июня 1793 г., слесарь Жан-Батист Дидье был заседателем на процессе дантонистов и, по словам А.Матьеза, «телохранителем Робеспьера». Он входил в состав небольшой делегации, которую якобинцы решили послать ночью 10 термидора 1794 г. в помещение Парижской коммуны, где находился тогда Робеспьер, чтобы «объединиться с ней и бодрствовать для спасения республики». Он скрывался после термидора и по компетентнейшему мнению своего единственного биографа В.М.Далина, был «организационным руководителем» движения равных¹⁹⁴. Не будучи формально членом повстанческой директории, Дидье играл не менее весомую роль, как главный «агент связи» и именно по его рекомендации в состав директории были введены Дартэ и Буонарроти. Последний, в частности, в своей знаменитой книге дал ему такую характеристику: «Не было лучшего агента связи, чем Эридди (Дидье — Т.-Б.), его усердие, активность, ловкость и скромность были всегда выше всякой похвалы. Хотя согласно введенному уставу, этот агент не должен был быть знаком ни с членами директории, ни с их действиями, безупречность его патриотизма, его благоразумие и испытанная преданность снискали ему их полное доверие; это доверие было беспредельно»¹⁹⁵.

В Вандоме Дидье удалось добиться оправдательного вердикта, в 1799 г. он входил в общество «Манеж», а после брюмерианского переворота вновь уходит в подполье. Пожалуй, нет ничего странного в том, что в 1800 г. этому неслыханному бабувисту выпадает столь почетная роль в заговоре против Наполеона.

С технической стороны группа Шевалье продумала предстоящее покушение неплохо, но на практике оно было неосуществимо, хотя бы потому, что Фуше чуть ли не с первых шагов оказался в курсе всех планов заговорщиков. После известного эксперимента он отдал приказ об их аресте. Первыми были схвачены Жумийяр, «настоящий руководитель банды», и его товарищ Бризвен. 12 брюмера (3 ноября) префект сообщил, что идут усиленные поиски самого Шевалье, который изменил фамилию на Франсуа и «прячется с чрезвычайной осторожностью»¹⁹⁶. 13 брюмера были арестованы Гомбо-Лашэз, Буске (он дал еще раньше 800 франков Метжу); Шевалье все еще оставался на свободе (о нем только говорилось в очередном обзоре, что готовится его арест). И наконец, 16 брюмера (7 ноября) якобинский изобретатель был взят в своей мастерской на улице Елен-Монто¹⁹⁷. Всего полиция арестовала по этому делу 12 человек.

На допросах все арестованные проявили неожиданное упорство. Они отрицали даже очевидные факты. Шевалье отказался признать, с какой целью он изготовил свое оружие; по его словам, «машина предназначалась для службы морскому флоту» и он, якобы, даже хотел отправить ее в Бордо на испытания¹⁹⁸. Тогда префект заявил, что помимо найденных в его мастерской ракет и бомб, полиции хорошо известны опыты, проводимые им. Наш агент, говорил Дюбуа, побывал в этих местах и «установил разрушения»¹⁹⁹. Но Шевалье продолжал упорствовать и твердил, что эти разрушения не имеют никакого отношения к его изобретению. «Несчастный, — писал префект Наполеону, — несмотря на очевидность, все отрицает»²⁰⁰.

Подобно Шевалье, вели себя и его друзья. **Вейсе**, которого вместе с ним арестовали, говорил полицейским, что он ничего не знал и ни в каких заговорах не участвовал. Буске, предоставлявший Шевалье квартиры, заявил, что хотя он и ночевал у него, но он с ним не был знаком. Также вел себя и Жумийяр. Декре все отрицал «с необычайным нахальством». «Дефорж, Гомбо-Лашэз и другие, — писал префект, — следовали этой системе и ничем не помогли следствию»²⁰¹.

Что касается Дидье, то он и на этот раз благополучно ускользнул от преследований. Где он прятался, неизвестно, но уже много позже, в 1807 г., когда он вновь появился в поле зрения полиции, в бюллетене Фуше, адресуемом Наполеону, о нем говорилось следующее: «Дидье фигурировал почти во всех анархистских вертепах и разыскивался в связи с делом Шевалье»²⁰².

Так полиция раскрыла еще один якобинский заговор, но до полного спокойствия в Париже было еще далеко. Агенты Фуше зафиксировали в те дни немало «опасных» разговоров, которые вели между собой «исключительные». Демократы горячо интересовались судьбой арестованных заговорщиков, собирали в предместьях деньги для помощи их семьям, строили всевозможные планы нападения на трибунал с целью освобождения подсудимых (полиция в этой связи обратила внимание на бывшего члена Конвента Ш.Дюваля, бабувистского агента генерала Фиона и «торговца винами» Андре)²⁰³ и даже обсуждали способы государственного переворота. Некоторые из них заявляли, что на этот раз неудачи не будет, удар подготовлен и правительство падет²⁰⁴. Большинство из них по разным причинам не принимало участия в заговорах, но все же питало симпатии не к Бонапарту и правительству, а к тем, кто решился на активную борьбу с режимом.

В этом плане любопытна позиция Ф.Лепелетье и Антонеллы. После ареста Шевалье, когда многие «исключительные» из опасения новых репрессий бежали из Парижа в департаменты и в столице даже стали поговаривать о превращении Юга в своего рода «республиканскую Вандею» (надо сказать, что полиция серьезно отнеслась к этим слухам, которые сами по себе показательны)²⁰⁵, Ф.Лепелетье и П.Антонелль основали в Баквиле (деп. Нижняя Сена) коммуну «из преследуемых патриотов». «Они го ворят, — доносил префект Наполеону, — что создадут демократическую колонию посреди гнета и деспотизма»²⁰⁶. Мы не знаем в точности, что представлял их опыт, по каким законам жила эта коммуна и сколько она просуществовала. Может быть, П.Антонелль и Ф.Лепелетье предвосхитили «Икарию» Кабе или общины Р.Оуэна? А может она была одной из неизвестных и в таком случае самых ранних попыток осуществления бабувистского коммунизма? Последнее тоже нельзя исключать, так как оба хорошо знали самого Г.Бабефа и были в курсе его социальной программы. Так или иначе, но в этом опыте мы видим стремление двух старых бабувистов в условиях начавшейся реакции и преследований спасти и уберечь патриотов, сторонников режима 1793 г.

Таким образом, и после брюмера якобинцы продолжали находиться в оппозиции к правительству. Но удалось ли им создать свою политическую организацию? Были ли их заговоры изолированными и в значительной мере случайными выступлениями или же как-то связаны между собой? Наконец, существовала ли какая-либо преемственность между движением «равных» 1796 г. и якобинскими заговорами 1800 г.? В литературе на эти вопросы обращалось мало внимания. Из современников только, пожалуй, Ш.Нодье связывал заговор Арена с деятельностью «Общества филаделффов», тайной антибонапартистской организацией, возникшей, по его словам, сразу после 18 брюмера (ниже будет рассказано о ней подробно), и проявившей себя в двух заговорах Мале 1808 и 1812 гг. Но если в отношении Мале его данные оказались в общем верными, то сведения об Арена мало правдоподобны. Тем более что Нодье говорит об этом вскользь и в очень неопределенных выражениях²⁰⁷. Фескур этих вопросов никак не касался, свою задачу он видел лишь в хронологически точном восстановлении событий. Современный историк А.Гобер в своей крайне тенденциозной книге, написанной с явным недоброжелательством по отношению к левым элементам (их он сравнивал с нынешними экстремистами во Франции), говорит о «тиранистах», якобы, якобинской организации, к которой принадлежали все заговорщики. Однако А.Гобер ни каких доказательств не приводит и никак свою гипотезу документально не подтверждает²⁰⁸. И только советский ученый В.М.Далин по существу первым поставил эти вопросы. В своей статье об «агенте связи» Бабефа — Ж.-Б.Дидье он отмечал, что после 18 брюмера «попытки воссоздать якобинско-бабувистскую организацию безусловно имели место» и нашли отражение в деятельности трех, по-видимому, «связанных» между собой террористических групп²⁰⁹. Нам представляется мнение В.М.Далина более всего соответствующим действительности. Многие говорят в пользу его гипотезы. Во-первых, сама полиция отнюдь не считала эти выступления изолированными друг от друга. Демаре, руководивший отделом в министерстве Фуше, специально занимавшимся раскрытием заговоров и тайных обществ, писал в одной из служебных записок: «Дефорж принимал участие в двух планах убийства первого консула... Говорят, что в деле 18 вандемьера он был своим человеком»²¹⁰. Помимо Дефоржа «своими людьми», видимо, можно считать Жумийяра, Жювено.

Во-вторых, между тремя группами наблюдается поразительная взаимовыручка. Буске, один из товарищей Шевалье, субсидирует Метжа²¹¹, «исключительные» после арестов Шапелье, Дюфура и других ведут агитацию в их пользу, а затем даже составляют всевозможные проекты освобождения заговорщиков, так, впрочем, и не воплощенные в жизнь.

В-третьих, трудно допустить, чтобы члены этих трех террористических групп не входили друг с другом в какие-то контакты, когда всего три года назад (или четыре) они принимали участие в жерминальско-прериальских событиях, или в заговоре Бабефа, или же просто были близки к окружению Ф.Буонарроти. Шапель, Лэньело, Дюфур, Россиньоль несомненно хорошо знали Ж.-Б.Дидье, бабувистского «агента связи» (по книге Ф.Буонарроти легко устанавливается факт их знакомства); Жумийяр, конечно, тоже принадлежал к их кругу, а Массар, который, по мнению полиции, участвовал в заговоре Арена²¹², в 1796 г. был одним из окружных агентов Бабефа и опять же только через Дидье получал инструкции от повстанческой директории. О Ф.Лепелетье, Антонелле, С.Марешале и говорить не приходится: ведь под их руководством протекала вся деятельность «общества равных» в 1796 г., многие члены которого вновь вступили на почву заговоров после переворота 18 брюмера. Трудно допустить, чтобы и Топино, товарищ Бабефа в 1795 г. и сообщник Арена в 1800 г., не знал Дидье и его роли в 1800 г. То же можно сказать о Черакки, бывшем приятеле Ф.Буонарроти и о некоторых других.

В-четвертых, все три группы преследовали одни политические цели и состояли из деятелей ярко выраженного якобинско-бабувистского закала. Они мечтали о возвращении режима 1793 г., «они бредили этим».

И, наконец, в-пятых, «равные» представляли из себя не просто заговорщическую организацию, а *политическое общество*, которое должно было существовать и после переворота, и даже после созыва Конвента, из лиц, намеченных опять же Г.Бабефом и его товарищами, до тех пор пока не будут претворены в жизнь социальные и политические замыслы бабувистской Директории²¹³. Можно полагать, основываясь на различных, правда, косвенных документах, что число вовлеченных в орбиту деятельности бабувистов было довольно значительным, и большинство участников, в том числе и самая верхушка движения (некоторые члены Тайной Директории и ее «агенты»), как уже отмечалось выше, сохранило свободу и возможность своей деятельности. Стоит напомнить в этой связи ценное психологическое наблюдение исследователя Ж.Дотри: «Очевидно также, что бабувисты в соответствии с отношениями, установившимися между ними во время заговора, или иным путем, продолжали встречаться и поддерживать личные связи»²¹⁴. Из воспоминаний якобинца Рея известно, что в последние годы Директории «один из бывших товарищей Бабефа» (кто — Рей не указывает) повел с ним разговор о «возобновлении неудавшегося заговора»²¹⁵. Однако тогда подобные предложения не могли встретить сочувствия, поскольку Директория предоставляла своим элементам большие легальные возможности. После же 18 брюмера возвращение к прежней заговорщической тактике было не только понятно, но и оправдано — якобинцы и бабувисты, входившие в одну организацию в 1796 г., могли и должны были обратиться к прежнему опыту.

Раскрытие полицией трех якобинских заговоров дало первому консулу некоторые основания для проведения самых широких репрессий в отношении левого лагеря. 15 нивоза был издан Государственным советом, а затем одобрен Сенатом, уникальный с точки зрения юриспруденции документ, по которому подлежали высылке 130 известных республиканцев, причем им даже не инкриминировались в вину какие-то конкретные проступки, их ссылали как активных участников революции. Это было такое вопиющее беззаконие, что даже Трибунат и Законодательный корпус, учреждения чрезвычайно робкие и составленные в основном из креатур Бонапарта, отказались принять закон о «проскрипциях», и первый консул вынужден был прибегнуть к исключительной мере — изданию «правительственного акта» через Государственный совет и Сенат.

«Принимая во внимание, — говорилось в сенатус-консульте, — что в течение уже нескольких лет в республике, а особенно в Париже, проживает значительное число лиц, которые в различные моменты революции загрязнили себя величайшими преступлениями, что эти лица, облекаясь именем и правами народа, являлись и продолжают являться... очагом всевозможных заговоров, агентами всяких покушений... людьми, подрывающими всякое правительство и бичами общественного порядка... Сенат является естественным судьей по отношению к мере, предложенной в данном случае правительством; ...эта мера соединяет в себе все преимущества твердости и снисходительности, так как, с одной стороны, она удаляет от общества все беспокойные элементы, ставящие его в опасное положение, а с другой — предоставляет им последние возможности исправиться»²¹⁶.

Столь обтекаемая формулировка обвинения давала Наполеону провести репрессии даже в отношении тех якобинцев, которые не принимали участия в заговорах, но в которых он видел своих потенциальных противников.

Принятию такого постановления помогло еще одно событие. 3 нивоза IX г. (24 декабря 1800 г.) роялисты группы Сен-Режана взорвали на пути первого консула в Оперу «адскую машину». Его карета чудом осталась невредимой, и сам он не пострадал, но вокруг было убито 22 человека и около 50 тяжело ранено. Прибыв в театр, Наполеон ничем не выдал своего волнения, спокойно досидел до конца спектакля и только вернувшись во дворец, дал волю своему гневу. Он устроил настоящую сцену Фуше, которого обвинил в покровительстве якобинцам²¹⁷. А на следующий день, встречая депутации Государственного совета, Сената, Законодательного корпуса и Трибуната, поздравивших его со счастливым исходом, первый консул в ответной речи сразу отбросил версию об английском происхождении заговора. «Это не аристократы, не шуаны и не священники... Это орудие Версаля, сентября, 31 мая, преиеряля, Гренеля, всех выступлений против правительства»²¹⁸.

Его мнение разделили тогда многие, и как вспоминал Тибодо, власти не колебались приписать якобинцам эту попытку. Уже 5 нивоза были арестованы жена Шевалье и его брат (вообще префект самым тщательным образом проверил еще раз всю линию Шевалье, Тало, Кретьен, Дюран, Ваннек, вдовы Шометта и Бабефа); к 8 нивоза количество арестованных составило уже 78 человек. Спустя несколько дней в официальном «Мониторе» развернулась целая кампания против «террористов». Из архивов были извлечены полицейские рапорты, на страницах газеты публиковались отчеты агентов о собраниях, речах, враждебных правительству, особенно муссировалось «дело Шевалье». В «Мониторе» было дано описание его «адской машины» и допрос, проведенный сенатором Монжем. О

О якобинцах говорилось если не как авторах попытки 3 нивоза, то, по крайней мере, готовых осуществить такую²¹⁹. Первый консул старательно подготавливал общественное мнение.

По-видимому, план «проскрипций» созрел у Бонапарта давно, еще задолго до самой попытки. Еще раньше по его заданию был составлен «Словарь анархистов», настоящий справочник о всех крупных революционных деятелях²²⁰. Но тогда, сразу после брюмера, он не решился приступить к репрессиям. Теперь же, после трех якобинских заговоров и взрыва на улице Сен-Никез, народ поверит в справедливость репрессий. Кроважадные «анархисты», им все мало! Так рассуждал Бонапарт, еще толком не зная, кто подготовил взрыв. На заседании Государственного совета 5 нивоза первый консул в очень сильной запальчивой речи неожиданно выдал свое самое сокровенное, то, что старался тщательно скрывать: «Без крови не обойтись. Нужно расстрелять столько виновных, сколько было жертв, пятнадцать или двадцать, выслать человек двести, воспользоваться этим обстоятельством, чтобы очистить республику»²²¹. Ему было мало даже особых трибуналов, вопрос о которых решался («их действие будет слишком медленным и очень ограниченным»). Он желал проскрипционных списков: «Нужно действовать во имя социального порядка, общественной морали и национальной славы»²²².

Эта речь потрясла всех присутствующих и была встречена «с отвращением в совете». Как, вспоминал Тибодо, расстрелять и выслать «не конкретных виновных, а всех активных деятелей революции». Когда же кончит этот произвол?!²²³ Трюге первым нарушил молчание. Он говорил о том, что правительство должно принять экстренные меры против злодеев, но нужно ли высылать революционеров? Нельзя скрывать, что повсюду активизируются эмигранты, фанатические священники возбуждают народ, а его дух «коррумпирован» роялистскими памфлетами, и в Вандее начинается восстание.

В своей ответной яростной речи Бонапарт был неузнаваем. Он потерял над собой контроль. Первый консул не говорил, а буквально кричал на членов Совета: вы хотите, чтобы я выслал 10 тысяч священников, старцев? вы хотите, чтобы я преследовал посланцев религии, которую исповедует большая часть Франции и две трети Европы? — «Разве вы не знаете, господа члены Совета, что вас всех, за исключением двух или трех человек, считают монархистами, даже Дефермона? Вы хотите, чтобы я отправил гражданина Порталиса в Синамэй, гражданина Девена на Мадагаскар и чтобы затем я составил Совет в духе Бабефа?!.. Не думайте, гражданин Трюге, что вас пощадят на том основании, что вы их защищали в государственном совете. Эти патриоты вас принесут в жертву так же, как меня и всех нас»²²⁴.

Тибодо говорит, что хотя Трюге выступал незлобно и тихо держался, «весь совет живо переживал эту сцену», которая «была первая в своем роде»²²⁵.

Неделя прошла в бесконечных заседаниях, но даже когда выяснилось, что «террористы» не причастны к взрыву на улице Сен-Никез, то ничего не изменилось. Первый консул продолжал настаивать на проскрипционных списках, хотя уже не связывал попытку 3 нивоза с якобинцами. «Их ссылают, — говорил он на заседании Государственного совета 11 нивоза (1 января 1800 г.), — за 2 сентября, за 31 мая, за заговор Бабефа, за все, что за этим последовало»²²⁶. Бонапарт ясно дал понять, что роялистов он явно предпочитает революционерам. И на этом заседании некоторые члены Совета проявили независимость. Среди тех, кто поднял свой голос против составленного Фуше списка лиц, подлежащих высылке, был бывший сподвижник Эбера и Шометта в Парижской коммуне **П.-Ф.Реаль**, **Трюге** и даже совсем нелиберальный **Тибодо**. По словам Демаре, когда Наполеон сказал, что «в Париже осталось еще достаточно этих неисправимых анархистов Бабефа», требуя расширения списка, то Реаль веско ответил: «Совершенно верно, и я был бы в этом списке, как защитник Бабефа на Вандомском процессе, если бы не являлся членом Государственного совета»²²⁷.

Тем не менее первому консулу удалось добиться своего. 14 нивоза IX г. Государственный совет принял «проскрипционные списки» и передал их в Сенат, где после недолгого обсуждения они были утверждены. По свидетельству авторов «Парламентской истории» Бюше и Ру, оппозицию проявили в Сенате Гара, Ламбрехт, Ленуар-Ларош, Ланжюине и некоторые другие. «Один Сиейес, — писали Бюше и Ру, — пытался защищать меру соображениями общественной безопасности, чудовищное применение которых могло бы повести к ссылке всей республиканской Франции. Прения были прекращены; начались переговоры. Правительство требовало; большинство было предано ему»²²⁸.

15 нивоза (5 января 1801 г.) «проскрипции» вступили в силу. В число 130 были включены не только действительные или подозреваемые участники заговоров, такие, как **Массар**, **Дестрем**, **Ф.Лепелетье**, **Дюфур**, **Фурнье-американец**, во и другие известные якобинцы и бабувисты, относительно которых полиция вообще не располагала серьезными уликами: это Антуан Россиньоль, бабувистские «агенты» **Клод Фике**, **Матурен Буэн**, **Менесье**; лица, близкие к бабувистскому движению — **Кретъен**, **Ламберте**, **Ваннек**, **Фион**, **Ватар**, **Гулар**, **Пари**, бывший член Конвента **Шудье**, **Тало** и другие²²⁹. «Не все они были схвачены с кинжалами в руках, — писал Фуше, — но известны за людей, способных отточить их»²³⁰. 70 человек из этого списка были отправлены на Сейшельские острова и только военные действия с Англией помешалисылке второй партии ссыльных²³¹.

Из 70 сосланных тогда на родину вернулись после 1815 г. около 20; остальные погибли на островах или на пути к ним. Уже через две недели после прибытия на о.Анжуан от лихорадки умерли 21 человек, в том числе Россиньоль и Буэн²³², Дестрем скончался на Олероне в 1803 г. в тот момент, когда его сын уже добился для него свободы²³³; более счастливым оказался Тало, который возвратился во Францию и даже служил в армии в 1809 г.²³⁴

7 января 1801 г. последовали новые проскрипции: 52 республиканца были отданы под надзор полиции в самой Франции, с запрещением жить в Сенском и соседних с ним департаментах. В этот второй список попали Антонелль, Моиз Бейль, Лэньело, Лекуантр и другие, известные своей близостью к якобинско-бабувистскому лагерю²³⁵.

Что касается основных участников заговоров — Шевалье, Вейса, Метжа, Юмбара, Шапеля — то их расстреляли в январе 1801 г. на Гренельском поле. Почти одновременно сенский уголовный трибунал приговорил к смертной казни Арена, Черакки, Топино-Лебрена и Демервилля, которые были гильотинированы.

Тогда же в 32 департаментах были учреждены так называемые особые трибуналы, решения которых не подлежали кассации. Их состав наполовину назначался первым консулом. Вместе с тем принятие сенатус-консульта 15 нивоза IX г. означало введение новой практики, по которой Бонапарт мог издавать законы без участия собраний, что ему позволило позже ревизовать конституцию 1799 г., не предусматривающую никаких способов ее пересмотра. Можно, таким образом, согласиться с А.Собулем, что заговоры 1800 г. дали первому консулу прекрасный повод для перестройки общественных институтов в авторитарном духе.

¹³³ Barras P. Memoires, t.IV, Paris, 1896, p.142.

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ Fescourt. Histoire de la double conspiration contre le gouvernement consulaire et de la deportation qui eut lieu dans la deuxieme annee du Consulat; contenant des details authentiques et curieux sur la machine infernale et sur les deportes. P., 1819; Masson Fr. Op.cit.

¹³⁶ Gaubert H Conspirateurs au temps de Napoleon 1-er. P., 1962; L. de Villafosse et J. Bouissounouse. L'opposition a Napoleon. Paris, 1969.

¹³⁷ Paris sous le Consulat, t.1, p.157, 170, 182.

¹³⁸ «Антонелль говорил, — сообщалось в рапорте префектуры от 12 июня 1800 г, — что они довольны предместьями... Секция Гравильер состоит из настоящих патриотов...». Как видно из многих полицейских документов, якобинцы старались постоянно следить за настроениями рабочих предместий.

¹³⁹ Paris sous le Consulat, t.1 p.432, 457, 506, 519.

¹⁴⁰ Ibid, p.269, 457.

¹⁴¹ Ibid, p.313.

¹⁴² Ibid., p.331—332, 454, 466.

¹⁴³ Ibid, p. 529.

¹⁴⁴ Fescourt. Op. cit., p. 5—10. Буонаротти Ф. Указ. соч, т. 1, с. 150, 175.

¹⁴⁶ Там же, с.416.

¹⁴⁷ Masson Fr. Les complots jacobins..., p.9.

¹⁴⁸ Ibid., p.9.

¹⁴⁹ Fescourt. Op. cit, p.9—10.

¹⁵⁰ Paris sous le Consulat, t.1, p.529.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Ibid., t.1, p.382, p.402.

¹⁵⁷ Ibid.

¹⁵⁸ Ibid.

¹⁵⁹ Fescourt. Op.cit., p.5—6.

¹⁶⁰ Fouche J. Memoires, t.1. p.195.

¹⁶¹ Gaubert H. Op.cit, p.54.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Fercourt. Op.cit, p.8—9.

¹⁶⁴ Masson Fr. Op.cit, p.9.

¹⁶⁵ Ibid., p.9—10.

¹⁶⁶ Ibid.

¹⁶⁷ Вандаль А. Указ.соч, с.7—8.

¹⁶⁸ Masson Fr. Op.cit, p. 10—11.

¹⁶⁹ Paris sous le Consulat, t.1, p.656.

¹⁷⁰ NF⁷ 6267. Inventaire..

¹⁷¹ Paris sous le Consulat, t.1, p.695.

¹⁷² Ibidem.

¹⁷³ Ibidem.

¹⁷⁴ Masson Fr. Op.cit, p.12.

¹⁷⁵ an F⁷6267. Inventaire analytique et exact des pieces trouvees chez le M.Metge.

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Paris sous le Consulat, t.1, p.700.

¹⁸⁰ В полицейских обзорах, составленных уже после ареста Метжа, приводилось много фактов, свидетельствующих о подпольной антибонапартистской деятельности якобинцев. Обратим внимание только на некоторые из них. 4 октября 1800 г. некий Эд, «капитан канониров в день 9 термидора», сказал: «Партия еще не теряет надежды... Она укрепилась Удар будет нанесен этой зимой». Другой якобинец Ланнуа, бывший член революционного комитета, и один генерал, имя которого так и осталось неизвестным, говорили в кафе, где собирались «анархисты», что «вскоре будет нанесен удар и всех патриотов предупредят». Было зафиксировано множество слухов и разговоров о близких переменах в правительстве и форме режима. 7 октября Наполеону сообщили, что бывший член Конвента Шудье часто посещает Тало, некоторых своих товарищей по 1793 г., а также Дюрана, «который при терроре проявил себя наиболее горячим патриотом» (Paris sous le Consulat, t.1, p.700—703).

¹⁸¹ Masson Fr. Op.cit., p.18.

¹⁸² Gaubert H. Op.cit., p.57.

¹⁸³ Ibidem.

¹⁸⁴ Proces instruit par le tribunal criminel du departement de la Seine centre Demerville, Ceracchi, Arena et autres, prevenus de conspiration contre la personne du premier Consul Bonaparte... A Paris, pluviose an IX, p. 168. См. также: Кожина Е.Ф. Жак-Луи Давид в годы Директории и Консульства. — В кн.: Античность. Средние века. Новое время Проблемы искусства. М., 1977, с.161—163.

¹⁸⁵ Delecluze. Louis David, son ecole et son temps. P., 1855, p.239.

¹⁸⁶ Gaubert H. Op.cit., p.57.

¹⁸⁷ Paris sous le Consulat, t.1, p.745—746.

¹⁸⁸ Gaubert H. Op.cit., p.64—65; Fouche J. Op.cit., t.1, p.208.

¹⁸⁹ Ibid., p.64—65.

¹⁹⁰ Paris sous le Consulat, t.1, p. 789—790; Fescourt. Op.cit., p.14.

¹⁹¹ Paris sous le Consulat. t.1, p. 789—790.

¹⁹² Masson F. Op.cit., p.14. Факт эксперимента подтверждал и Ж.Фуше: Fouche J. Op.cit., p.208.

¹⁹³ Paris sous le Consulat, t.1, p.774.

¹⁹⁴ Далин В.М. «Агент связи» Бабефа — Дидье-Журдейль. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, с.244—257. В этой статье собран большой материал о деятельности Ж.-Б.Дидье. Однако в ходе дальнейших исследований В.М.Далин пришел к выводу, что Дидье и Журдейль — разные лица, а не псевдонимы одного человека. «Я считал, — писал он автору этой книги, — что Дидье и Журдейль — одно лицо, запросил мнение А.Собуля, он нашел это правдоподобным и сослался даже на одну брошюру в Национальной библиотеке — я ее привел в статье, но потом в бумагах Жюльена в списке лиц, с которыми он встречался, я нашел и Дидье, и Журдейля — отметкой «адъютант Бушотта».

¹⁹⁵ Буонаротти Ф. Указ.соч., т.1, с.194—196.

¹⁹⁶ Paris sous le Consulat, t.1, p.777.

¹⁹⁷ Ibid., p.789.

¹⁹⁸ Ibid., p.790.

¹⁹⁹ Ibid., p.794—795.

²⁰⁰ Ibidem.

²⁰¹ Ibidem.

²⁰² D'Hauterive E. La police secrete du premier Empire. t.3, Paris, 1922, p.422.

²⁰³ «Ш.Дюваль, — говорилось в рапорте префекта от 8 ноября 1800 г., — не пренебрегает никакими средствами, чтобы спасти Черакки и его сообщников» (Paris sous le Consulat, t.1, p.796). В другом рапорте от 17 ноября: «Сообщают, что несколько исключительных собирались вчера вечером у виноторговца А ндре на площади Сен -Сюльпис... они составили заговор с целью ликвидации дел Черакки и Шевалье» (Ibid., p.820). Рапорт от 25 ноября: «Вчера исключительными был дан обед, на котором присутствовали Жиро, Шевалье, Кретьен и другие... Они занимались сбором пожертвований для заключенных Тампля и розысками для них защитников. Представляется, что это, в частности, касается Метжа... которого они рассматривают как самого полезного человека для партии» (Ibid., t.2, p.12).

²⁰⁴ Такие речи вели бывшие бабувисты Кретьен и Жилле, Ш.Дюваль, 202. Тало, генерал Серван и др. (Paris sous le Consulat, t.1, p.827—828, t.2, p.5, 27—28, 62—69). В рапорте префектуры от 23 ноября 1800 г. говорилось: «В эти последние дни состоялось собрание исключительных у Кретьена... недалеко от итальянского театра. Там говорилось, что следует ждать только отъезда первого консула, чтобы нанести удар, что подготовлено всеобщее восстание в Париже, которое будет поддержано войсками, заявляющими о своей преданности исключительным. Они говорили о пушках, находящихся в Версале» (Ibid., t.2, p.5). В другом рапорте от 15 декабря сообщалось: «Вчера вечером состоялось собрание у мраморщика Жилле, бульвар Тампл... На нем присутствовало 10 человек из различных кварталов Парижа и наиболее известные деятели этой фракции. Там рассматривались способы уничтожения правительства и восстановления знаменитой конституции 1793 г. Они обязались действовать в этом духе среди рабочих... Секция Гравильеров включает в себя многих деятелей этой клики; они продолжают встречаться у Кретьена» (Ibid, p.63).

- ²⁰⁵ Paris sous le Consulat, t.1, p.789.
- ²⁰⁶ Ibid., p.796.
- ²⁰⁷ Nodier Ch. Histoire des societes secretes de 1815, p.62.
- ²⁰⁸ Gaubert H. Op.cit., p.43.
- ²⁰⁹ Далин В.М. «Агент связи» Бабефа..., с.254.
- ²¹⁰ Masson Fr. Op.cit, p.13.
- ²¹¹ Paris sous le Consulat, t.1, p.785.
- ²¹² AN. F7 6267, N1 Noms des individus impliquees dans l'affaire de Cherachie...
- ²¹³ Буонаротти Ф. Указ.соч., т.1, с.224.
- ²¹⁴ Дотри Ж. Указ.соч., с.159.
- ²¹⁵ Weill G. Les memoires de Joseph Rey. — Revue historique, 1926, t.157. p.293.
- ²¹⁶ Paris sous le Consulat, t.1, p.5—15.
- ²¹⁷ Pouche J. Op.cit., t.1, p.219—220; Madelin L. Fouche, t.1, p.335—336.
- ²¹⁸ Thibaudeau A.-C. Memoires sur le Consulat, 1799—1804. Paris, 1827, p.25—26.
- ²¹⁹ Le Moniteur. 5—10 nivose an IX. «Почти все готовы обвинять анархистов в этой попытке», — говорилось в обзоре министерства полиции от 5 нивоза (Paris sous le Consulat, t.2, p.87).
- ²²⁰ Gaffarel P. Op.cit., p.104.
- ²²¹ Thibaudeau A.-C. Memoires, p.29.
- ²²² Ibid., p.31.
- ²²³ Ibid., p.31—32.
- ²²⁴ Ibid., p.33.
- ²²⁵ Ibid., p.33—34.
- ²²⁶ Ibid., p.47.
- ²²⁷ Ibidem.
- ²²⁸ Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution Francaise ou Journal des Assemblees nationales depuis 1789 jusqu'en 1815, t.XXXVIII. Paris, 1846, p.379.
- ²²⁹ Fescourt. Op.cit. p.33—40.
- ²³⁰ Thibaudeau A.-C. Memoires... p.44.
- ²³¹ Далин В.М. Люди и идеи, с.96.
- ²³² Там же, с.96.
- ²³³ Thibaudeau A.-C. Op.cit, p.62.
- ²³⁴ Ibid., P.62.
- ²³⁵ Олар А. Политическая история французской революции, с.495.
- ²³⁶ Paris sous le Consulat, t.2, p.123, 135, 122—124.
- ²³⁷ Собуль А. Первая республика. М., 1974, с.331.

Примечание редакторов *Vive Liberta* к подглавке «Заговор Арена»

Мы приводим фрагменты книги современного французского историка **Жан-Пьера Тома - «Бертран Барер: голос Революции»**, изданной в год 200-летия ВФР, то есть почти одновременно с монографией Туган-Барановского. В пользу версии Тома говорят прежде всего его большие, по сравнению с нашим советским историком, возможности: он ссылается на архивы префектуры полиции и цитирует протоколы судебного процесса над заговорщиками. Но он очевидно симпатизирует своему персонажу – на это тоже стоит делать поправку. Впрочем, антипатия Туган-Барановского никак не является гарантией его точности и правдивости во всех деталях. Читайте, сопоставляйте и думайте, граждане читатели.

Как верх неудачи, к этим сложным и напряженным отношениям добавляется начавшееся «дело Демервиля». Большинство противников Бертрана Барера широко использовали этот печальный и мрачный процесс, чтобы дискредитировать бывшего децемвира и добавить этой сложной личности душу предателя и доносчика, - тяжкое обвинение, заслуживающее, чтобы его изучить глубже; но давайте обратимся к началу.

Тут мы нарушаем порядок изложения Тома, включая сведения из предшествующих глав книги.

Первый раз Доминик Демервиль упоминается в эпизоде времен Генеральных штатов: «...Но почему на картине Давида он [Барер] изображен с пером в руке? Потому что он присутствует не только в качестве депутата, но и журналиста. Неизвестно, как скоро возникла у него идея создавать свою собственную ежедневную газету, «Заря», но ее первый номер выходит рано, 19 июня 1789. <...> речь идет о роде отчета о дебатах, который он составляет сам, с помощью своего секретаря (как мы сказали бы сегодня, парламентского атташе), Доминика Демервиля, молодого уроженца Тарба, которого он взял под свое покровительство и увез вместе со своим багажом».

Второе упоминание относится к периоду Комитета общественного спасения: «Наличность и хорошее настроение приходят к нему вместе; не так-то просто поднимать настроение правителей при ежедневном переутомлении, среди пятисот дел, которые надо обсуждать каждый день, согласно свидетельству Карно, в изнурительном ритме, повинуюсь которому децемвирам постоянно приходится сновать, как челнок, между павильоном Флоры и залом, где собирается Конвент. Рост задач сопровождается увеличением численности администрации Комитета от 67 до 252 служащих. Депутат Верхних Пиренеев не забывает устраивать там на хорошее место своего сотрудника Доминика Демервиля и двоюродного племянника Никола Карле».

После 9 Термидора начинается широкомасштабная кампания против Бийо-Варена, Колло д'Эрбуа и Барера, сперва их отстраняют от дел, затем в Конвенте декретируется обвинение, их держат под домашним арестом, ведется «парламентское расследование» их деятельности – под градом памфлетов «разоблачительного» толка (десятка два можно прочитать на сайте национальной библиотеки Франции <http://gallica.bnf.fr/>), оправдывают, вновь назначают расследование по инициативе Сийеса, осуждают, отправляют в крепость на о.Олерон, откуда Барера переводят в тюрьму в Сент (департамент Шаранты) – все это время Демервиль помогает ему поддерживать связь с внешним миром, передает его письма и прошения и в конце концов организует побег из тюрьмы, устраивает убежища – в разрушенном замке в лесу, потом в Бордо, потом в Париже. Он в курсе всех сугубо личных дел и переживаний Барера, это очевидно из уцелевших кусков их переписки 1795-1799 гг. При этом о Демервиле доподлинно известно только то, что родился он в коммуне Семеак около Тарба в 1767 году. Но вернемся к «заговору кинжалов».

Сброшенный со счетов консульской администрацией, которая отказывает ему в каких бы то ни было функциях, Доминик Демервиль, сначала секретарь Барера, затем общий секретарь Комитета общественного спасения, а при Директории - директор госпиталя Гро Кайо, в тридцать один год он - конченный человек, заперся в маленькой квартире в доме 24 на улице Мулен (улица исчезла во времена Второй империи) у своей кузины Мадлен Фюме, бывшей учительницы, сварливой старой девы. Безденежье, фрустрация от того, что он не у дел, не компенсируются многочисленными любовными победами (говорят, что он был очень красивым юношей) сближают его с теми озлобленными, которые каждый вечер в некоем кафе, выпив, бранят «тирана Бонапарта и его клику». Здесь и скульптор Черакки - он только что закончил бюст Барера, - который некогда был, однако, другом Бонапарта; и марсельский художник Топино-Лебрен, бывший ученик Давида и бывший присяжный заседатель Революционного трибунала; корсиканский офицер Арена, брат депутата Совета пятисот, того самого, что ударил Бонапарта в вечер брюмерского переворота; иными словами, лучший цвет левого якобинства. Полиция знает эту маленькую группу и собирается туда внедриться посредством капитана Ареля, военного на половинном жаловании, уволенного новым режимом, который громогласно не щадит себя для мщения. Вот только сотоварищи не знают, что Арель связан с шпионскими службами. От него требуется подталкивать других, кто составляет заговор против Первого консула, в высших кругах «считают», что это был бы наилучший способ очистить столицу от наиболее опасных элементов, дискредитировав их. Заговор был состряпан – свидетельствуют все современники, начиная с Бурьена, который пишет: «это был призрак; необходимо было положить ему начало, чтобы преувеличить опасность, которой подвергался Первый консул, по крайней мере мнимую». До сих пор все совершенно классически. К несчастью для Барера, его друг увяз по горло в этом грязном деле, а он, ничего не подозревая и не замечая, попадает туда.

Все начинается 10 октября 1800. Узнав, что его молодой друг - жертва пищевого отравления - болен, Бертран Барер наносит ему визит вместе с кузеном, Жан-Полем Дентраном. За болтовней о том о сем Барер сообщает, что намерен тем же вечером побывать в Опера, заранее радуясь, что услышит Лаиса, Ленеца и м-ль Майяр, о которой говорят как о величайшей в Париже.

- Не ходите туда, - восклицает Демервиль, - будут волнения, и наверняка полиция прервет спектакль.
- Если только там будут дурные граждане и враги Франции, которые хотят спровоцировать волнения, - возражает Барер, - это еще один удар англичан!

Увлекая за собой Дентрана, он ведет его в Лувр, это совсем близко, на выставку произведений античного искусства.

Выйдя из Музея, он говорит себе, что, дабы доказать свою добрую волю по отношению к правительству, необходимо предупредить генерала Ланна, что он должен увидеть точно для дела семьи. Ланн оказывает ему хороший прием и заставляет усилить безопасность ложи Первого консула. Вот - здесь историки верили, что обнаружили банку с румянами, утверждая, что Барер обдуманно разоблачил своего друга. Ланн в результате предупреждает Фуше, который симулирует удивление, так как он вполне в курсе происходящего. Уже вечером представление проходит без неожиданностей, поскольку в условленное время, когда Демервиль и его сообщники ожидают кинжалы, которые должен принести Арель, на них нападает полиция и препровождает в Тампль, где к ним незамедлительно присоединяют Арену и Топино-Лебрена. Помещенные в одиночки, отделенные друг от друга и **избитые**, четыре несчастных человека сознаются во всем, в чем угодно. «Я бы никогда не поверил, - скажет Черакки на процессе, - что со мной обходились бы столь же недостойно в Республике. Я подписал бы собственную смерть, если бы у меня потребовали». Одновременно - хотя они совершенно невиновны - двуколку набивают якобинцами, среди которых скульптор Детег, доктор Субербиель и даже бедная Мадлен Фюме! Впоследствии их освободят, но сию минуту требовалось распространить слух о широко разветвленном заговоре.

Со своей стороны, Бертран Барер в числе подозреваемых, как это явствует из полицейского отчета от 19 октября: «покушение, задуманное против Первого консула, есть тема всех разговоров. Арест секретаря Барера заставляет верить, что и он был в числе заговорщиков. Сообщают, что один из друзей, встретив его, казался удивленным, будучи уверен, что он [Барер], согласно циркулировавшим слухам, арестован. Барер его успокоил, сказав, что к естественной неприязни к любому заговору у него присоединяется чувство благодарности Бонапарту, которому он обязан своей свободой, что он игнорировал поведение Демервиля, обманутого итальянцами, которые злоупотребили его слабостью и болезнью». Несмотря на это, 19 октября он вызван к префекту полиции, который ему зачитывает приказ удалиться на двадцать лье от Парижа. Осмотрительный, он собирается тотчас же найти Фуше, который его успокаивает и заставляет аннулировать эту меру. Между тем, для большей предосторожности Барер пишет Бонапарту: «С великим удивлением и со справедливым нескрываемым возмущением я вижу мое имя, скомпрометированное списком, в который агенты полиции по своему усмотрению внесли лиц, обвиняемых в том, что они способствовали действию, приписанному господам Арену, Черакки и их товарищам. Конечно, если бы Первому консулу сказали, что Барер во главе народной ассамблеи пришел требовать осуществления их прав, это действие моей стороны могло иметь вероятность. Но смешивать меня, бывшего народного представителя, с заговорами полиции и завсегдаев кабацков, вменять мне эти подлые покушения - это на меня вовсе не похоже...» Это письмо - фактически ответ слухам, сообщать ему которые кое-кто доставляет себе удовольствие, как, например, на загородном ужине Талейран бормочет:

- Хотел бы я знать, где на самом деле был Барер во время заговора.

- О, что до него, - отвечает Эменар, - он был со мной; мы слушали вместе ораторию Гайдна.

- Хм, - хитро роняет Талейран, вздергивая маленький курносый нос, - никогда вы меня в этом не убедите.

И все сидящие за столом смеются. Бонапарт, несмотря ни на что, кажется, не принимает заговор всерьез, но, к несчастью для обвиняемых, через два месяца, 24 декабря, взрывается второй заговор, на сей раз реальный. В то время как он отправляется в Опера слушать «Сотворение» Гайдна, на улице Сен-Никез взрывается страшный груз, уложенный на тележку, вынеся стекла кареты, убив двух людей и шестерых тяжело ранив. Это знаменитая «адская машина».

Бонапарт, который подозревает (еще пока) якобинцев, в гневе, и заставляет приступать к аресту ста пятидесяти из них. Позже, при внезапном задержании инициаторов заговора шуанов Карбона, Робино и Сен-Режана, выясняется, что именно роялисты осуществили эту операцию. Психологический эффект между тем катастрофический и имеет результатом лишь ускорение следствия в Тампле.

Чтение этих материалов ясно показывает, что у судей есть инструкция подкапываться под бывшего децемвира: «попытайтесь узнать, - пишет префект полиции Дюбуа, - точную роль Барера в заговоре», откуда этот допрос:

«Барер, без сомнения, знал о ваших проектах?

- Нет. Если бы знал, я не говорил бы ему, чтоб он не ходил в Опера.

- Не составлялись ли вами тех, кто намечался в состав правительства? В их числе был Барер?

- Действительно предполагалось его выбирать, но, учитывая, что он работал для Первого консула, от него не должно было ничего ожидать.»

Процесс начинается 8 января 1801. Вполне естественно, Бертран Барер вызван к барьеру, как и Давид, бывший покровитель Топино-Лебрена. Что он говорит, чем так шокирует своего биографа Маколей? Он рассказывает о дне 10 октября, предостережении Демервиля, заставившем их изменить планы и пойти скорее Зал Фейдо вместо ложи цензора Эменара, который его туда приглашал. Он обвиняет его, как пишет Маколей? Нет, он просто заявляет, как то доказывает отчет заседания: «Зная мудрость, осторожность и чистосердечность Доминика Демервиля, я никогда бы не представил, что он способен быть главой заговора».

Печальный процесс. Когда является Арель, Демервиль восклицает:

- Все стукачи префектуры собираются тут предстать?
- Используйте другие выражения, - гремит председатель.
- Для этого типа я не знаю других.

Арель жалко запутывается в своих объяснениях, тогда как обвиняемые называют его трусом.

- Судите же, - говорит Арена, - какое доверие может внушать такой человек.

9 января 1801 в 10 час. вечера, присяжные оглашают виновность заговорщиков, и суд их приговаривает к смертной казни. Бертран Барер отмечает в своем журнале: «бывают моменты, когда ужасаешься всему... Опера, которую я так любил, стала мне чуждым; и этот прекрасный Париж!»

31 января в час пополудни тележка везет Демервиля, Арену, Топино-Лебрена и Черакки из Консьержери на Гревскую площадь, где перед Ратушей воздвигнута гильотина. Огромная толпа молчит. Многие знают о полицейской провокации. Согласно «Журнал де Пари», каждый осужденный, поднимаясь на эшафот, посылает дружеский привет. Последний привет Революции? Бертран Барер не пришел смотреть, как падает голова его друга, но две женщины под черными вуалями проводили взглядом красивого якобинца. Одна из них - мадам Рюо, которая ожидает от него ребенка. О второй сбире Фуше думают, что это ни кто иная, как родная сестра префекта полиции, но – тс-с, никакого скандала...

<...> Раздавленный, как можно представить, этим делом, Барер считает, что настал момент заставить себя забыть и окончательно удалиться в тень его «дорогих Пиренеев», где он предлагает графине Гибер к нему присоединиться. Предварительно ему приходится сразиться с администрацией дистрикта, чтобы выволить свой портрет, написанный Давидом, и книги, захваченные у несчастного Демервиля. В конце апреля, он на пути к тому, чтобы паковать багаж, когда посланный из Дворца приносит ему такую записку:

«Первый консул, узнав об отъезде гражданина Барера в свои края, желает, чтобы он остался в Париже. Он будет каждую неделю делать отчет об общественном мнении о движениях правительства, обо всем, что, он будет уверен, интересно знать Первому консулу. Он может писать свободно и вручать свой отчет лично в руки генералу Дюроку, который передаст его Первому консулу, но необходимо, чтобы никто не подозревал об этой переписке, в противном случае Первый консул прекратит ее. Он может помещать так часто, как захочет, статьи в газетах, стремясь к тому, чтобы направлять общественное мнение главным образом против англичан».

Возвращение ли это милости? На всякий случай бывший децемвир разбирает чемоданы.

Jean-Pierre Thomas. Bertrand Barere: La voix de la Revolution. Ed. Desjonquères. Paris, 1989. Part 15. «Les illusions perdues». C.256-262. Перевод с французского редакторов Vive Liberta Люсиль и Э.Пашковского.

Рекомендуем также статью *Anna-Maria Rao «Les exiles italiens et Brumaire»* из «Анналов» (<http://ahrf.revues.org/document1991.html>)

и специально предостерегаем **от** опуса *С.Ю.Нечаева «Наполеон. Заговоры и покушения»* (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2006), изобилующего грубыми историческими ошибками.

ГЛАВА II. На ПУТИ к ИМПЕРИИ (1801–1804)

*Веку было два года, Рим сменял уже Спарту,
И шел Наполеон вослед Бонапарту.
В. Гюго*

1. Республиканцы и монархические преобразования Первого консула (1801—1802 гг.)

В начале 1801 г. наблюдается отчетливый спад оппозиционной волны, вызванный, помимо репрессий, еще и внешними факторами. 9 февраля 1801 г. в Люневиле первый консул подписал весьма благоприятный мир с Австрией, который приветствовался французским народом и сильно упрочил позиции правительства. В этих условиях демократическая группировка оказалась без какой-либо серьезной социальной опоры. Только незначительную поддержку оказывал демократам их давний союзник — парижский плебс; имущий слой в целом, в том числе собственническое крестьянство, выступали в поддержку режима.

Вместе с тем было бы неправильно думать, что репрессии и давно ожидаемый мир совершенно уничтожили оппозицию. Она продолжала сохраняться, но проявлялась сейчас настолько в конкретных действиях, сколько в форме абстрактного сочувствия «к несчастным патриотам» и все еще живущих надеждах на перемены в правительстве и характере режима.

Мы уже упоминали о резонансе, который вызвали в левых кругах известия об арестах якобинцев. Подобные настроения весьма явно продолжали ощущаться и после принятия «проскрипционных списков». «Замечено, — говорилось в одном из отчетов министерства Фуше от 15 января 1801 г., — что сентябристы недовольны действиями полиции и высылкой бешеных на Олерон». Свое недовольство политическими процессами выражали довольно широкие слои, в том числе и перешедшие в лагерь умеренных, бывшие демократы типа М.-А.Жюльена², теофилантропы (представители левой религиозной секты)³ и даже «идеологи».

Вероятно, именно под влиянием этого довольно устойчивого настроения во время процесса над Черакки и Арена в зале трибунала распространились слухи, что приговор вообще не будет вынесен. По словам префекта, составившего по этому поводу специальное донесение, публика в зале всерьез обсуждала возможность такого исхода. «Это дело, — писал префект Дюбуа, — было предметом всевозможных разговоров».⁴

Учитывая такой настрой общественного мнения, Наполеон не стал настаивать на точном соблюдении указа о «проскрипциях» и свободу сохранили около 60 человек. Среди них были такие известные деятели якобинско-бабувистского движения, как К.Фике и Менесье (участники «заговора равных»), адъютант Бушотта — Журдейль, Ж.-Б.Дидье Маршан, Флон, Р.Базен, Эв Демайо и другие.⁵

Еще слабее, чем в Париже, ощущалась оппозиция в департаментах. Мы можем назвать лишь отдельные регионы, где в той или иной мере, если верить рапортам государственных советников, специально изучавших этот вопрос, в 1801 г. проявлялось недовольство. Согласно отчету Барбе-Марбуа, обследовавшего четыре департамента Кот-дю-Нор, Финистер, Иль-и-Вилэн и Морбиган, «анархистские вожди» не пришли к единодушному мнению относительно предстоящих действий, но, говорилось в рапорте, все свидетельствует о том, что «они готовы использовать для выступления первую же возможность».⁶ При этом Барбе-Марбуа не приводил ни конкретных фактов, ни имен и лишь ссылаясь на выступления в этих департаментах, связанные с попыткой 18 вандемьера в Париже (заговором Арена).⁷

Приблизительно такая же, но несколько более определенная оценка давалась Фуркруа (в отчете от флореаля IX г.) по департаментам Кальвадос, Ла Манш и Орн. «Существует, — отмечал Фуркруа, — среди жителей департаментов характерное различие во взглядах: одни питают привязанность к старому режиму; другие хотят конституционной монархии 1791 г. и небольшое число являются сторонниками правительства 1793 г.; есть такие, которые сожалеют о конституции III г., но огромное большинство... искренне привязаны к конституции VIII г.»⁸ Мы полагаем, что в целом оценка, данная Фуркруа, является объективной и отметим наличие в левом антибонапартистском лагере различных течений (от сторонников конституционной монархии и защитников Директории до якобинцев). Какую же роль в этом конгломерате играли якобинцы? Их, согласно Фуркруа, было совсем немного: префекты Кальвадоса и Орна даже ничего не сообщили; сведения о 12 лицах «из этой категории» в Кане государственный советник получил от своих осведомителей; префект Ла Манша сообщил ему о 9 лицах своего департамента, которые, считал префект, «могут беспокоить правительство своей привязанностью к партии 1793 г.»⁹ Лекарпентьер, «агент Робеспьера»; Бюно и его сын, печатники; Жеффруа, начальник почты, поддерживающий тайную переписку; Бенгар; Лонжье, бывший член революционного комитета; в Кутансе — известный Ервье, поддерживавший переписку с Метжем и составивший в защиту Ф.Буонарроти петицию к правительству; Деспро, бывший комиссар Директории; братья Летелье.¹⁰

В отчете Лакюз, обследовавшего департаменты Езин, Оры-и-Луары, Луары, Уазы, Сены, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы (расположенные вокруг Парижа), утверждалось, что «никогда с начала революции... не было здесь большего спокойствия». «Анархисты изолированы, — далее отмечал Лакюз, — но в большинстве своем продолжают верить в свое безнадежное дело».¹¹ В том же рапорте говорилось, что в целом «анархисты» не представляют опасности, и как и роялисты, ведут себя «благоразумно». Закljučая, Лакюз писал: «Рассеянные и растерявшиеся анархисты более не могут рассчитывать на Париж. Большинство представляет собой только опасные инструменты в руках интриганов». В отчете содержались также ценные сведения о секте теофилантропов, выступающих за восстановление режима 1793 г.¹²

Доклады двух других государственных советников Дюшателля и Франсуа из Нанта, инспектировавших южные и юго-восточные департаменты Франции, ничего не сообщали о деятельности оппозиционных элементов.

Таким образом, зимой и весной 1801 г. размах демократического движения в стране резко сужается; оживление, а затем и подъем наступают только с лета 1801 г. и связаны с принятием первым консулом целого ряда актов откровенно реакционного толка (конкордат—16 июля 1801 г., амнистия эмигрантам — 26 апреля 1802 г., учреждение Почетного легиона — 19 мая 1802 г.). Среди этих актов наиболее важным был конкордат, подписанный с папой Пием VII. По его условиям католическая религия признавалась религией «большинства французов», отделение церкви от государства уничтожалось, и государство вновь брало на себя оплату священников. В то же время церковь отказывалась от каких-либо претензий в отношении распроданных или конфискованных в период революции земель.

В социальной и политической области конкордат явился отступлением не только от религиозной политики революционных лет, но и времен Директории. По существу, соглашение с Ватиканом было одним из решающих шагов после конституции VIII г. по упрочению авторитарных начал в государстве, путем обращения, как выразился К. Маркс, не к рассудку, а предрассудку французского крестьянина.¹³ Впрочем, этого не скрывал и Наполеон. «Я восстанавливаю религию для себя», — не раз говорил он.¹⁴

Однако этот курс встретил весьма серьезную оппозицию в обществе, она бросалась в глаза даже посторонним наблюдателям. 30 декабря 1801 г. русский посланник в Париже Марков сообщал в Петербург: «Все действия власти только возбуждают недовольство».¹⁵

Но особенно выступала против конкордата армия. В те дни полиция зафиксировала немало «крамольных речей», которые вели офицеры. «Военные говорят, — обобщал эти данные префект в своем отчете от 25 декабря 1801 г., — что священники были самыми ярыми врагами революции, и восстановление католической религии во Франции может рано или поздно привести к гражданской войне... и священники будут удовлетворены лишь тогда, когда им удастся реставрировать монархию».¹⁶ Полиция не всегда сообщала фамилии тех, кто вел такие разговоры. Да, впрочем, это и не особенно важно. Речь идет в данном случае не о случайном разговоре или неосторожно брошенной фразе, а об устойчивом и совершенно определенном настроении сравнительно широкой массы военных, критикующих конкордат с явно *республиканских* позиций. «Представляется несправедливым, — говорил один из офицеров своим друзьям во время прогулки по саду Тюильри (их разговор был подслушан), — что правительство берет на себя оплату священников, тогда как защитники родины испытывают нужду...» Автор доноса добавлял, что все «семь офицеров согласились со своим приятелем».¹⁷ Такие настроения были характерны и для значительной части генералитета, где можно назвать немало действительно крупных военачальников: Моро, Бернадотт, Ожеро, Дельма, Лекурб, Брюн, Мюллер и другие.¹⁸ Генералы неохотно присутствовали на церемонии в Соборе Парижской богородицы по случаю обнародования конкордата, их настроение было отмечено многими современниками. «Распространился слух, — вспоминал Тибодо, — что первый консул хотел было устроить освящение полковых знамен, но не решился на это, потому что солдаты грозили, что они растопчут их ногами».¹⁹ Тайно ходила по рукам карикатура, изображающая первого консула утопающим в чаше со святой водой, причем епископы толкали его под воду своими крестами.²⁰

В таком настроении офицерства, пожалуй, не было ничего странного. Ведь французская армия создавалась в годы революции, и на ее долю пришлась самая тяжелая и ответственная задача: защита страны от врагов. Именно тогда многие будущие наполеоновские маршалы были произведены в генералы и офицеры, в том числе и сам Наполеон. Солдаты французской армии были очень образованы, почти ежедневно в 1793—1794 гг. они читали свежие газеты, доставленные из Парижа, их воспитывала сама революция, и как великолепно выразился Виктор Гюго, в походном ранце каждого солдата «лежала Энциклопедия». Они были свободны от предрассудков католицизма, всей душой ненавидели папу, и генерал Шампийонне, заняв Рим в 1798 г., своим поведением подчеркивал это.

Конечно, в дальнейшем именно армия помогла Бонапарту стать первым консулом, а затем и императором. Ее поддержка в конечном счете была решающей. Но не случайно также и то, что из рядов армии, этой, казалось бы, верной опоры Наполеона, выдвинулись наиболее решительные и последовательные борцы с его деспотизмом — Мале, Лагори, Гидаль, Симон и другие офицеры и генералы. И нет потому ничего странного, что эта оппозиция обрисовалась в армии уже тогда, в середине 1801 г., когда Наполеон только начинал свое восхождение.

Взятый курс отталкивал от правительства также и некоторые круги либеральной буржуазии. Трибунал демонстративно избрал своим председателем Дюпюи, автора известного исследования о происхождении культов, написанного во враждебном католицизму тоне; в состав Сената вошел конституционный список Грегуар, видный деятель революции и противник Ватикана; в Трибунате и Законодательном корпусе вокруг Б. Констана, Андре Шенье, Дону, Женгене, Сэ стала складываться сильная оппозиционная группировка.²¹ Резко враждебно к конкордату отнеслись члены Института, среди которых было немало бывших сторонников наполеоновского переворота. Воспитанные в духе просветительской идеологии, ярые вольтерьянцы, они никак не могли понять необходимость примирения с католицизмом. В этом смысле показателен разговор Вольнея, одного из лидеров тогдашних либералов, с первым консулом, разговор, по-видимому, вызвавший тогда настолько широкий резонанс, что о нем даже рассказал роялистский агент в своем донесении в Лондон. Видный деятель революции, философ и автор книги «Руины...», Вольней прямо высказал свое несогласие с конкордатов. Наполеон, не желая вести спор, бросил фразу, что «семь веков Франция была католической и надлежит поэтому прислушаться к мнению народа». «Если это мнение народа вы учитываете, — иронически ответил Вольней, — то я должен вам сказать, генерал, что семьсот лет Франции требуют также и возвращения Бурбонов».²² Вероятно, разговор не был досужей выдумкой завсегдатаев либеральных салонов, хотя и нельзя это утверждать точно. Но возник он, несомненно, в те дни и ответ Вольнея, мнимый или настоящий, был еще одним аргументом не в пользу Наполеона.

Таким образом, со второй половины 1801 г. в оппозиционном правительству лагере оказываются и якобинско-бабувистские элементы, и либералы, и демократически настроенные военные. Происходит как бы временное слияние всех этих сил под республиканско-либеральными лозунгами. «Многие генералы, недовольные деспотизмом, — писал русский посланник Марков, — объединились с членами Законодательного корпуса и Трибунала».²³ То же самое позднее в своих воспоминаниях заявляла г-жа де Сталь. Она сообщала, что в те дни (в конце 1801 и начале 1802 гг.) сформировалась группа военных во главе с Бернадоттом, членов Трибунала и даже сенаторов, пытавшихся воспрепятствовать укреплению наполеоновского деспотизма. Сама г-жа де Сталь, по ее словам, «часто встречалась с Бернадоттом и его друзьями». «Предлагались различные проекты, в основе которых лежали законодательные меры, но рассматривались также и другие способы действий».²⁴

Характерно, что именно в эти дни в обществе все чаще и настойчивее ставится вопрос о возможности провозглашения Наполеона императором или королем. 17 сентября 1801 г. «бешеные» (по терминологии полицейских донесений), «собравшиеся в одном из кафе, заявляли, что они не будут праздновать день образования республики, *так как этот день уже стал днем новой монархии*» (последняя фраза выделена полицией). 13 октября 1801 г. в Париже распространился слух об уничтожении республиканского календаря, а 11 января 1802 г на одном из своих собраний итальянские демократы заявили: «Французы не знают ничего другого, кроме скрытой монархии».²⁵ Подобным же образом к консульскому правительству относились многие польские повстанцы и, прежде всего, их генерал Костюшко. Мы не знаем, участвовал ли он практически в выступлениях оппозиционных элементов. Вероятно, нет, но отношение его к Наполеону уже тогда было по меньшей мере резко критическим. Об этом свидетельствует один любопытный документ — отчет префектуры полиции об агентурном наблюдении за Костюшко (от 3 февраля 1802 г.). «Сообщают, — говорилось там, — что генерал Костюшко долгое время добивался расположения Первого консула, так как он думал, что правительство использует свое могущество, чтобы вернуть Польше ее независимость; но когда он убедился, что оно не интересуется делами его страны, то понемногу стал отдаляться, пока не перешел окончательно к недовольным; он позволяет себе самые неуместные рассуждения». Далее в отчете говорится, что все поляки видят в Костюшко «своего советчика и вождя», «они разделяют его принципы».²⁶

Наполеона сильно раздражало складывание новой оппозиции и отдельные ее проявления в Трибунате и Законодательном корпусе. По его глубокому убеждению в государстве не должно быть места для официальной критики. «Идеологов», которые выступали против него в палатах, он, не стесняясь, называл «уличными собаками» или «мелкими насекомыми», забравшимися на его платье. К чему нужна эта оппозиция, говорил он. «В Англии это — не мятежники: они добиваются только одного, чтобы корона купила их. Трибуны в Риме — другое дело; да и там они принесли больше вреда, чем пользы. А у нас нет патрициев: не нужны и трибуны».²⁷ По его мнению, говорящая оппозиция была вредна не тем, что представляла какую-либо серьезную опасность для государства; речи «двенадцати-пятнадцати метафизиков» не поколеблют устои, в этом Наполеон был абсолютно убежден, но они будируют общественное мнение, разжигают страсти, что, как он полагал, было особенно опасно во Франции.

Поэтому как только обстановка в стране несколько стабилизировалась — это произошло после заключения Люневильского мира — он нанес удар: под предлогом предписываемого конституцией ежегодного обновления обеих палат на одну пятую часть их состава, сенат исключил из Трибуната и Законодательного корпуса почти всех оппозиционных деятелей, в том числе Б.Констана, Андрье, Дону, Шенье, Женгене, Сэ, Ларомигьера и других.²⁸ Но все же определенные плоды сопротивления парламентариев имело. В угоду им первый консул принял так называемые «Органические статьи католического культа» (8 апреля 1802 г.), составленные без ведома папы и весьма ограничивающие его права.

Неудача парламентских действий заставила некоторых оппозиционеров искать успеха уже в открытом выступлении против первого консула. А.Олар справедливо отмечал, что «эта республиканская оппозиция, шла ли она со стороны военных сил или со стороны бывших демократов, принуждена была тогда замкнуться в тайные заговоры».²⁹ В этой ситуации особенно большую роль стало играть демократическое офицерство, ибо только армию можно было противопоставить силе наполеоновского деспотизма.

История военных заговоров против Наполеона, как и вообще сама армейская оппозиция, до сих пор плохо изучена. Советский историк А.З.Манфред справедливо подметил, что Наполеон, стремясь скрыть самый факт сопротивления в армии, ни в мемуарах, написанных на о. Святой Елены, ни в своем литературном наследстве почти не касался этого вопроса.³⁰ В дальнейшем также поступали и его многочисленные историографы.

Между тем, республиканские заговоры имели место уже в 1802 г., и возникали они на почве того недовольства, которое было широко распространено во Франции среди бывших участников революции. Наиболее значительным из этих выступлений был заговор, подготавливавшийся в Рейнской армии ее начальником штаба генералом Симоном. Он интересен, во-первых, тем, что замышлялся в военных кругах, и, во-вторых, тем, что в обращениях генерала Симона к армии и обществу, во всех лозунгах, под которыми развивалось движение, предельно отчетливо проглядываются *республиканские* истоки заговора.

Рейнская армия, командующим которой был сначала Моро, а затем Бернадотт, являлась наиболее республиканской и демократической по своим настроениям. Солдаты и офицеры ее не скрывали своей неприязни к первому консулу, и, по-видимому, это обстоятельство побудило Наполеона использовать армию для военных действий вдали от Франции, на о.Сан-Доминго. О недовольстве в этой армии первый консул получил сведения еще весной 1800 г., когда только начиналась подготовка якобинцев к их заговорам. Именно тогда в целом ряде отчетов префектуры и министерства полиции Наполеон мог прочитать, что между Ф.Лепелетье, П.Антонеллем и Массаром проживавшими в Париже, и «анархистами» Рейнской армии поддерживается постоянная переписка. Посредниками в данном случае выступали Жермен (из Вирофлэ), близкий к бабувистским кругам, и Бюргюбрю, житель Страсбурга, в прошлом якобинец, на имя которого поступала значительная часть писем.³¹ Вести из этой армии приходят весьма удовлетворительные для якобинцев.³² В ряде донесений содержалась общая характеристика намечаемых «анархистами» Рейнской армии планов государственного переворота.

Мы позволим себе процитировать несколько строк из двух документов.

Репорт префектуры от 12 июня 1800 г.: «Переписка, - говорят они (Ф.Лепелетье, П.Антонелль. — Т.-Б.), - продолжается с братьями из Рейнской армии; она показывает, что большинство офицеров и солдат хотят ограничить власть первого консула. Военные должны, считают они (Ф.Лепелетье и П.Антонелль. — Т.-Б.), выразить свой взгляд в петиции, которую следует отправить в Париж и адресовать в Трибунал. Члены Сената и Законодательного корпуса получают копии. Они (то есть якобинцы. — Т.-Б.) хотели бы, чтобы петиция была отвергнута, это дало бы *предлог для открытого выступления*».³³

В другом отчете префектуры от 20 июня 1800 г. пересказывался разговор Массара с Ф.Лепелетье и П.Антонеллем. Ф.Лепелетье заявил Массару, что получены «весьма успокоительные новости» из Рейнской армии. «Храбрецы этой армии, — добавил он, — будут ждать конца кампании, по крайней мере, благоприятной ситуации, которую они не преминут использовать. Военные говорят, наконец, что если к зиме мир не будет заключен, то они не поколеблются призвать истинных патриотов к делу».³⁴

Вероятно, всеми этими фактами можно было бы пренебречь и счесть их за обычные полицейские преувеличения, если бы не реальный заговор, раскрытый в Рейнской армии всего два года спустя. Таким образом, по-видимому, уже весной 1800 г. этот заговор стал созревать, и примечательно, что инициатива исходила от парижских якобинцев.

Непосредственным руководителем всего выступления, практически воплощавшим его в жизнь, стал участник революционных войн, пламенный республиканец, бригадный генерал Симон. Вероятно, за спиной Симона стояли и более влиятельные военачальники, в частности, Бернадотт, командующий этой армией, Лекурб, Дельма и другие. Эти генералы поддерживали контакты с либералами, исключенными из законодательных органов.³⁵

Всю непосредственную работу по организации переворота проводили Симон и его друг полковник Пиното, командир 82-го полка. Судя по воспоминаниям Марбо, также участвовавшего в заговоре, Симон через офицера Фуркара, переезжавшего из гарнизона в гарнизон, сумел создать в армии «секретную лигу, в которую вошли почти все полковники и многие высшие офицеры, возбужденные против первого консула и обвинявшие его в стремлении восстановить королевство».³⁶ Со своей стороны, Пиното, как писал префект Ренна Мунье министру внутренних дел, «прилагал все усилия, чтобы настроить солдат против правительства». Он отказывался «пресекать ужасные речи, которые держали офицеры в кафе и общественных местах», «подстрекал их, распространяя слух, что правительство будет уничтожено»³⁷. Подобно Пиното, такую же деятельность в своих частях развивали офицеры Бертран, Делаборд и другие. В короткий срок заговорщикам удалось создать сеть своих единомышленников, непосредственной их опорой стал 82-й полк.

По своим задачам этот заговор был чисто республиканским. Если у Моро или у Бернадотта были свои честолюбивые планы, то в основной массе военных, составивших костяк заговора, господствовало стремление восстановить республику и не допустить провозглашения новой монархии. Биографии Симона, Пиното, Бертрана и других офицеров, принявших участие в этом выступлении, свидетельствуют, что они были искренними демократами, воспитанными революционными войнами и ненавидящими всякое проявление деспотизма и реакции. В этом смысле очень показательным поведением на допросах генерала Симона уже после его ареста. Когда Симона спросили, как стало возможным, что он, являясь начальником штаба одной из французских армий, принял участие в заговоре, то этот генерал гордо ответил: «Я думал, что свобода, которую я защищал в течение десяти лет, уничтожается такими актами правительства, как возвращение эмигрантов и священников; потому, наконец, что установление пожизненного консульства привело бы к полной узурпации власти первым консулом и уничтожило бы усилия всех республиканцев по сохранению республики»³⁸. Другой участник заговора якобинец Шоссебланш (собственник типографии с 1793 г.) на допросе показывал, что целью выступления был «созыв конвента и отстранение первого консула от власти».³⁹ Политические цели заговорщиков достаточно ясно формулировались в воззваниях к армии и обществу, которые были написаны Симоном и отпечатаны Шоссебланшем: «Тиран узурпировал власть. Кто этот тиран? — Бонапарт! Какова наша

цель в борьбе за республику? Уничтожить всякую знать и церковников, восстановить самое совершенное равенство!» В другой прокламации «Обращение к армии, различным частям и военным в отставке...» говорилось: «Храбрые товарищи по оружию! Республика — дело ваших рук, вашей доблести и вашего упорства — сейчас только пустое слово; вскоре, несомненно, Бурбоны будут на троне, или Бонапарт провозгласит себя императором или королем».⁴⁰

Составленные в этом духе прокламации распространялись бывшим адъютантом Бушотта (в 1793 г.) Журдейлем. Участие его и Шоссебланша в заговоре, а также известная переписка и сношения с Ф.Лепелетье и Антонеллем — «анархистов» Рейнской армии, заставляют нас предполагать причастность к этой попытке и других якобинцев. Забегая вперед, скажем, что после раскрытия заговора Симона аресты произошли не только в Рейнской армии, но и в других гарнизонах страны и даже в столице. 10 июня 1802 г. роялистский агент писал из Парижа, что «большое число гренадеров консульской гвардии было уволено, так как они рассматривались соучастниками некоторых враждебных правительству проектов».⁴¹ А префект департамента Иль-и-Вилэн Мунье сообщал в рапорте, что «у анархистов Ренна нашлось несколько приверженцев в войсках... Конкордат и пожизненный консулат довели до отчаяния горячие головы».⁴² Сами прокламации пересылались в конвертах и в «горшках из-под масла» различным офицерам и генералам гарнизонов, разбросанных по всей Франции. На конвертах значились адреса офицеров, служивших в Италии или Бельгии. Многие из этих военных лично знали Моро или служили под его командой. Некоторые из пакетов с прокламациями, обнаруженные на парижской почте, адресовались лицам, известным своими либеральными взглядами: Бардено (члену законодательного корпуса), Шенье (члену Института), Атри (сенатору), Матье Дюма (государственному советнику), генералу Макдональду, Карно (члену Трибуната) и другим.⁴³ Можно сказать почти наверняка, что большинство из адресатов не принимали участие в заговоре и ничего не знали о нем. Но, распространяя свои воззвания, генерал Симон рассчитывал не только подготовить общественное мнение, но и попытаться привлечь этих людей на свою сторону. В прокламациях указывалось: «Против вероломства и злодейства «бесчестного рыцаря Сен-Клу» необходимо образовать «военную федерацию»... Пусть наши генералы выступят на сцену; пусть они заставят уважать свою славу и славу армии. Наши штыки готовы отомстить за оскорбления, которые нам нанесли, заставив нас обратить их против самих себя в роковой день Сен-Клу; пусть они скажут одно слово и республика будет спасена».⁴⁴

Симон и Бернадотт ожидали, что первым поднимется гарнизон Ренна, к нему присоединятся другие дивизии армии, а затем и в остальных гарнизонах, в том числе и в Париже, произойдут выступления. В результате всеобщего военного восстания будут опять «восстановлены законы единой и нераздельной республики» (в более конкретном плане о них ничего не говорилось), отменены католический культ, амнистия эмигрантам и другие монархического толка установления.

Аресты Симона, Пиното, Фуркара, Бертрана и других офицеров Рейнской армии в июне 1802 г. предотвратили выступление, но далеко не раскрыли все обстоятельства дела. Генерал Симон взял всю вину на себя, заявив Фуше, что он один был организатором заговора.⁴⁵ В какой-то степени в такой трактовке событий было заинтересовано и правительство. Наполеону хотелось изобразить заговорщиков случайными одиночками и по возможности предотвратить расползание слухов об армейской оппозиции. «Европа могла думать, — писал по этому поводу А.Олар, — что молчание Франции свидетельствует о всеобщем и безусловном одобрении народом политики гениального человека, прокладывающего себе путь к престолу»⁴⁶.

Отчасти именно эти соображения повлияли на решение первого консула отправить лучшую часть Рейнской армии воевать и умирать на Санто-Доминго. В то же время Наполеон опасался проводить в обществе широкие репрессии и старался действовать иным путем. Многие военные из высшего генералитета, заподозренные как участники заговоров и просто им сочувствовавшие, были отправлены в самые далекие департаменты Франции или же за границу посланниками, как например, Брюн и Ланн (в Константинополь и Лиссабон). В отношении Моро, Дельма и даже Бернадотта тогда не было принято никаких мер; первому консулу не хотелось обострять и без того напряженную ситуацию. Бурьенн в этой связи рассказывает в своих мемуарах о любопытном эпизоде, раскрывающем особенности тактики Наполеона. Где-то весной 1802 г (точно он не указывает дату), по-видимому, накануне раскрытия самого заговора, Наполеон сказал Бурьенну: «Не могу больше выдержать... Я решил сегодня отделаться от Бернадотта. Он, верно, здесь будет. Я выскажу ему все, чтобы ни произошло; пусть он делает, что хочет; но мы увидим. Пора уж это кончить». Разговор происходил в Тюильри. Когда Бурьенн вышел из залы, то увидел Бернадотта, который спешил к первому консулу. Бурьенн ему посоветовал не встречаться сейчас с ним и поскорее уехать из Тюильри, что Бернадотт и сделал. Так разговор, по словам Бурьенна, не состоялся.⁴⁷ Вероятно, все же он был, но не носил того решительного характера, который поначалу хотел ему придать Наполеон.

Раскрытие заговора Симона и заключение еще до этого Амьенского мира с Англией 27 марта 1802 г. (об Амьенском мире в собраниях было объявлено 6 мая 1802 г.) расчистили почву для дальнейшего упрочения контрреволюционной диктатуры. В результате плебисцита, проведенного во Франции 2 августа 1802 г., Сенат объявил Наполеона Бонапарта пожизненным консулом, и его полномочия, в соответствии с сенатус-консультотом от 4 августа 1802 г. еще более расширились. Наполеон получал право представить Сенату своего преемника, когда он сочтет это уместным, а также заключать договоры о мире и союзе, назначать второго и третьего консулов, кандидатов в Сенат и т.д. Кроме того, особым постановлением разрешалось Наполеону проводить мероприятия, не предусмотренные конституцией через Сенат, путем издания органических сенатус-консультотов и даже приостанавливать действие конституции. Тем самым роль избирательных учреждений еще более сводилась на нет. Законодательный корпус утратил право регулярного созыва заседаний, состав Трибуната был сокращен до 50 безмолвных членов. День рождения Наполеона был объявлен национальным праздником, а с 1803 г. на монетах появилось его изображение.⁴⁸ Именно тогда в Сен-Клу (где жил Наполеон), как свидетельствуют современники, «были сделаны первые репетиции к великой драме Империи; там он начал вводить в наружные свои формы привычки и этикет, напоминая королевские обряды». Власть первого консула возросла необычайно, и, как писал Бурьенн в своих мемуарах, теперь «для самых непрозорливых людей стало очевидно, что могуществу первого консула недостает одного только наименования и что все с давнего времени им делаемое, обнаруживало скрытые замыслы и честолюбие, весьма превышавшее пожизненное консульство».⁴⁹ От Республики теперь оставалась одна только обманчивая надпись на стене Тюильрийского дворца.

2. В п р е д д в е р и и и м п е р и и

Усиление авторитарных начал консульского режима встретило сопротивление республиканских кругов армии и общества. Выше уже говорилось об условности плебисцитов в полицейском государстве как показателей общественного мнения. В этом смысле не был исключением и плебисцит X г., проводившийся под строгим контролем служб Фуше, однако даже он показал известный рост оппозиционных настроений. Если против конституции 1799 г. во Франции голосовало 1562 человека (по официальным данным), то против пожизненного консульства — уже 8374. Любопытны наблюдения А.Олара, исследовавшего в Национальном архиве списки голосов. В защиту переворота 18 брюмера, отмечал он, выступили некоторые горячие демократы, например, Бушотт, вотировавшие тогда утвердительно; теперь же в X г. «большинство людей революционной эпохи воздержалось от голосования, и мы не находим в парижских списках почти ни одного из членов Учредительного собрания или Конвента, ни одного из ученых или академиков, ни одного из тех людей 1789 или 1793 гг., которые примкнули к конституции VIII г.»⁵⁰ Таким образом, *налицо отход* или по крайней мере разочарование Бонапартом значительного числа демократов, поддерживавших его ранее. Отметим сразу, что это разочарование не носило личного характера. Вотировать «нет», справедливо отмечал А.Олар, значило тогда внести самому «свое имя в списки возможной проскрипции»⁵¹. По полицейским обзорам можно представить более или менее зримо причины недовольства республиканцев. В рапорте префектуры (от 29 августа 1802 г.) сообщалось о настроениях «большинства бывших членов Конвента, оставшихся без места»: «Они говорят, что Франция полностью разрушена, и народ лишен теперь возможности высказывать свои требования; собрания, установленные конституцией для защиты его прав, не имеют силы и власти и состоят из людей, очень боящихся потери своих мест и не желающих откровенно высказываться, почти все правительственные служащие ведут себя приблизительно также.»⁵² В другом рапорте (от 29 октября 1802 г.) речь шла о настроениях бывшего члена Конвента Изабо (Isabeau), который говорил, что теперь хотят «отдалить патриотов от всех постов» и подвергнуть их проскрипциям.⁵³ Аналогичные мысли высказывал и сын бывшего члена Конвента Мор (Maure). Правительственные постановления, заявил он, «нанесли последний удар революции и, наверное, вскоре последует изгнание из Франции всех республиканцев».⁵⁴ Подобные речи были далеко не единственными, они отражали настроение бывших активных участников революции. Весьма характерным для этих слоев было голосование Перригэ из деп.Иль-сюр-ле-Ду, вотировавшего отрицательно. «Я, — заявил он, — никогда не подам свой голос за тирана, как бы он ни называл себя — королем, императором, триумвиром или пожизненным консулом»⁵⁵. В те дни разговоры о будущей монархии приобрели, можно сказать, всеобщий характер. «Вновь начинают говорить об империи и императоре галлов», — сообщалось в донесении хорошо информированного роялистского агента 6 июня 1802 г.⁵⁶

Одновременно с бывшими членами революционных комитетов и собраний пожизненное консульство осуждали и многие буржуазные либералы. А.Олару не удалось разыскать вотумы членов трибуната и законодательного корпуса, но по свидетельству Фориэля (оно подтверждается также сообщениями роялистского агента), в первой палате «против» голосовал Карно, а во второй было подано три отрицательных голоса (Гара, Ланжюине, Гаро де Кулон). Особенно большую огласку получили отрицательные вотумы Лафайета и Латур Мобура. Любопытно, что под воздействием авторитарных шагов Наполеона некоторые либералы (Неккер, К.Жордан, г-жа де Сталь) эволюционировали в сторону роялизма, полагая, что конституционная монархия предпочтительнее для народной свободы и блага государства, чем республика.⁵⁷ Конституционная монархия им представлялась наиболее совершенной формой власти, поскольку она создавала известные преграды для революционных элементов и вместе с тем устанавливала, как казалось «идеологам», достаточно либеральный режим. Можно согласиться с мнением А.Олара, что «плебисцит о пожизненном консульстве отметил собою разрыв Бонапарта с частью тех либералов 1789 г., которые участвовали в 18 брюмера или допустили его».⁵⁸

Как обстояло дело в армии? А.Олар выразил сомнение, и, на наш взгляд, они имеют основания, что далеко не все отрицательные вотумы были обнародованы. По мнению некоторых современников (Мио де Мелито, Станислав Жирарден), более всего протестов исходило из армии.⁵⁹ Известно настроение некоторых воинских частей в столичном гарнизоне и департаментах. В казармах 82-го полка Рейнской армии, отправленного на Санто-Доминго, были обнаружены плакаты: «Да здравствует Республика! Смерть врагам! Да здравствует Моро! Смерть первому консулу!»⁶⁰ В самой консульской гвардии находились офицеры, связанные с участниками заговора Симона (полиция раскрыла попытки итальянских демократов устроить в консульскую гвардию своих товарищей).⁶¹ «Консульская гвардия, — писал Стендаль, — своим ропотом дала ему понять, что она еще не забыла клича «Да здравствует республика!», так часто увлекавшего ее к победе»⁶². Порой в полицейских рапортах сообщалось о будто бы имеющей место связи между отдельными гарнизонами⁶³. «В Версале, — говорилось в обзоре министерства полиции, — царствует дух недовольства и неподчинения, наиболее сильно выраженный среди карабинеров; они часто выступают против первого консула... Многие из них заявляют: «Мы не желаем больше служить в этой лавке».⁶⁴ Не менее «тревожным» представлялось полиции и положение в столичном гарнизоне. «Офицеры в отставке, находящиеся в Париже, — писал Ж. Фуше 2 октября 1802 г. — проясняют свое недовольство по всякому поводу».⁶⁵

Среди военных получили распространение антибонапартистские брошюры и карикатуры. 22 октября 1802 г. у командира батальона Робержо был изъят памфлет, «полный упреков по адресу правительства».⁶⁶ Стендаль позднее вспоминал, что в те дни на парижских бульварах появилась карикатура, изображавшая ребенка, погоняющего палкой индюков; подпись гласила: «Империя галлов».⁶⁷ В таком настроении, пожалуй, не было ничего удивительного. После раскрытия заговора Симона демократически настроенные офицеры и генералы группируются вокруг Моро, на которого, как отмечалось во многих полицейских отчетах, не только в армии, но и в обществе смотрят «с надеждой» и говорят, что «он единственный, кому можно верить судьбу государства».⁶⁸ Подобно Моро, продолжали свою фронду генералы Лекурб, Макдональд, Брюн («додававший в Константинополе надежду бешеным»), Массена («постоянный враг правительства») и другие военные⁶⁹. Критиковать правительство, его внутреннюю и внешнюю политику считалось среди либеральной интеллигенции и фрондирующего офицерства чем-то обязательным, вроде правил хорошего тона. Хорошо осведомленный роялистский агент писал в Лондон о поведении генерала Дельма, что этот генерал открыто отзывался о Наполеоне, как о «злодее и монстре». Когда же первый консул обратился к нему и потребовал объяснений, то Дельма в «своем ответе повторил свои собственные речи, даже в более резкой форме, и подписал письмо».⁷⁰ Вряд ли этот факт был выдумкой оппозиционных элементов, обстановка тех дней была действительно очень накаленной. Позднее Наполеон говорил: «Едва я утвердился, я увидел врагов — Моро, Массена, Бернадотт не прощали мне моих успехов».⁷¹

Отдельные сведения позволяют говорить, что недовольство ощущалось и в департаментах. В Безансоне в сентябре 1802г. была обнаружена прокламация, порицающая осуществленную Наполеоном реформу народного образования.⁷² По данным полиции, республиканцы поддерживали тайную переписку со своими единомышленниками на севере и юге Франции, с отдельными тюрьмами и даже с островами Олерон и Ре, где находились заключенные якобинцы.⁷³ Сейчас трудно проверить, так ли обстояло дело в действительности, но все же некоторые факты косвенно подтверждают наличие этих контактов. В 1802 г. парижская полиция получила информацию, что, якобы, высланные на острова Ре и Олерон «бешеные» (имелись в виду якобинцы и бабувисты, на о.Ре находился Ф.Лепелетье, а на Олерон — Ф.Буонарроти) разрабатывают способы бегства и рассчитывают на успех, «они поддерживают связи с несколькими офицерами».⁷⁴ Их корреспонденция идет не по почте, а распространяется по собственным тайным каналам.⁷⁵ В другом сообщении говорилось также вскользь о готовящемся побеге с о.Ре Ф.Лепелетье: «Говорят, что друзья Ф.Лепелетье изыскивают способы, чтобы его возвратить».⁷⁶ По-видимому, все это соответствовало действительности: Ф.Лепелетье, как Меэ де Ла Туш и Фурнье-американец, совершили в скором времени побег. Таким образом, разговоры в Париже среди «исключительных» о возможном бегстве с островов не были праздной выдумкой, а имели под собой почву.

Есть также и другие свидетельства. Шарль Нодье в своих воспоминаниях рассказывал, что комендант о.Ре полковник Жак-Жозеф Уде, ярый республиканец, поддерживал связи со многими ссыльными, обеспечил им более свободный режим (они могли свободно передвигаться по острову) и сам участвовал в подготовке побега.⁷⁷ Это свидетельство Ш.Нодье, хорошо знавшего Уде, вполне правдоподобно. Историк Ж.Дестрем допускал возможность контактов между Ф.Лепелетье и Ж.Уде. Мы вполне согласны с Ж.Дестремем, и все документы только подтверждают его предположение.⁷⁸

Также нельзя не учитывать, что именно в эти годы происходило формирование тайных ассоциаций. Ниже мы подробно расскажем о деятельности «Общества филаделффов», но существовали также и другие организации. В Италии были особенно распространены иллюминатские ложи, давшие позднее жизнь карбонарским сектам. Полиция указывала, что «иллюминаты в точности похожи на тех, кого называют во Франции бешеными якобинцами (*les jacobins enragés*)».⁷⁹ «Все эти лица действуют в интересах итальянской республики, которую они желают объединить».⁸⁰ В силу их идейной близости к французским якобинцам и бешеным, они вступали в различные контакты с ними. Так полиции были известны их связи с генералом Журданом, который не препятствовал распространению иллюминатских лож в Турине.⁸¹ Пьемонтским иллюминатам удалось распространить свое влияние и на Париж, где ими была образована франк-массонская ложа «Франдо». Член трибуната Мильер, «личный друг Босси», одного из «корифеев» иллюминатского движения, курсировал между Парижем и Туринем; также наезжал в Париж и Ботта, «близко связанный с итальянской партией» (он прибыл в Париж 17 октября 1802 г), и Бюннива, врач из Турина, «один из наиболее пламенных сторонников итальянской лиги» (Бюннива приехал в Париж 2 ноября 1802 г); другой итальянец скульптор Коммоли, «лично связанный с Черакки. находился в близких отношениях с генералом Массена и часто у него бывал».⁸² «Он, — писал префект о Коммоли 11 ноября 1802 г., — представил ему (имеется в виду Массена — Т.-Б.) всех подонков — пьемонтцев, лигурийцев, неаполитанцев и цизальпинцев; он имеет брата в Турине, ...подонка и готового в любой момент к восстанию»⁸³; несколько месяцев спустя, в конце 1802 г., в Париже возникают иллюминатские ложи.⁸⁴ Эти полицейские свидетельства позднее нашли подтверждение в исследованиях итальянского историка А.Берсано.⁸⁵

Таким образом, есть основания говорить о наличии контактов, пусть эпизодических и нерегулярных, легко пресекаемых полицией, но все же несомненных контактов между итальянцами и французскими демократами.

В те дни в Париже было весьма неспокойно. Утверждение А.Олара, что «исключительные» после провозглашения пожизненного консульства «молчали», противоречит фактам⁸⁶ Конечно, они не предпринимали каких-либо активных шагов по обузданию наполеоновского деспотизма, их оппозиция в палатах была давно задавлена, заговоры не удались; массы в целом, за исключением демократической прослойки в армии и рабочих предместьях, их не поддерживали, но до молчания было далеко. Ропот бывших участников революции ощущался явственно. Опять возобновились

собрания. Только с конца августа 1802 и до начала 1803 гг. (то есть всего за шесть месяцев) полиция зафиксировала несколько мест, где систематически собирались демократы: это кафе Прокоп; дом бывшего трибуна Бальея; в январе 1803 г. «частые собрания» происходили у братьев Карно; в кафе на улице Булуа; у торговца винами Тьерри; в доме бывшего трибуна Сент-Альбена; в доме Филидора, ул. Бобур № 503; как раз в эти дни возникла ложа Пифагора, составленная, по-видимому, из последователей С. Марешаля, которая устраивала свои заседания во дворце Тиволи. «Там собирается много народа», — отмечала полиция; весьма частыми были собрания у фрондирующих генералов.⁸⁷

Естественно, что полиция, как ни старалась, не могла зафиксировать все места встреч. Их было, конечно, значительно больше. Что же представляли из себя эти собрания?

У нас нет оснований считать, что «исключительные» вкупе с либералами решали там вопросы будущего государственного переворота. Отнюдь нет. Но на этих сходках, часто, вероятно, возникавших случайно, демократы обсуждали политические изменения и давали им свою оценку. Таким образом, их речи, отдельные высказывания можно считать известным критерием для характеристики настроения левых кругов. В доме братьев Карно говорилось о том, что повсюду во Франции царит недовольство, и все требуют изменения правительства (здесь желаемое выдавалось за действительность);⁸⁸ в кафе Прокоп настроены более трезво и пессимистично: «несколько исключительных обижаются и повторяют, что нет больше счастья во Франции... что каждый раз, когда они видят буржуазную карету, они говорят: «Вот едет мошенник, так как нет других богачей, кроме тех, кто грабит общественное казначейство». Они добавляют, что было больше счастья во времена Конвента и Директории». «Все люди этой партии, — писал префект, — рассуждают так же»;⁸⁹ у члена Трибуната Бальея говорилось о недовольстве в департаменте Нор;⁹⁰ «вся клика бывшего трибуна Сент-Альбена продолжает заниматься клеветой на правительство. Эти люди говорят, что даже в охране первого консула есть лица, не уважающие современный порядок и преданные Массена, Ожеро и Другим»⁹¹; «время от времени происходят собрания людей этой партии у Декланше... Эти бешеные используют трудности сезона, чтобы преувеличить общественную нищету, и пытаются возбудить умы. Они часто говорят, что не оказывается никакой помощи бедным».⁹²

О частых сходках в эти дни свидетельствовали и современники. По словам Бурьенна, собрания недовольных были характернейшим явлением того времени. На них говорилось даже о том, что Наполеона следует «похитить и свергнуть», иначе будет восстановлен прежний образ правления; «его упрекали в том, что он призвал обратно священников, ...открыл эмигрантам двери во Францию. Штабные офицеры, даже некоторые генералы произносили такие речи».⁹³

Такого типа примеров можно было бы привести много. Отсюда видно, что «исключительные» стремились на своих собраниях разобраться в ситуации, определить примерную эволюцию консульского режима, настроение армии и народа. Никаких акций не предпринималось и не намечалось.

В то же время, анализируя эти материалы, нетрудно видеть, что якобинцы и вообще оппозиционные элементы хорошо понимали слабость своего положения. Легальное сопротивление не удалось, нелегальные попытки сорваны, с каждым днем крепнет деспотизм и опирается на поддержку в стране. В этих условиях отсутствия сколь-нибудь широкой социальной базы, демократы ориентируются в основном на армию, где их республиканские чувства находят наибольший отклик. Понятно потому, что со второй половины 1802 г. в лагере оппозиции на первый план выдвигается фигура генерала Моро.

Личность Моро, одного из самых талантливых военачальников французской армии, «победителя при Гогенлиндене» (современники в один голос сравнивали его полководческий дар с талантами Наполеона), и сейчас представляется спорной. Некоторые историки, и среди них такие крупные знатоки, как Ж.Лефевр и Ж.Сюратто, допускали возможность связей этого генерала с монархистами и Пишегрю еще осенью 1797 г., когда готовился монархический переворот. По их мнению, и конец Моро, его бесславная гибель под Дрезденом в лагере антифранцузской коалиции, была далеко не случайной и свидетельствовала о его промонархических симпатиях. Мы совсем не разделяем этого мнения. Моро — это сложная и трагическая личность. Воспитанный великой революцией, которая дала ему звание, положение и славу, которая выдвинула его в ряд самых блестящих военачальников революционной Франции, он, как и другие, не сумел вовремя разобраться в ситуации и разглядеть в Бонапарте будущего диктатора, поэтому Моро оказался в числе тех, кто помог Наполеону осуществить переворот 18 брюмера (по словам герцогини д'Абрантес, он был тюремщиком директоров)⁹⁴. Но затем, под влиянием авторитарных шагов первого консула, Моро стал отдаляться от правительства, пока окончательно не перешел в лагерь оппозиции. Думается, что и в это время он оставался на республиканских позициях. Сторонником революционных идей он в сущности был даже в 1813 г., когда принимал предложение Александра I возглавить армии антифранцузской коалиции. Тогда он следующим образом обосновывал в письме к Бернадотту мотивы, по которым он принял предложение русского императора. «Я не скрою от вас, — писал он, — что мне бы не хотелось идти туда (во Францию — Т.—Б.) во главе войск иностранных... Но какое правительство следует установить, если будет разрушено существующее? Я не знаю, какие господствуют взгляды в этом отношении в стране, которую *роялизировали* в продолжение десяти лет. Что же касается меня, то я совершенно свободен и без предрассудков в этом отношении, и если народ захочет Бурбонов — с которыми у меня не было и тени сношений, несмотря на пресловутый заговор, я отдал бы охотно правление в их руки, с условиями, обеспечивающими личную свободу французов, которая могла бы быть поддержана посредствующими учреждениями, достаточно сильными, чтобы остановить жадность куртизанов. Я, признаюсь, думаю, что это единственный выход».⁹⁵

Свидетельствует ли это письмо, написанное в достаточно откровенном тоне о каких-либо роялистских симпатиях Моро. Конечно, нет. И кривить душой перед Бернадоттом у него тоже не было надобности. Рассуждения Моро надо признать вполне резонными, и они свидетельствуют о стойкости его политических взглядов. В годы консульства его республиканизм был выражен, по-видимому, еще более отчетливо.

Свой парижский дом на ул.Анжу Моро превратил в один из центров политической оппозиции. Там часто собирались Массена, Ожеро, Лекурб, Дюма, Макдональд и другие генералы, пользующиеся огромной популярностью в армии. Они вели весьма резкие речи, высмеивали новые преобразования, и сам кружок этих военных чрезвычайно тревожил первого консула. Особенно его беспокоили возникающие контакты генеральской верхушки с якобинцами, о чем он получал сведения со всех сторон. С января 1803 г. в Париже стали распространяться прокламации: «Франция погибла! Да здравствует Моро!» или «Да здравствует Моро! К черту правительство!»⁹⁶ «Исключительные, — писал префект Парижа в своем отчете, — много говорят о Моро».⁹⁷

Пытались ли, однако, генералы организовать военный переворот? По всей вероятности, нет. Для лидера какого-либо тайного заговора Моро вел себя слишком открыто. Он демонстративно отказался войти в состав Почетного легиона, не присутствовал на торжественном богослужении по случаю конкордата, отвергал все приглашения Наполеона и его попытки как-то договориться⁹⁸. Нам представляется верной оценка ситуации, данная роялистским наблюдателем. Говоря в своем письме в Лондон о том, что «отчетливо видно» складывание враждебной первому консулу партии в армии, «состоящей из наиболее крупных генералов» и представляющей для Наполеона гораздо большую опасность, нежели сенатская оппозиция, роялистский агент добавлял, что при этом ничего не дает оснований утверждать, будто у Моро, лидера этой партии, есть какой-то конкретный план действий.⁹⁹ Этот вывод, в сущности, был подтвержден и полицией. Префект старался использовать любую возможность для получения информации об этих собраниях, но, несмотря на самое тщательное наблюдение, ему не удалось получить каких-либо указаний на наличие конкретного плана антиправительственных действий. Только один раз (!) в обзорах префектуры промелькнуло сообщение, что некий Шеврийон (Chevrillon), интимный друг Приера из Марны, бывший судебный исполнитель Комитета общественной безопасности («в доме которого, — как отмечала полиция, — происходили тайные сборища фракции Бабефа»), говорил, что он думает о «своей партии»; согласно заявлениям Шеврийона, в феврале 1803 г. состоялись небольшие собрания у Ожеро, там находился Массена, несколько бывших членов Конвента (кто — в рапорте не указывалось) и трибунов; «там говорилось о наличии большого числа офицеров в отставке, которые прекрасно настроены; что желательно найти способ возбуждения в Париже маленьких выступлений, которые могут привести к большим результатам; дороговизна продуктов может служить отличным предлогом; не следует ничего писать, чтобы не оставлять следов заговора; что касается корреспонденции с департаментами, то ее после получения следует немедленно сжигать».¹⁰⁰

Это сообщение, вполне вероятно, было сильно преувеличено. Однако, даже если все, сказанное там, соответствовало действительности, то у нас по-прежнему нет каких-либо точных сведений о подготовке переворота, а только о фрондировании генералов, в том числе и самого Моро. Их оппозиционность могла представлять опасность во время политических кризисов, в мирные же периоды генеральская фронда была слабой и неопределенной, хотя и *безусловно республиканского происхождения*.

Наполеона сильно беспокоило складывание республиканской группировки в армии и более всего вызывающее поведение Моро. Но разделаться с Моро обычным способом было трудно, слишком большой популярностью он пользовался в войсках. Оставалось скомпрометировать его, обвинить, например, в роялизме. Неосторожное поведение самого Моро очень скоро предоставило Наполеону такую возможность. В 1804 г. во Францию прибыл Пишегрю, немедленно вступивший в переговоры с Моро. Он пытался убедить генерала содействовать возвращению Бурбонов. За этими переговорами внимательно следила французская полиция, и есть основания полагать, что и сам заговор роялистов, и, в частности, контакты их с Моро, были хитроумной провокацией Ж.Фуше. На это прямо указывал Бурьенн в своих воспоминаниях¹⁰¹, подозревали многие современники¹⁰², да и весь ход событий заставляет это предполагать.

Французская полиция довольно часто прибегала к провокациям для уничтожения политической оппозиции. Особенно отчетливо это видно на примере попытки Арена. В этот заговор, как известно, Фуше сумел ввести своего агента Ареля, который форсировал подготовку всего выступления, даже вооружил некоторых якобинцев, чтобы полиция побыстрее нанесла удар. Так было и в ряде других случаев. Обычную фронду каких-либо либералов Наполеон с помощью своих агентов превращал в реальный заговор и затем беспощадно подавлял его. Как писал Фориэль, очень умный и проницательный наблюдатель тех событий, «Наполеон даже желал активности своих противников, чтобы иметь возможность их разгромить и гласно уничтожить».¹⁰³ Так, вероятно, было и в пресловутом заговоре Моро и Дюшэтрю.

До сих пор историки мало обращали внимания на такую темную личность, как Меэ де Ла Туш. Этот человек определенно вошел в историю с черного хода. Его роль могла быть в этих событиях едва ли не главной.

Жан-Клод-Ипполит Меэ де Ла Туш был тайным агентом Бурбонов еще до революции; он оставался им и когда революция началась — Людовику XVI важно было знать, что происходит во враждебном ему лагере. В те дни Меэ принадлежал к самым крайним элементам, был секретарем Парижской коммуны, подготовившей восстание 10 августа 1792 г. и после восстания участвовал в «сентябрьских убийствах» заключенных столичных тюрем. Когда пришли к власти якобинцы, то Меэ за свои нападки на Робеспьера был арестован и освобожден уже только после переворота 9 термидора. Почти сразу по выходе из тюрьмы он опубликовал памфлет (под псевдонимом Фельэмези) «Охвостье Робеспьера, или об опасности свободы печати», в котором ополчался против остатков «якобинской партии» и требовал ее уничтожения.¹⁰⁴ Памфлет был с явным одобрением встречен в термидорианских кругах и сразу принес автору большую известность. На том этапе Меэ был близок к Бабефу и даже удостоился его похвалы за свое произведение. Но затем Бабеф, изменивший свое отношение к термидорианскому перевороту, распознал в нем врага и называл его «отвратительным Меэ», «главой и корифеем шуанов».¹⁰⁵ Видимо, в то же время Меэ удавалось удачно играть роль патриота, он был довольно популярен в левых кругах и в 1799 г. стал даже редактором известной демократической газеты «Journal des hommes libres».

Непосредственным шефом этой газеты в те дни был министр полиции сначала при Директории, а затем и при Наполеоне Жозеф Фуше, который субсидировал ее издание, и надо полагать, что именно тогда Меэ установил с ним прочные контакты.¹⁰⁶ Возможно, эти связи имелись и ранее, так или иначе, но вся последующая деятельность его заставляет их предполагать.

Переворот 18 брюмера застал Меэ на редакторском посту. Поскольку Наполеон знал его только как бывшего революционера, то он и обошелся с ним, как с якобинцем, весьма круто: за какие-то статьи, не понравившиеся первому консулу, Меэ был сослан сначала в Дижон на пять недель, а затем после кратковременной свободы отправлен на Олерон, где находился Ф.Буонарроти и другие бабувисты¹⁰⁶. Вероятно, и там он продолжал поддерживать какие-то связи с Фуше и выполнять отдельные его задания. Возможно и то, что временная высылка Меэ входила в замыслы Фуше, рассчитывавшего использовать бывшего агента Бурбонов для последующей дезинформации английского правительства. По крайней мере, 6 декабря 1802 г. Меэ совершил успешный побег с острова и прибыл во Францию, откуда уже в феврале 1803 г. отправился в Англию. Оказавшись в Лондоне, он объявляет себя доверенным лицом особого якобинского комитета, якобы, существующего во Франции, и целью которого является уничтожение бонапартистского правительства и восстановление Бурбонов.¹⁰⁷

Наличие якобинского комитета казалось роялистам вполне возможным, кроме того, и Меэ они знали как «своего человека». После недолгих колебаний английское правительство решило воспользоваться его помощью. Меэ к тому же предложил целый план действий: отправить английских агентов во Францию, чтобы достигнуть соглашения с якобинцами, обратиться к роялистскому верованию и затем уничтожить Бонапарта силами их комитета. Переговоры велись серьезно, англичане даже дали обязательство Меэ, а через него мнимому комитету: в случае свержения наполеоновского правительства, предоставить решение вопроса о форме правления на обсуждение всей нации.¹⁰⁸ Так было заключено соглашение, и затем для претворения его в жизнь во Францию отправился Ж.Кадудаль, а вслед за ним и Меэ. Вероятно, уже тогда Меэ, по наущению

Ж.Фуше, предложил англичанам обратиться за содействием к Моро, что и было сделано спустя несколько недель генералом Пишегрю. Думается, что Моро отказался помогать роялистам. Он сам писал об этом Бернадотту: с Бурбонами «у меня не было и тени сношений, несмотря на пресловутый заговор», да и французская полиция фактически ничего не сумела доказать.

Но уже сам факт переговоров с руководителями англороялистского заговора давал в руки первому консулу отличный козырь против Моро, и Наполеон не преминул им воспользоваться. 15 февраля 1804 г. Моро был арестован, и на следующий день парижане узнали из газет, что прославленный военачальник изменил Республике, войдя в сношения с роялистами¹¹⁰, 28 февраля был взят Пишегрю, а затем 9 марта и Ж.Кадудаль. Тогда же в «Мониторе» был опубликован список из «пятидесяти девяти бандитов, готовивших покушение на первого консула», где упоминался Моро.¹¹¹ Одновременно появилось немало брошюр, в которых Моро объявлялся участником и даже главарем заговора¹¹². Вложил свою лепту в это дело и Меэ. Он ловко и быстро, в течение буквально нескольких месяцев, состряпал книгу, она появилась уже в апреле 1804 г., под претенциозным названием «Союз якобинцев Франции с английским министерством» (первых представлял Меэ, английское министерство — Хамонд, Йорк), в которой доказывал существование якобинского комитета и изображал Моро сторонником англо-роялистского заговора.¹¹³ Так против Моро и республиканцев началась целая кампания. О них писали газеты, полицейские агенты распространяли всевозможные сплетни, Наполеон постепенно подготавливал общественное мнение.

Но, несмотря на все принятые меры, Наполеон долго не решался начать судебный процесс, его беспокоило настроение армии и либеральной интеллигенции. «Общественное мнение, — писал маркиз де Галло об аресте Моро, — было потрясено так, как если бы произошло землетрясение».¹¹⁴ Надо сказать, что Наполеон тоже предвидел трудности, с которыми ему придется столкнуться. Когда процесс все-таки начался 1 июня 1804 г., то первый консул распорядился в этот день закрыть заставы столицы и назначил Мюрата военным губернатором. Вся полиция перешла в подчинение к Реалю, и дворец юстиции, где проходили судебные заседания, взяли под свою охрану шесть тысяч солдат, которыми командовал Савари.¹¹⁵ Сам Наполеон, опасаясь покушений, уехал вместе с Жозефиной в Мальмезо.¹¹⁶

Обстановка в дни процесса достигла чрезвычайного накала. Редерер, один из верных бонапартистов (автор компрометирующей Моро брошюры), которого ни в коем случае нельзя заподозрить в симпатиях к республиканцам, писал: «Я никогда не видал столь зловещего для правительства настроения. Оно напоминало мне дух, господствовавший в судах и народе в течение 87, 88 и 89 годов».¹¹⁷ Примерно также оценивал ситуацию и сам Наполеон. Много позже, уже на о. Святой Елены, он так вспоминал это время: «Кризис был из сильнейших, в общественном мнении началось брожение, клеветали на добросовестность правительства по отношению к заговору и заговорщикам»¹¹⁸. Аналогичную зарисовку оставили почти все современники¹¹⁹, республиканские круги Парижа не желали связывать Моро с роялистами. По столице разбрасывались прокламации и расклеивались плакаты: «Свободу Моро или смерть Бонапарту» или «Невинный Моро, друг народа, отец солдат — в оковах! Иностранец, корсиканец, стал узурпатором и тираном! Французы! Судите!»¹²⁰ Между офицерами Рейнской армии, которой некогда командовал Моро, и итальянской стали возникать дуэли.¹²¹ Историк Бошан, будучи сам современником этих событий, писал в своей книге о Моро: «Возможно, никогда за время тирании Бонапарта люди не высказывались так свободно и смело, как тогда».¹²² «Это была маленькая война мнений между Бонапартом и парижанами», — вспоминала г-жа де Ремюза.¹²³ Судебные заседания проходили при явном сочувствии к обвиняемому. После одного из них Ж.Кадудаль даже заметил: «На месте генерала Моро, я сегодня отправился бы спать в Тюильри».¹²⁴ Из Булонского лагеря прибыла даже депутация офицеров в защиту Моро на суде.¹²⁵

Дебаты процесса были чрезвычайно оживленными. На суде с большой и аргументированной речью выступил брат генерала Лекурба — адвокат Лекурб. «Я, — сказал он, — разделил со всеми французами чувства удивления и боли (douleur), узнав об аресте генерала Моро». Далее Лекурб продолжал, что, проверив тщательно факты, он убедился в невиновности подзащитного. Он даже подчеркнул, что существуют разногласия между правительством и общественным мнением. «Если правительство, — заявил он, — его обвиняет, то с другой стороны, нужно сказать с полной

откровенностью, общественное мнение, мнение всей Франции (l'opinion de la France entiere) отвергает это обвинение». ¹²⁶ Суть речи Лекурба сводилась к тому, что следствием доказан только факт контактов Моро с роялистами, притом всего лишь случайных, а не его желание действовать в интересах Бурбонов и участвовать в заговоре.

Это выступление произвело сильное впечатление и вызвало растерянность среди судей. Когда 9 июня состоялось совещание, которое должно было решить судьбу Моро, то 7 голосов против 5 было подано за его оправдание ¹²⁷. Важно отметить, что весь процесс над Моро рассматривался правительством, как процесс над *лидером республиканской оппозиции*, чье осуждение необходимо для дальнейшего усиления режима. Это обстоятельство хорошо понималось и в обществе, и бонапартистски настроенными судьями. Очень характерно, что после выступления Лекурба и голосования последовало заявление председателя суда Эмара, отказавшегося прекратить дискуссии и вынести оправдательное решение. Эмар стал говорить о гражданской войне, которая будет развязана в случае оправдания Моро. ¹²⁸ Эмара поддержал Тюрио: Моро не следует отпускать на свободу. «Это дело скорее политического толка, чем юридического, — говорил он, — и надо идти на жертвы, необходимые для безопасности государства» ¹²⁹. Ту же мысль, но в еще более сильной форме, высказал Гранже. Он заявил, что нужно приговорить Моро, даже невиновного. ¹³⁰

Таким образом, правительство менее всего склонно было судить Моро за контакты с Пишегрю (попутно отметим, что те же обвинения можно было предъявить и Барбе-Марбуа, который также вступил в переговоры с роялистами, но против него не было начато судебных преследований), речь шла, прежде всего, об уничтожении республиканской группировки. Согласно историку Э.Доде, подробно изучившему материалы процесса, после вынесения оправдательного вердикта Моро, Эмар вместе с Тюрио отправился в свой кабинет, где находились Реаль и Савари; Савари им сказал: «Если Моро оправдают, республиканская партия захочет победить». ¹³¹

В результате повторного голосования, Моро был признан виновным, но приговор оказался чрезвычайно мягким — всего два года лишения свободы (к тому же, если учесть, что основные участники этого дела, роялисты, были казнены), который, по словам г-жи де Ремюза, был встречен «с оскорбительным для императора удовольствием». ¹³² По словам будущего префекта Парижа Паскье, потребовались крайне энергичные меры полиции, чтобы «помешать за оградой трибунала взрыву чувств, очень сочувственных... к Моро особенно». ¹³³ О том же вспоминал и Стендаль, тогда офицер наполеоновской армии. О приговоре он узнал утром 10 июня 1804 г., а вечером был на спектакле в театре, где смотрел пьесы «Сид» и «Дом». «Публика, — записал Стендаль в своих дневниках, — жадно ловит намеки, направленные против Бонапарта и в защиту Моро... Это нечто вроде диалога между актерами и публикой». ¹³⁴

Отсюда видно, что на неожиданной мягкости решения суда сказались прежде всего общественное мнение. Сам Моро также подметил этот момент. Он писал своей жене, что приговор «просто смешон»: «Если было установлено, что я принимал участие в заговоре, то в этом случае меня следовало приговорить к смерти, как вождя... Нет сомнения, что был приказ о моей смерти. Страх помешал судьям его осуществить». ¹³⁵ В этой связи небезынтересно было бы привести любопытные рассуждения Ж.Фуше, одного из закулисных режиссеров всего процесса. В 1808 г. Фуше встретился с видным русским государственным деятелем и дипломатом графом В.Кочубеем, с которым имел обстоятельный разговор (о его содержании стало известно из записок самого Кочубея). Во время светской беседы, протекавшей в духе взаимных комплиментов, разговор коснулся общественного мнения и его роли в таких тиранических государствах, как Франция и Россия. По мнению В.Кочубея, общественное мнение в этих государствах не только ничего не значило, но и не имело каких-либо реальных способов проявления. И тут Фуше, много по долгу своей службы занимавшийся этим вопросом, преподавал будущему русскому министру внутренних дел (В.Кочубей им стал в 1819 г.) предметный урок. Он заявил, что во Франции есть общественное мнение, и оно высоко ценится, и если оно высказывается определенно, то правительство с трудом решится действовать против него — «оно вынуждено следовать общественному мнению, если оно желает спать на матрацах, а не на штыках». И эту мудрую мысль Ж.Фуше подкрепил ссылкой на события четырехлетней давности: «Вот подождите, я сейчас приведу вам пример общественного мнения: генерал Моро был отдан под суд. Конечно, он был виновен. Это человек

слабохарактерный, который подчинялся разным влияниям. Я бы очень быстро покончил с этим делом, я бы вызвал генерала Моро, я бы сказал ему, что он делает глупость, я бы прочел ему хорошенькую нотацию, и все было бы кончено. Но он был предан суду. Думаете ли вы, что судьи не приговорили бы его к смертной казни, если бы они не боялись общественного мнения? Оно высказалось так определенно, что они должны были постановить более мягкий приговор». ¹³⁶ Нельза не признать правоту Ж.Фуше, и с его доводами тогда согласился В.Кочубей, который сам позднее почувствовал силу общественного мнения, когда в России произошло восстание Семеновского полка.

Помимо общего настроения, на мягкости приговора сказались также и другие моменты. По словам г-жи де Ремюза, «раздавались некоторые угрозы, если его осудят». ¹³⁷ По всей вероятности, республиканские круги не ограничивались выражением одного сочувствия, а пытались оказать на правительство более основательное давление; Ш.Нодье писал в своей книге, что «филадельфы», члены тайной республиканской организации, хотели в момент вынесения приговора броситься на охрану и отбить Моро, но неожиданно мягкое решение суда расстроило их замыслы. «Так «филадельфы», — заключал Ш.Нодье, — увидели осуждение своего вождя и в то же время у них исчез предлог для действия, которое Они хотели предпринять, чтобы спасти Францию и Моро вместе с ней. Тирания, которая могла пасть в тот день, продлилась еще десять лет, и этот приговор, губивший Моро, не убивая его, приговорил к смерти целое поколение, которое отдало потом свои жизни на поле битвы». ¹³⁸ Как ни заманчиво принять версию Ш.Нодье, но приходится признать, что она не подкрепляется документально. Ниже мы подробно расскажем о «филадельфах», а пока отметим, что подобные попытки освобождения Моро действительно имели место. 13 июля 1804 г. в бюллетене Фуше сообщалось, что в Париже был арестован некий Бертua, принадлежавший к «экзальтированным революционерам»; он признался в составлении замысла убить императора кинжалом, чтобы спасти Моро. О каких-либо деталях самой попытки в бюллетене не рассказывалось; сообщалось только о том, что Бертua был не один, а располагал сообщником. О политических взглядах Бертua давалась самая общая характеристика: «Он исповедует только революционные принципы и общается только с людьми, разделяющими его воззрения». ¹³⁹ Однако в том, крайне беглом, наброске его биографии есть одна примечательная деталь, характерно, что ее не позабыли указать наполеоновские ищейки в бюллетене, который шел на прочтение Наполеону: Бертua с успехом служил во французском батальоне, отправленном на Сан-Доминго. ¹⁴⁰ Как уже отмечалось, на этот остров были посланы главным образом оппозиционно настроенные офицеры и солдаты Рейнской армии. Отсюда понятны симпатии бывшего солдата Моро к своему генералу.

Два года тюремного заключения были заменены Моро изгнанием за пределы Франции. Как выразился Паскье в этой связи, Моро-заклученный был опаснее для Наполеона, чем Моро-изгнанник. ¹⁴¹ Одновременно преследованиям подверглись офицеры и генералы, близкие к нему (Лагори, брат Лагори — Ленорман, Пьер Мари — адъютант Моро и другие). Однако и после отъезда Моро в Испанию, а затем и в Америку, наполеоновская полиция с большим вниманием продолжала следить за французским генералом, сообщая о нем в своих бюллетенях даже интимные детали. Без сомнения, столь тщательный надзор был установлен за Моро по распоряжению императора, опасавшегося популярности этого генерала в своей стране.

Раскрытие англо-роялистского заговора подготовило необходимую почву для провозглашения Франции империей. 18 мая 1804 г. был принят очередной сенатус-консульт, в котором говорилось: «Императорское достоинство передается по наследству в прямом естественном и законном потомстве Наполеона Бонапарта от мужчины к мужчине в порядке первородства при исключении женщин навечно». Одновременно другие статьи учреждали шесть высших сановников и высших офицеров империи, в том числе восемнадцать маршалов. Органы государственной власти не подвергались большому изменению, хотя Наполеон присвоил себе право назначать сенаторов в неограниченном количестве.

Таким образом, эволюция, начатая 18 брюмера, завершилась. Как было встречено учреждение империи, а затем последовавшая 2 декабря 1804 г. коронация во Франции? Проведенный плебисцит касался не титула императора, а только лишь наследственной власти. Он показал, что силы, выступавшие против пожизненного консульства, остались и столь же отрицательно относятся к последним установлениям. В государственном совете, несмотря на все старания Люсьена Бонапарта, было много колеблющихся, и там после четырех заседаний так и не было принято окончательное решение, его члены запросили отсрочки; в трибунате тоже выявилась оппозиция; отёйльское общество не дало никакого ответа. Сиейес, Вольней, Ламбрехт, Грегуар и некоторые другие высказались против. Особую известность получило выступление в трибунате Карно, которое современники называли «последним вздохом революции». Карно объявил «фиктивным» развитие общественного мнения в сторону «наследственной монархии», так как пресса не была свободной. «Разве свободу, — говорил он, — показали человеку для того, чтобы он никогда не мог воспользоваться ею? Нет, я не могу допустить, чтобы он никогда не мог пользоваться ею. Нет, я не могу допустить, чтобы на это благо, перевозносимое перед всеми другими, смотрели только как на простое заблуждение».¹⁴² Но и Карно очень сдержанно выражал свой протест, заключая, что он готов подчиниться мерам, против которых возражал. Подобно Карно, довели себя и многие «идеологи».

У нас нет данных, как реагировали на учреждение империи различные группы населения: рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия городов. Подавляющее большинство очевидно поддержало монархические приказания первого консула, видя в них гарантию от реставрации старых феодальных порядков. Нельзя также отрицать и значения бонапартистской демагогии в обмане масс. Но тем не менее, учреждение империи встретило заметное сопротивление.

Хотя «республиканской партии», как таковой, не существовало, но сами республиканцы сохранились. О наличии «анархистских настроений» сигнализировали префекты из многих департаментов страны. Префект департамента Шаранта сообщал, что в Ангулеме сохранились сторонники 1793 г., объединенные в «особый республиканский комитет» комендантом города генералом Мале. «Они собираются и распевают враждебные общественному порядку песни».¹⁴³ Аналогичные рапорты шли и из других мест. В Марселе полиция арестовала Грандье, Рея, Бонифас и Перрена как членов масонской ложи республиканского типа. По словам префекта, г-жа Бонифас занималась активной антиправительственной пропагандой. «Экзальтированная анархистка, преданная Марату и Робеспьеру и другим вождям этой партии, она была злейшим врагом всякого правительства, кроме режима 1793 г.»¹⁴⁴ «Анархисты», «сожалеющие о режиме 1793 г.», сохранились также в Тулоне. «Они, хотя и далеки от объединения, — добавлял префект, — но упорны в своей оппозиции к правительству».¹⁴⁵ Почти сразу после того, как слухи о коронации достигли этого города, 19 января в 6 часов утра было найдено на стенах морской префектуры воззвание, призывающее народ к защите свободы. Тот же плакат призывал народ подняться вечером при выстреле пушки. В донесении генеральского комиссара полиции государственному советнику говорилось: «Это воззвание — дело сторонников режима 1793 г.»¹⁴⁶ В департаменте Вар (в Солье-Пон) запретные собрания периодически имели место у Ферро (бывшего служащего Директории), где часто бывал Леонар Бурдон¹⁴⁷. О «дурном духе» в Бордо, Безансоне, Невере, Бресте сообщалось во многих донесениях¹⁴⁸. Непокойно было и в некоторых окраинах департамента. 5 февраля 1805 г. генерал Мену сообщал из Турина, что с бандитизмом удалось справиться, но «анархисты пытаются воспротивиться недавним реформам». «Они поддерживают переписку с Венецией, Неаполем, Генуей, Римом, Миланом и Парижем».¹⁴⁹ В Испании, писал префект, партия Бурбонов почти уничтожена, «но анархисты весьма многочисленны».¹⁵⁰ «Они есть в По, Байонне, других городах. Известно, что они поддерживают связи с французами, находящимися в Мадриде».¹⁵¹

Это недовольство обыкновенно проявлялось в довольно безобидной форме — в виде отдельных выкриков на спектаклях, хлопках зрителей при словах, которые можно было расценить обидными для императора (так было в Марселе, Невере, Бордо), в распространении карикатур и т.д. Полиция весьма тщательно фиксировала такого рода факты в своих ежедневных бюллетенях. В доме Беллегарда, например, в присутствии генерала Мале офицеры смеялись над карикатурой, изображающей Папу, Бонапарта, двух его братьев и одного ангела, который приносит Пана вместо святого благословения лист бумаги, на котором написано: «Винегрет из четырех воров».¹⁵² Эта карикатура позже получила хождение среди офицеров Булонского лагеря, ее показывали и в некоторых парижских кафе.¹⁵³ По сведениям полиции, в либеральных салонах демонстрировалась анаграмма из слов: «Наполеон — император французов. Эта сумасшедшая империя не протянет больше года».¹⁵⁴ Наряду с таким в общем мирным осуждением бонапартистского курса, имели место и более решительные действия. 6 декабря 1804 г. при раздаче орденов на Марсовом поле в Париже, перед Наполеоном появился молодой человек, который выкрикнул: «Свобода или смерть!» Оружия он не имел и только лишь бросил свою шапку вверх. Этого человека звали Фор (Faure), следствием была установлена цель его выступления: «Он надеялся именем свободы привлечь на свою сторону войска... и в случае успеха создать другое правительство, в котором император будет только его членом».¹⁵⁵ «Он проявил, — говорилось о нем в полицейском бюллетене, — на допросах упорство человека, который готов к смерти и который все обдумал».¹⁵⁶ Правительство особенно интересовалось политическими идеями Фора. В результате изучения его переписки удалось установить «фанатическую привязанность Фора к чистым идеям свободы». Полиция готова была допустить, что его использовали в своих интересах «анархистские злодеи».¹⁵⁷ Этот поступок, без сомнения, необдуманный, свидетельствовал, однако, что республиканцы могут решиться и на более энергичные действия. 29 ноября 1804 г. в Булонском лагере у двух солдат были замечены «ужасные памфлеты, призывающие к убийству первого консула»¹⁵⁸. Надо сказать, что вообще офицеры и солдаты этого лагеря были настроены довольно оппозиционно. Об их враждебности провозглашению империи писал и Стендаль в своих воспоминаниях.¹⁵⁹ Как видно из его записок, он рассчитывал позднее описать их настроения подробно, но так этого и не сделал. Подобные призывы к убийству Наполеона и изменению формы правления встречались и в Александрии (там в их пропаганде подозревали якобинца Бургунцио)¹⁶⁰ и в Пьемонте, и в Париже¹⁶¹... Поль-Луи Курье, бывший тогда офицером французской армии, весьма критически относился к новым преобразованиям и в своих письмах плебисцит называл «фарсом».¹⁶²

Источником этого недовольства были, конечно, не какие-то личные обиды, а принципиальное несогласие с монархическим курсом Наполеона. Республиканский дух нелегко было уничтожить даже на фоне блестящих наполеоновских побед; наиболее четко он проявлялся среди бывших участников революции, ее ветеранов, которые продолжали оставаться в армии и обществе. С их оппозицией, значительно подорванной постоянными репрессиями и не всегда выраженной в форме бескомпромиссной и последовательной борьбы, не только Наполеону, но и силам третьей коалиции приходилось считаться. Как известно, в 1805 г. государи феодальной Европы начали войну с Францией не под реставраторскими лозунгами, а под лозунгами «освобождения народов» и уничтожения деспотизма.¹⁶³ Подобной демагогией приходилось заниматься и Наполеону. В 1804 г. и позже он пытался оправдать свершившиеся изменения *именно с республиканских позиций*, доказывая, что империя есть продолжение республики, и титул императора имеет как бы революционное содержание.¹⁶⁴

- ¹ Paris sous le Consulat, t.2, p.129. В этом же рапорте говорилось, что в предместье Сент-Антуан имеется немало рабочих, «близких к партии 93 года».
- ² 14 января 1801 г. Жюльен направил Наполеону свой меморандум с просьбой не проводить «проскрипций». Позже он советовал первому консулу отменить смертный приговор в отношении Топино-Лебрена, Демервилля, Арена и Черакки, характеризуя их с самой лестной стороны (Далин В.М. Люди и идеи, с.86—87).
- ³ Paris sous le Consulat, t.2, p.155.
- ⁴ Ibid., t.2, p.135.
- ⁵ Далин В.М. Люди и идеи, с.96
- ⁶ L'Etat de la France au 18 brumaire, p.103—104.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibid., p.179.
- ⁹ Ibid., p.214—215.
- ¹⁰ Ibid., p.214—215.
- ¹¹ Ibid., p.252.
- ¹² Ibid., p.277—278.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч, т.8, с.209.
- ¹⁴ Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire, v.IV, p.167.
- ¹⁵ АВПР, Канц. МИД, 1801, д.8951, л.102.
- ¹⁶ Paris sous le Consulat, t.2, p.673.
- ¹⁷ Ibid., t.2, p.472. По словам Паскье, заключение конкордата вызвало оппозицию в армии, где было особенно много фанатичных противников католицизма. Они говорили, что это приведет к возвращению империи священников — «многие высшие офицеры составляли эту оппозицию и даже некоторые очень крупные генералы, Моро не был им чужд». (Pasquier E. Memoires, t.1, Paris, 1893, p.157—158). См. также: Талейран. Мемуары, с.164 (Конкордат, писал Талейран, «встретил оппозицию только со стороны некоторых военных, весьма честных, впрочем, людей, ум которых не мог, однако, возвыситься до такого рода понятий»).
- ¹⁸ Bonaparte et les Bourbons. Relations secretes des Agents de Louis XVIII a Paris sous le Consulat (1802—1803). Paris, 1899, p.78.
- ¹⁹ Thibaudeau A.-C. Op.cit., p.163—165.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Гюро В. Указ.соч.
- ²² Bonaparte et les Bourbons, p.44—45.
- ²³ АВПР. Канц. МИД, 1801, д.8951, л.100—101; Об оппозиции в Трибунате и Законодательном корпусе см.: Gobert A. L'opposition des assemblees pendant le Consulat (1800—1804), Paris, 1925, p.184—200.
- ²⁴ M-me de Staël. Dix annees d'Exil. P.s.d., p.43; Gautier P. M-me de Stael et Napoleon. P., p.79—80. «В 1802 г. — писал В.А.Бутенко об оппозиции слева, — дело приняло более серьезный характер, и созревало, по-видимому, целый заговор, душой которого была г-жа де Сталь, а участниками представители либеральной оппозиции в законодательных палатах и группа республиканских генералов с Бернадоттом во главе» (Бутенко В.А. Указ.соч., с.78).
- ²⁵ Paris sous le Consulat, t.2, p.553, 570, 722.
- ²⁶ Ibid., t.2, p.727, 394.
- ²⁷ Трачевский А. Наполеон I. Первые шаги и консульство М, 1907, с.204—205.
- ²⁸ Собуль А. Первая республика, с.347.
- ²⁹ Олар А. Политическая история французской революции, с.925.
- ³⁰ Манфред А. 3. Наполеон Бонапарт. М., с. 17.
- ³¹ Paris sous le Consulat, t. , p. 55.
- ³² Ibidem.
- ³³ Ibid., t.1, p.413.
- ³⁴ Ibid., t.1, p.418—428.
- ³⁵ M-me de Stael. Dix annees d'Exil, p.43—44.
- ³⁶ Bon de Marbot. Memoires. Paris, 1891, t.1, p.155—156;
- ³⁷ G.Augustin-Thierry. Op.cit., p.291.
- ³⁸ Augustin-Thierry G. Op.cit., p.294.
- ³⁹ Ibid., p.279.
- ⁴⁰ Ibid., p.91—95.
- ⁴¹ Bonaparte et les Bourbons. Paris, p.30.
- ⁴² Guillon E. Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire. Paris, 1894, p.37.
- ⁴³ Paris sous le Consulat, t.2, p.82—83.
- ⁴⁴ Augustin-Thierry G. Op.cit., p.94—95.
- ⁴⁵ Gaubert H. Op.cit., p.151—152.
- ⁴⁶ Олар А. Консульство. — В кн.: История IX века Под ред. Э.Лависса и А.Рамбо. М., 1938, т.1, с.65.
- ⁴⁷ Бурьенн. Записки. Спб., 1834, т.3, ч.V, с.6—7.
- ⁴⁸ Собуль А. Первая республика. М., с.348—351.

- ⁴⁹ Бурьенн. Записки, т.3, ч.5, с.13—14.
- ⁵⁰ Олар А. Политическая история французской революции, с.911,
- ⁵¹ Там же, с.911.
- ⁵² Paris sous le Consulat, t.3, p.226
- ⁵³ Ibid., t.3, p.360.
- ⁵⁴ Ibid., t.3, p.496, 546—547.
- ⁵⁵ Сюратто Ж. Указ.соч., с.116 (Префект Жан Дебри писал о Перригэ, что он «один из тех ужасных людей, людей принципов, которые тоскуют по эшафотам, открыто сожалеют о временах жестокой тирании децемвиров и мечтают об идеях Робеспьеров, Маратов и Бабефов»).
- ⁵⁶ Bonaparte et les Bourbons, p.28.
- ⁵⁷ В начале августа 1802 г. Неккер опубликовал произведение «Derniers vues de politique et de finances offertes a la nation francaise», в котором, критикуя конституцию VIII г., высказывал свое «великое предпочтение» английской монархии (Gobert A. Op.cit., p.184). Свою доктрину конституционной монархии К.Жордан сформулировал в брошюре «Vrai sens du vote national sur le Consulat a vie», изданной в ответ на провозглашение Наполеоном пожизненного консульства. Правительство работу К.Жордана запретило. О взглядах г-жи де Сталь см.: Gautier P. M-me de Stael et Napoleon, p.68, 84—90.
- ⁵⁸ Олар А. Политическая история французской революции, с.912.
- ⁵⁹ Там же, с.911.
- ⁶⁰ Gaubert H. Op.cit., p.152.
- ⁶¹ Paris sous le Consulat, t.3, p.565.
- ⁶² Стендаль. Собр. соч. в 15-ти т., т.11, с.45. В конце 1802 г. полиция установила, что гренадер консульской гвардии Ламберт, ярый республиканец, враждебно относится к новым преобразованиям (Paris sous le Consulat, t.3, p.651).
- ⁶³ Ibid., t.3, p.264, 221.
- ⁶⁴ Ibid., t.3, p.313.
- ⁶⁵ Ibidem, p.289—290.
- ⁶⁶ Ibid., t.3, p.336.
- ⁶⁷ Стендаль. Собр.соч., т.11, с.45.
- ⁶⁸ Paris sous le Consulat, t.3, p.556.
- ⁶⁹ Ibid., t.3, p.430; Bonaparte et les Bourbons, p.77—78.
- ⁷⁰ Bonaparte et les Bourbons, p.31.
- ⁷¹ Guillon E. Op.cit., p.46,
- ⁷² Она опубликована: V i 11 a t L. Un placard centre Bonaparte. — Annales revolutionnaires. 1921, t. XIII. p. 325—327.
- ⁷³ Paris sous le Consulat, t. 3, p. 264, 427.
- ⁷⁴ Ibid., t.3, p.427.
- ⁷⁵ Ibid., p.427.
- ⁷⁶ Ibid., p.308.
- ⁷⁷ Nodier Ch. Op.cit., p.141.
- ⁷⁸ Destrem J. Les deportations du Consulat. — La Revue historique. Mai-juin 1878, p.94—95.
- ⁷⁹ Paris sous le Consulat, t.3, p.274.
- ⁸⁰ Ibid., p.274.
- ⁸¹ «Говорят, что Босси очень опасен, и генерал Журдан их (иллюминатов. — Т.-Б.) принимает», — сообщалось в одном из полицейских отчетов (Ibid., t.3, p.325—326). О Журдане и его связях с иллюминатами см. Bersano A. Labate Fr.Bonardi ei suoi tempi. Torino, p.52, 55, 62
- ⁸² Paris sous le Consulat, t.3, p.388; 371—372, 325.
- ⁸³ Ibid., t.3, p.388. «Три опасных пьемонтца в Париже, — говорилось в рапорте префектуры 13 января 1803 г., — 1. Бюннива, врач; 2. Жюль или Жюлио, химик и 3. Коммоли, скульптор. Эти три человека известны, как пламенные враги правительства и экзальтированные сторонники независимости Пьемонта... Утверждают, что они пытаются ввести пьемонтцев в консульскую гвардию».
- ⁸⁴ Ibid., t.3, p.275.
- ⁸⁵ Bersano A. Op.cit., p.35—62.
- ⁸⁶ Олар А. Политическая история французской революции, с.921.
- ⁸⁷ Paris sous le Consulat, t.3, p.574, 609.

- ⁸⁸ Ibid., t.2, p.553.
- ⁸⁹ Ibid., t.3, p.347.
- ⁹⁰ Ibid., t.3, p.413.
- ⁹¹ Ibid., t.3, p.573.
- ⁹² Ibid., t.3, p.638.
- ⁹³ Бурьенн. Записки, т.3, ч.5, с.111-112.
- ⁹⁴ О Моро имеется обширная литература: Beauchamp A. Vie politique, militaire et privee du general Moreau. P., 1814. Picard E. Bonaparte et Moreau. P., 1905; Daudet E. L'exil et la mort du general Moreau. Paris, 1909.
- ⁹⁵ Из бумаг А.Н.Попова. — Русская старина. 1913, № 9, 10. с.55 (генерал Моро на службе в русских войсках).
- ⁹⁶ Paris sous le Consulat, t.3 p.556.
- ⁹⁷ Ibid., t.3, p.556.
- ⁹⁸ Bonaparte et les Bourbons, p.85.
- ⁹⁹ Ibid., p.235—237,
- ¹⁰⁰ Paris sous le Consulat, t.3, p.620—621.
- ¹⁰¹ Бурьенн. Записки, т.3, ч.V, с.269.
- ¹⁰² Fauriel. Les derniers jours du Consulat. 1886, Paris, p.202—210.
- ¹⁰³ Ibid.
- ¹⁰⁴ О Меэ де Да Туше см.: Grand Larousse. Paris, 1910, p.1446.
- ¹⁰⁵ Бабеф Г. Сочинения в 4-х т., М., 1977, т.3, с.486—487.
- ¹⁰⁵ Fain. Op.cit.
- ¹⁰⁷ C-ne Mehee. Alliance des jacobins de France avec le ministere anglais; les premiers representes par le c-ne Mehee. et) Ministere Anglais, par m.m. Hamond, Yorke. Paris, Germinal an XII, p.3—6.
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ Ibid., p.7.
- ¹¹⁰ Fauriel. Op.cit., p. 202—216
- ¹¹¹ La police secrete du premier Empire, t.1, p.10.
- ¹¹² Ibidem; Fauriel. Op.cit, p.202—216.
- ¹¹³ Mehee. Op.cit.
- ¹¹⁴ Манфред А.3. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с.431.
- ¹¹⁵ Daudet E. Op.cit., p.90.
- ¹¹⁶ Ibidem.
- ¹¹⁷ Roederer P.L. Oeuvres, v.3, P., 1854, p.504.
- ¹¹⁸ Le Memorial de Sainte-Helene, t.2, Paris, p.371, s. d.
- ¹¹⁹ Fauriel. Op.cit.
- ¹²⁰ Манфред А.3. Наполеон Бонапарт, с.432.
- ¹²¹ La police secrete du premier Empire, t.I, p.10.
- ¹²² Beauchamp A. Op.cit., p.99.
- ¹²³ Г-жа де Ремюза. Мемуары, т.1, С.119.
- ¹²⁴ Beauchamp A. Op. cit., p. 102
- ¹²⁵ La police secrete du premier Empire . 1, p. 354.
- ¹²⁶ Lecourbe. Opinion sur la conspiration de Moreau p.19, 20. Paris, 1814,
- ¹²⁷ Ibid., p.65.
- ¹²⁸ Ibid., p.66—67.
- ¹²⁹ Ibid., p.67.
- ¹³⁰ Ibid., p.67—69.
- ¹³¹ Daudet E. L'exil et la mort du general Moreau, p.90.
- ¹³² Г-жа де Ремюза. Мемуары, т.1, с.199.
- ¹³³ Ibid., p.76.
- ¹³⁴ Стендаль. Собр.соч., М., 1959, т.14, с.46.
- ¹³⁵ Daudet E. Op.cit. p.94—95.
- ¹³⁶ Богданович Т. Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи (Из неизданных бумаг графа Виктора Кочубея). — Анналы. 1924. № IV, с.126—127.
- ¹³⁷ Г-жа де Ремюза. Мемуары, т.1, с.196-199.
- ¹³⁸ Nodier Ch. Op.cit., p.81—82.

- ¹³⁹ La police secrete du premier Empire,
- ¹⁴⁰ Ibid., t.1, p.2.
- ¹⁴¹ Pasquier E. Memoires, t.1, p.202—203.
- ¹⁴² речь Карно в кн.: Memoire adresse au Roi en juillet 1814 par m-r Carnot. Paris, 1814, p.65—72.
- ¹⁴³ La police secrete du premier Empire, t.1, p.92,
- ¹⁴⁴ Ibid., t.1, p.17.
- ¹⁴⁵ Ibid., t.1, p.407.
- ¹⁴⁶ Ibid., t.1, p.273—274.
- ¹⁴⁷ Ibid., t.1, p.689.
- ¹⁴⁸ Ibid., p.10.
- ¹⁴⁹ Ibid., p.280.
- ¹⁵⁰ Ibid, p.197.
- ¹⁵¹ Ibidem.
- ¹⁵² Ibid., p.192.
- ¹⁵³ Ibid., p.200.
- ¹⁶⁴ Ibid., p.4—5, 92.
- ¹⁵⁵ Ibid., p.4—5.
- ¹⁵⁶ Ibidem, 197.
- ¹⁵⁷ Ibidem.
- ¹⁵⁸ Ibid., t.1, p.192.
- ¹⁵⁹ Стендаль. Собр.соч., т.11, с.207.
- ¹⁶⁰ La police secrete du premier Empire, t.1, p.92.
- ¹⁶¹ Ibid., p.4—5.
- ¹⁶² Курье П.-Л. Памфлеты. М., 1957, с.305—306.
- ¹⁶³ Тарле Е.В. Наполеон, с.147—148; «Желание внести изменения во внутреннее устройство Франции, — писал Александр I послу в Лондоне С.Р.Воронцову 10(22) сентября 1804 г., — несомненно не должно разглашаться раньше времени, и лишь дальнейшие события позволят решить вопрос о том, когда можно будет подумать об осуществлении таких изменений» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер.1, т.2, М, 1961, с.137, № 49).
- ¹⁶⁴ Манфред А.3. Наполеон Бонапарт, с.443—445.

ГЛАВА III. «ОБЩЕСТВО ФИЛАДЕЛЬФОВ» и ЗАГОВОРЫ МАЛЕ

- Кто были ваши сообщники?

- Вы и вся Франция, если бы я победил.

Ответ Мале председателю суда Дежану

В созданной Наполеоном системе государственной власти не оставалось места для легальной оппозиции. Как уже отмечалось, первому консулу не стоило большого труда расправиться с республиканцами и либералами, выступавшими против него в Трибунате и Законодательном корпусе. С еще большей легкостью уже в январе-феврале 1800 г. было подавлено сопротивление оппозиционной прессы. Но свое окончательное выражение авторитарная система получила в 1804 г., когда Франция была провозглашена империей. В этих условиях деспотического императорского режима, который многие современники сравнивали с тиранией Цезаря, республиканская и революционная традиции могли сохраняться в подспудной форме — в виде подпольного движения, заговоров и тайных обществ.

В более широком плане возникновение подпольных ассоциаций, как во Франции, так и в других европейских странах, было следствием наметившегося еще до французской революции кризиса просветительской идеологии и понимания невозможности построения желаемого «царства разума и справедливости» только путем свободного распространения идей.

«Общество филадельфов», о котором пойдет речь в этой главе, было самой крупной левой организацией, проявившей себя особенно в двух заговорах генерала Мале в 1808 и 1812 гг. «Филадельфы» оказали определенное воздействие на развитие революционного движения в европейских странах даже после падения наполеоновской империи, в годы реставрации. Но, несмотря на столь значительную роль, которую сыграло это общество во Франции и Европе, оно долгое время было окутано легендами и даже само его существование не раз ставилось под сомнение. Обратимся к спорам, которые велись вокруг истории этого общества.

1. О дискуссии, которая началась в 1815 г.

В начале 1815 г., когда Наполеон только еще готовил свой побег с острова Эльбы, в Париже было опубликовано анонимное произведение «История тайных обществ в армии». Оно вызвало сразу такой интерес, что уже через месяц после первого издания «Journal des Debats» сообщил о готовящемся втором. В политической жизни того времени эта книга сыграла определенную роль. Она защищала старую императорскую армию от нападок ультрароялистов. Неизвестные авторы книги утверждали, что в наполеоновской армии были сильны антибонапартистские и республиканские настроения и что почти на протяжении всего периода консульства и империи во Франции существовала тайная ассоциация — «Общество филадельфов». Членами общества были республиканский полковник Ж.-Ж.Уде, генералы Ж.-В.Моро и Пишегрю и, наконец, известный заговорщик К.-Ф.Мале. В год коронации Наполеона «филадельфы» насчитывали около 4 тыс. офицеров. Рассеянные по всей империи, они активно боролись с деспотизмом и организовывали многочисленные заговоры. Главное внимание в книге было уделено известным попыткам государственного переворота, предпринятым генералом Мале в 1808 и 1812 гг., которые рассматривались не как действия одиночек, а организованные выступления всего общества. С гибелью Мале «филадельфы» прекратили свое существование.

Таково основное содержание книги. Хотя она не прошла бесследно для общества, и даже позднее на острове Святой Елены Наполеона спрашивали о «филадельфах»³, отношение к ней долго оставалось скептическим. Немногие верили в возможность существования разветвленного антибонапартистского подполья в условиях сильнейшей диктатуры. Когда же стало известно имя автора (им оказался один из основоположников романтизма во французской литературе и автор «таинственного Сбогара» писатель и академик Шарль Нодье)⁴, сомнения еще больше возросли. Их высказал, в частности, Проспер Мериме, когда в 1845 г. занял место Шарля Нодье во Французской академии и по традиции произнес речь о творчестве своего предшественника. Он говорил, что Нодье был слишком увлекающимся, пылким и вдохновенным человеком, чтобы написать объективный и верный исторической правде научный труд. Ему, уверял Проспер Мериме, нет дела до строгого соответствия с фактами. «Для него все в жизни драма или роман Он всюду ищет характерных черт и красок. Любое имя вызывает в его памяти образ, а образ порождает вскоре целое полотно Он как бы забавляясь, расцветчивает все, чего бы ни коснулся».⁵ Так случилось и с «Историей секретных обществ в армии», где вымысел старательно смешивается с правдой. «Полюбуйтесь, господа, — восклицал П.Мериме, — с каким искусством Нодье льстит властям, как умело восхваляет он лженауку. Сначала он скрывает свое имя, затем превозносит на каждой странице героя—республиканца». «Его цель, говорят мне, — успокоить правительство относительно настроений в армии и обмануть самую армию, внушив ей, что преданность императору не разделялась ее начальниками. Как бы то ни было, ни один беспристрастный читатель не припишет корыстных расчетов автору этого небольшого труда; он увидит в нем лишь литературное упражнение, а не выдумку, подсказанную тщеславию».⁶ Подсознание Мериме, оценивал также книгу Ш.Нодье и совсем уже не писателя, а видного полицейский чиновник при консульстве, империи и реставрации Симон Дюпле, в далеком прошлом секретарь Робеспьера. В 1823 г. он по требованию правительства составил официальную записку о тайных обществах и заговорах 1815—1823 гг., которую в начале XX века обнаружил в архивах французский исследователь Л.Гравилье. К сожалению, записка дошла до нас не полностью, без одной страницы, и может быть самой важной, потому что на следующем втором листке речь идет о книге Ш.Нодье, которую Симон Дюпле называл «сплошной фикцией», а саму книгу годной лишь для «занимательного чтения».⁷ Мнение Симона Дюпле, одного из компетентнейших сотрудников французской полиции, которого высоко ценил сам Фуше и, по-видимому, даже Людовик XVIII, конечно, более заслуживает внимания, нежели мнение П.Мериме, судившего об этом по-дилетантски. Тем не менее, из соображений точности отметим, что в существовании «филадельфов» не сомневались такие корифеи политической сыска, как Фуше, Паскье, Савари и даже сотрудники австрийской полиции.⁸ И именно в воспоминаниях Ж.Фуше можно найти более или менее точную характеристику этого общества. «Из различных частных источников, которые я получал от своих агентов, — писал он, — и из того, что я узнал от Бернадотта о «филадельфах», стало ясно, что это секретное общество было создано еще в период консульства. Оно особенно не скрывалось. Их целью было вернуть французскому народу свободу, которую разрушил Наполеон, восстанавливая католический культ и заключая с папой конкордат. Они презирали Наполеона как первого консула и считали невозможным его деспотизм как императора. Существование этой ассоциации дало основания для заключения в тюрьму на продолжительное время Мале, Лагори, Жандра, Гидаля и Пикереля».⁹

Так, уже в первые десятилетия XIX века определились два мнения - одно за, другое против «филадельфов». Но точку зрения П.Мериме, столь похожую на правду, большинство продолжало считать более достоверной, и она бытовала в исторической науке вплоть до начала XX века. Даже в 1919 г. биограф Ш.Нодье Л.Пэнго продолжал считать общество «филадельфов» плодом фантазии писателя, а генерала Мале «одиначкой», имевшим только «случайных соучастников». ¹⁰ Подобного взгляда на попытку государственного переворота Мале придерживался выдающийся знаток французской истории академик Е.В.Тарле. ¹¹

Вместе с тем, и в XIX и начале XX вв. находились историки, признававшие реальность «филадельфов». К их числу следует прежде всего отнести Паскаля Груссе, неоякобинца и делегата комиссии внешних сношений Парижской Коммуны. Книга П.Груссе о втором заговоре Мале была опубликована в 1869 г, в самом преддверии Коммуны, когда, по словам К.Маркса, французы стали буквально «штудировать» свое недавнее революционное прошлое, чтобы лучше подготовиться к предстоящим боям. ¹² П.Груссе считал Мале твердым якобинцем, «из когорты Робеспьера», стремившимся восстановить во Франции республику. В своей трактовке этих событий он исходил из твердого убеждения, что «общество филадельфов» принимало участие в выступлении 1812 г. против Наполеона: «Этот человек не был одиначкой, у него были ресурсы и было содействие. Он был членом большой организации». ¹³ Но ввиду того, что архивы были закрыты, автор не смог доказать свои выводы документально. Поэтому его интересный труд больше представляет смелые умозаключения, нежели доказательства. Вряд ли, рассуждал он, есть смысл сомневаться в признаниях Ш.Нодье о его причастности к тайному обществу. Ведь Шарль Нодье сам в течение длительного времени преследовался французской полицией и свою молодость провел в наполеоновских тюрьмах. «Вместо того, чтобы отрицать столь ценные свидетельства о таких загадочных организациях, — писал Паскаль Груссе, — мы поздравляем себя с тем, что обладаем ими». ¹⁴

Точку зрения П.Груссе поддержал известный робеспьеристский исследователь, последователь Луи Блана в трактовке истории французской революции, Э.Амель. В отличие от своего предшественника, он использовал в своей книге (1873 г. издания) архивные материалы. Особое внимание Э.Амель обратил на первый заговор Мале (1808 г.), с которым почти ничего не было известно. В результате скрупулезного изучения документов автор пришел к выводу, что «общество филадельфов» было реальной политической силой, хотя и не такой значительной, как писал Ш.Нодье. По мнению Э.Амеля, «филадельфы» подготовили первое выступление Мале, но ничем не проявили себя в 1812 г. «Что касается участия «филадельфов» во втором заговоре Мале, то это легендарно», — писал он. ¹⁵

Гипотезы и находки П.Груссе, Э.Амеля и некоторых других историков нашли окончательное подтверждение в ходе последующих исследований. Не вдаваясь сейчас в подробную характеристику литературы последних пяти-шести десятилетий, отметим лишь, что существование «филадельфов» ныне уже можно считать полностью доказанным.

Но, если спор о реальности этого общества можно считать уже законченным, то еще далеко неясно, что представляли из себя «филадельфы» на разных этапах своей деятельности и какова их конкретная роль в бурных событиях того времени.

2. Становление «филадельфов» как политической организации

О происхождении этого общества сохранилось немного сведений. Нам известно лишь, что сама организация возникла задолго до учреждения империи и даже консульства — в последние годы Директории. Первый написанный устав «филадельфов» датируется ноябрем 1797 г., и, видимо, это время следует принять за формальное начало деятельности общества. В ту пору оно было распространено в основном в провинции Франш-Конте (деп.Юра), а центр его находился в г.Безансоне. В момент своего основания «филадельфы» представляли собой типичную филантропическую организацию масонского типа, совершенно лишенную какой-либо политической окраски. В их уставе, составленном 25 ноября 1797 г. Ш.Нодье и его четырьмя товарищами, говорилось, что задачей общества «является взаимная помощь и принесение добра людям». «Филадельфы» должны были соблюдать свято верность друг другу и никому не раскрывать своих тайн. На них возлагалось исполнение различных мистических обрядов: например, 5 числа каждого месяца в 5 часов вечера «каждый брат на 5 минут» поворачивался к заходящему солнцу, старался мысленно обратиться «к своим друзьям и подумать над их процветанием».¹⁶

На своих собраниях «филадельфы» обсуждали лишь морально-этические вопросы. Устав категорически запрещал касаться политических и теологических тем.¹⁷ Единственными критериями, которыми руководствовалась основатели общества при приеме новых членов, были личные качества и таланты, а отнюдь не политическое кредо. «Добродетели, честное сердце есть несомненные достоинства, заслуживающие рекомендации, — писал Люкко, один из лидеров тогдашних «филадельфов», — но я не хочу, чтобы они были единственными, и они должны находиться в сочетании с талантами, которые могут сделать ассоциацию блестящей»¹⁸.

Отсюда видно, что «общество филадельфов» в момент своего возникновения и до начала консульства было типичной масонской организацией, не представляющей опасности ни Директории, ни на первых правах Наполеону. «Филадельфы» писали различные эссе, в которых обещали друг другу верность и дружбу, устраивали собрания с чтением своих стихов и произведений, сопровождающиеся обильными банкетами, как могли, образовывали друг друга и мало задумывались над событиями, происходившими в те дни во Франции. Взгляды самого Ш.Нодье, наиболее известного из ранних «филадельфов», были путанными, и как он сам признавался, состояли «из разных элементов».¹⁹ Такой же тумбур царил и в головах его молодых товарищей по обществу.

Характер организации начинает постепенно изменяться после бонапартистского переворота 18 брюмера 1799 г., когда в среде «филадельфов» возникает стремление к политическим действиям. Одним из первых к этому стал стремиться Ш.Нодье. В 1800 г. он выступил перед своими товарищами с программной речью. Черновик ее сохранился (его обнаружил Л.Пэнго), и он дает возможность судить о предложениях Ш.Нодье. Нодье говорил, что их институт имеет существенные недостатки, коренящиеся в «его первоначальных установлениях». Для процветания организации необходимо изменить поле деятельности и смелее вторгаться в жизнь». «Филадельфы, — восклицал Ш.Нодье, — вы не должны опасаться своих сил. Вы имеете все, что необходимо для великого действия. У вас нет только двух факторов: объединения и принципов». «Следовательно, — заключил Ш.Нодье, — я хочу, во-первых, дать обществу моральный и политический кодекс; и, во-вторых, укрепить связи между членами».²⁰

Речь Ш.Нодье отражала, таким образом, этап в постепенной эволюции «филадельфов» от филантропического объединения к организации, имеющей более или менее четкое политическое кредо. В скором времени, по-видимому, где-то около 1802 г., сам Ш.Нодье опубликовал оду «Наполеон», в которой высмеивал «великого человека»; его произведение широко распространялось в антибонапартистских салонах.²¹

Преобразованию «филадельфов» в политическую организацию способствовало также вступление в их ряды горячего республиканца, офицера консульской армии Жака-Жозефа Уде. Он оставил настолько значительный след в обществе, что даже много позже, в 1824 г., это отмечала французская полиция. «Орден, — говорилось в ее записке об организации Ф.Буонарроти, которая брала начало от «филадельфов», — до сих пор хранит память об Уде, французском генерале, павшем в битве при Ваграме». ²² Отметим также, что и Ф.Буонарроти также высоко оценивал роль этого офицера. Он включил его имя в составленный им незадолго до смерти «Список великих людей», дав Уде такую характеристику: «Основатель общества филадельфов, боровшихся с тиранией Бонапарта». ²³

Именно под влиянием Уде были проведены те изменения, о которых говорил Ш.Нодье. Позднее в своих воспоминаниях Ш.Нодье так характеризовал его роль: «Он реорганизовал общество, создав иерархию из трех степеней, получившей название «лестница филадельфов». ²⁴ Верховным вождем всей организации являлся «архонт», возглавлявший «академию» (вторую ступень), члены которой решали исключительно вопрос о приеме новых членов. И наконец, третьей степенью были рядовые «филадельфы», собиравшиеся время от времени на «ассамблеи», называемые «синодами». ²⁵ Помимо этого, Уде усовершенствовал систему конспирации. «Филадельфы» высших званий были известны в организации под античными именами: Марий, Катон, Фемистокл, Спартак, сам Уде принял имя греческого героя Фелипомена ²⁶. В качестве паролей стали шире использоваться тайные знаки и масонская символика. Эта структура общества в основном сохранилась в период империи Наполеона и даже, как мы покажем ниже на примере организации Ф.Буонарроти, в годы реставрации. Согласно де Сент-Альбену, «тайный комитет архонтов» руководил в период империи ассоциацией, причем состав его был неизвестен рядовым «филадельфам». ²⁷ Когда «великим архонтом» стал генерал Мале, то он сосредоточил в своих руках полную власть над всеми членами организации. «Приказы в этом случае, — писал де Сент-Альбен, — пересылались при помощи братьев-путешественников». ²⁸ Отметим, что при обыске Р.Базена в 1808 г. был обнаружен «план общества братьев-путешественников». ²⁹

Подобная организационная структура говорила о сильном сходстве «филадельфов» с «иллюминатами» (орденом, созданным до французской революции А.Вейсгауптом), которое уже было отмечено рядом исследователей и прежде всего К.Франковичем. По мнению К.Франковича, в частности, «филадельфы» образовались из иллюминатских групп и демократически настроенных офицеров в последние годы консульства (около 1803 г.). ³⁰ В ордене А.Вейсгаупта также существовала трехъярусная система разделения всех его членов. Последнее объяснялось тем, что человек, ставший иллюминатом, совершенствовался внутри общества и постепенно разрушал «грубую кору» предрассудков и пороков. Переходя в более высокую степень, он узнавал и новую часть доктрины, которая не была известна ему раньше. Так, постепенно происходило его очищение, и сам этот процесс, по замыслу А.Вейсгаупта, был подчинен самой суровой регламентации и рассчитан даже на несколько поколений. ³¹ Нетрудно понять, почему А.Вейсгаупт избрал именно такой тип организации. Его просветительская теория в духе Ж.Руссо и крайний эгалитаризм не могли сразу вызвать широкое сочувствие, что и требовало ступеней для постепенного восприятия иллюминатской идеологии. Такой тип организации удачно совмещал стремление к ее массовости с твердой идейной последовательностью и верностью принципам.

Однако, хотя А. Вейсгаупт явился основателем первой конспиративной политической организации, он совсем не стремился к завоеванию власти насильственными средствами. Преобразованию человеческого общества должно было предшествовать, по его мнению, моральное обновление людей. «Одна мораль, — говорилось в его катехизисе, — произведет нечувствительно этот переворот».³² Поэтому задачу ордена А.Вейсгаупт видел в возможно более широком и активном распространении догм просветительской идеологии и в постепенном (без насильственных действий) овладении всеми рычагами управления и культуры. Как справедливо отмечал в этой связи советский исследователь С.Ланда, в отличие от масонства, ограничившего свою деятельность исключительно целями морального самоусовершенствования, орден иллюминатов видел в морали могущественное средство для достижения идеального общественного устройства. «Орден, по замыслу его создателей, — писал С.Ланде, — постепенно расширяясь, конкурировал с государством, становился безмерно могущественнее его и наконец разрушал его, заменяя новой социальной организацией — ассоциацией свободных и независимых людей».³³

Нет необходимости лишний раз отмечать несбыточность этих великих, по их замыслу, планов; но, несмотря на всю их утопичность, иллюминаты оказали значительное влияние и на просветительскую идеологию и на последующее революционное движение.

Ныне исследователями выявлено их влияние на «социальный кружок» К.Фоме и Н.Бонвиля (Н.Бонвиль был членом ранее ордена иллюминатов), на некоторых якобинцев, в частности Ш.Гесса, на мировоззрение С.Марешаля, Ф.Буонарроти и других «равных».³⁴

Нет ничего удивительного в том, что и «филадельфы» использовали в качестве образца организационную структуру иллюминатского ордена. Из книги Ш.Нодье известно, что Ж.-Ж.Уде, возглавив общество и обдумывая способы его преобразования, предварительно изучил всю имеющуюся литературу о тайных ассоциациях.³⁵ Вполне вероятно, что, помимо литературы, среди которой, конечно же, были и сочинения иллюминатских идеологов, и враждебных им, например, широко известной книги аббата Баррюэля³⁶, Уде использовал и свои личные связи. Выше уже отмечалось, что, будучи комендантом о.Ре, Уде установил связи с политическими заключенными, содержащимися там, и даже способствовал их побегу, в частности, Ф.Лепелетье.³⁷ Самого Ф.Буонарроти он не знал, это ясно из некоторых писем Ф.Буонарроти,³⁸ но, как установил исследователь К.Франкович, был знаком с Н.Бонвилем.³⁹ Видимо, какое-то отношение Уде мог иметь и к якобинским заговорам 1800 г., но тут мы не располагаем совершенно никакими данными, кроме единственного свидетельства на этот счет Ш.Нодье.⁴⁰

Так или иначе, но Уде, так же как и других руководителей организации — Р.Базена, генерала Мале, Л.Анджелони, было немало возможностей для знакомства с деятельностью предшествующих тайных обществ и прежде всего иллюминатского ордена. Но в отличие от иллюминатов, пытавшихся действовать исключительно насильственными средствами, путем все более широкого распространения новой морали, «общество филадельфов было сугубо политической организацией, как по своим конечным целям, так и по средствам. И в этом смысле «филадельфы» вели свою традицию от революционных объединений и даже от «равных». Этот факт неоднократно подчеркивался не только французской полицией⁴¹, но и некоторыми современниками.⁴²

В условиях деспотического режима и чрезвычайной пассивности масс «филадельфы» не могли рассчитывать на активное выступление народа или восстание бедноты в Париже. Сознвая иллюзорность подобных надежд, они рассчитывали почти исключительно на силу своей организации. Ш.Нодье говорит и мы полагаем, что к этому заявлению следует отнести с доверием, что в период консульства предпринимались попытки уничтожения Наполеона с помощью покушения или навязанной ему дуэли. Убийство первого консула мыслилось «филадельфами» как необходимый для государственного переворота акт.⁴³

При Уде общество выросло численно и консолидировалось в политическую организацию в основном республиканского толка. Ее местные ответвления возникли под различными названиями в разных местах: «адельфы» в Пьемонте, в армии «филадельфы» были известны как «голубые братья», в деп.Юра они, по-видимому, включили в себя полуякобинские братства «добрых кузенов», возглавляемые П.-Ж.Брио.⁴⁴ В своей массе членами тайного общества становились республиканцы, в прошлом активные участники революции: Р.Базен, Л.Анджелони, бабувист Бодеман, в 1803 г. вступил Ф.Буонарроти⁴⁵ и др., но принимались в организацию также и конституционные монархисты (они находились в ничтожном меньшинстве).⁴⁶ Четко выраженный республиканский характер организации будет показан на примере двух заговоров генерала Мале.

О деятельности «филадельфов» в период консульства нам почти ничего не известно. Как уже выше говорилось, нет точных данных, подтверждающих заявления Ш.Нодье о причастности тайного общества к якобинским заговорам 1800 г. По словам Ш.Нодье, членом общества, а позднее и руководителем, стал генерал Моро, известный под псевдонимом Фабий, которого именно поэтому так преследовал Наполеон.⁴⁷ К сожалению, это свидетельство почти невозможно проверить. Мы знаем лишь, что позднее, в двух заговорах Мале, имя Моро фигурировало в качестве премьера будущего республиканского правительства, но в данном случае Мале мог руководствоваться общими соображениями, связанными с популярностью этого генерала. Вполне возможно, что «филадельфы» предпринимали и попытки освобождения Моро (вспомним Бертуа), но никаких точных данных на этот счет не сохранилось. Без этих доказательств версия об участии Моро в деятельности общества остается только гипотезой, очень романтической и красивой в описании Ш.Нодье.

Первые достоверные сведения о политической активности «филадельфов» относятся уже к началу империи. В марте 1805 г. власти Юры получили два анонимных письма, в которых говорилось о существовании проекта нападения на императорский кортеж во время проезда Наполеона в Милан. Нападение должно было быть совершено на дороге, которая шла от города Доля, силами 400 хорошо вооруженных смельчаков. Организатором всего предприятия, сообщалось в письмах, являлся **Декланше** (Declanchet), бывший парижский «бешеный» (активный проводник террора в 1793—1794 гг.), бежавший в г.Доль после 9 термидора и дважды заключавшийся в тюрьму — в 1795 и 1800 гг.⁴⁸ Обобщая информацию, содержащуюся в анонимных письмах, префект Юры писал в Париж: «Декланше, подстрекаемый в Безансоне обществом исключительных, зачитывал перед ними свой план, задачей которого является будто бы восстановление Бурбонов, но в действительности (le but réel) возвращение к режиму 1793 г.»⁴⁹ «План, — добавлял автор письма, — не получил одобрения у некоторых патриотов Безансона, но он по вкусу их корреспондентам в Париже, Лионе и в других крупных городах».⁵⁰

Тогда же за Декланше и его близким окружением было установлено полицейское наблюдение. В скором времени оно показало, что он поддерживает связи с некоторыми роялистами — **Пиро, Нодье и Бюге**. Итогом всей этой слежки явилось следующее резюме префекта Ду, которое предваряло окончание дела: «Декланше и Пиро являются вожаками и стремятся сплотить вокруг себя людей их типа... чтобы установить связи с иностранными агентами».⁵¹

Тогда же были арестованы Декланше (в г. Доле) и Бюге (в Безансоне), Нодье и Пиро удалось скрыться. У Декланше была обнаружена рукопись, содержащая «достаточно ясный» план восстания⁵², однако полностью доказать его вину не удалось. Декланше и Бюге все отрицали. Несмотря, однако, на предпринятые действия, Наполеон избрал другой путь для проезда в Милан и возвращался обратно через Лион и Мулен, значительно отделившись от Франш-Конте. Мы не можем сказать, насколько серьезной и подготовленной была эта попытка. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы лишь позволяют судить о наличии самого замысла, но не о его деталях и даже степени подготовленности. В том, однако, что у Декланше и безансонских роялистов было стремление покончить с Наполеоном, сомневаться не приходится. Позднее, уже в 1815 г., Ш.Нодье в своей книге рассказал об этом плане, назвав его «альянсом», то есть союзом двух сил: республиканцев и роялистов.⁵³ Мы полагаем, что этому рассказу Ш.Нодье следует доверять, тем более, что он находит подтверждение в полицейских досье, о существовании которых, разумеется, Ш.Нодье ничего не знал. Ему тем более следует доверять, что, как видно из материалов

наблюдения, Нодье близко знал Декланше и вместе с ним вынашивал описанные выше «возмутительные проекты».

По нашему мнению, этот процесс преобразования «филадельфов» из филантропической организации масонского толка в политическое общество растянулся на несколько лет и только к концу консульства ассоциация стала приобретать более или менее выраженный антибонапартистский и республиканский характер. Поэтому можно согласиться с К.Франковичем, некоторыми другими исследователями и современниками (Ф.Конфалоньери), датирующими основание общества 1803—1804гг.⁵⁴

3. Вступление Мале в тайное общество

Дальнейшая деятельность «филадельфов» была связана с генералом Мале, который дал свое имя двум самым крупным республиканским заговорам. По своим убеждениям Мале был якобинцем, подлинным рыцарем Республики. «Он искренне вошел в революцию, — писал о нем министр полиции Савари, весьма далекий от сентиментальности, — и исповедовал ее принципы с большим жаром. Для заговора он обладал характером, который имели древние греки и римляне».⁵⁵ **Клод-Франсуа Мале** родился в городе Доле 28 июня 1754 г. Его родители принадлежали к древнему, но уже обедневшему роду графов Перигоров. Очень молодым Мале вступил в полк королевских мушкетеров и прямо накануне революции получил звание капитана. Подобно многим дворянам того времени, Лафайету, Сен-Симону, Мирабо, он воспринял новые идеи и философию восемнадцатого века, однако окончательно его республиканские и демократические взгляды сформировались только в ходе революции. Мале приветствовал взятие Бастилии, стал командиром национальной гвардии своего родного города Доля, а 14 июля 1790 г. уже представлял свой департамент Юра на Марсовом поле в Париже.

Трудно сказать как формировались его революционные взгляды, но очевидно, что грозная атмосфера Парижа способствовала его политическому просвещению. В дальнейшем Мале оказался среди якобинцев и старался во всем подражать им. Он уничтожил приставку «де» в своей фамилии, постриг волосы на манер якобинцев, своего собственного сына отказался крестить, одобрял женитьбу священников, а по вечерам, как писал один из его биографов, в казармах распевал песню французских санкюлотов «На фонарь аристократов» («Ca ira»)⁵⁶.

Мале участвовал в революционных войнах, выполнял различные задания Комитета общественного спасения, а после фрюктидора 1797 г., проживая в Безансоне, активно боролся с роялистскими агентами. «Его ярый республиканизм, — писал о Мале префект Парижа Паскье, — не охладили даже ужасы революции. Он принадлежал к тем, кого в армии называли террористами».⁵⁷ Французский исследователь Ж.Феврье установил, что Мале входил в состав особого трибунала, созданного в Безансоне после фрюктидора 1797 г. для расправы с контрреволюционерами. Подпись Мале стояла под всеми приговорами революционного трибунала, отряд под его руководством осуществлял казни.⁵⁸ Всего с декабря 1797 г. и до 30 июля 1798 г. в Безансоне было казнено восемь неприсягнувших священников и неизвестное количество эмигрантов. По словам одного роялистски настроенного историка, политическая деятельность Мале «вызывала к нему ненависть».⁵⁹

В этот период он примыкал к якобинскому меньшинству Безансона. Вместе с Корнелем и Лемаром, бывшими эбертистами, Мале выступил против умеренного республиканского большинства термидорианского толка. Он принял участие, в частности, и в организации местного народного общества и в жерминале 1798 г. был избран якобинцами Безансона в Совет 500. Однако его выборы, как и других 106 левых депутатов, Директория кассировала, заменив их своими кандидатами.

Парламентский неуспех не сломил волю и решимость молодого офицера. По словам современников, Мале использовал свои дружеские связи с комендантом Безансона Бержероном и генералом Мюллером (командующим 6-й дивизией) для замены офицеров, не разделяющих якобинские принципы. Тогда термидорианцы послали петицию Директории, в которой просили направить Мале в действующую армию или, по крайней мере, отдалить от департамента.⁶⁰ Директория немедленно удовлетворила эти просьбы. Мале получил приказ о переводе в Страсбург, но не выполнил его и продолжал оставаться в Безансоне, мотивируя это плохим состоянием здоровья. В свою очередь, якобинцы муниципалитета запросили у военного министра разрешение оставить Мале в городе, высоко оценивая его роль после фрюктидора. К их просьбе присоединился затем и генерал Мюллер (5 января 1799 г.), но без успеха. Директория сместила со своих мест не только Мале, но и Мюллера и Бержерона, которые, однако, не покинули Безансон и продолжали, вопреки приказу, находиться в городе. Их присутствие, сообщалось в послании центральной администрации Ду, «вызывает возмущение и беспокойство общественного мнения».⁶¹ И только после повторного письма военного министра все трое покинули Безансон.

Мале отправили сначала в Гренобль, а потом в действующую армию. Он воевал в Италии под командой Шампийонне, который весьма высоко оценивал его личную храбрость и воинские таланты.⁶² Сохранилось немало рапортов правительству, где этот прославленный полководец отмечал храбрость своего офицера. После одного из них парижский «Монитор» даже сообщал, что отряды, возглавляемые генералом Мале, предприняли атаку и в районе Малого Сен-Бернара разбили австрийцев, захватив при этом 300 пленных и массу продовольствия.⁶³ По распоряжению Шампийонне Мале был произведен в дивизионные генералы, но Наполеон, придя к власти, утвердил его в звании только бригадного генерала.

К перевороту 18 брюмера Мале отнесся резко враждебно. Как рассказывал аббат Лафон в своих мемуарах, Мале, будучи начальником Дижонского лагеря, вошел тогда в сношения с генералом Брюном, большим другом в прошлом Камилла Демулена. Целью их тайного сговора было арестовать Бонапарта, когда тот приедет в лагерь инспектировать войска.⁶⁴

О том же самом писал и один из помощников Фуше Демаре.⁶⁵ Вполне возможно, что такой заговор имел место и что к нему были также причастны офицеры из штаба Бернадотта, выступившие в 1802 г. Так или иначе, но определенно известно, что Бонапарт в Дижон не приехал, а генерал Брюн был отправлен в Итальянскую армию. Вскоре произошла встреча Наполеона и Мале, несколько прояснившая позиции обоих «Я служил, — сказал генерала первый консул, — с одним капитаном артиллерии по имени Мале. Ваш брат, несомненно? Но он роялист, а вы республиканец».⁶⁶ Конечно, из этих слов еще не вытекал «приговор», как поспешно выразился один историк, к перевороту 18 брюмера присоединились многие якобинцы, но Наполеон, видимо, во время встречи почувствовал твердость взглядов Мале, республиканизм которого шел «гораздо дальше» (слова д'Абрантес), чем он хотел этого.⁶⁷

Мале проявил уже отчетливо свою оппозицию, находясь на посту коменданта г. Бордо. В 1802 г. он подал свой голос против пожизненного консульства. Но Наполеон не терял надежды привлечь на свою сторону мятежного генерала, и поступил с ним так же, как поступал со многими своими противниками. Он произвел Мале в командоры ордена Почетного легиона, ответом же было весьма холодное и сухое письмо канцлеру ордена Ласепеду. «Гражданин, — писал Мале, — я получил письмо, в котором вы извещаете меня о доверии, каким я отмечен на большом совете ордена Почетного Легиона. Эта награда требует от меня быть более и более достойным общества, освоенном на любви к свободе и равенству».⁶⁸

Когда же Наполеон провозгласил себя императором, то Мале поздравил его в таких выражениях, в которых можно было почувствовать не только неодобрение, но даже скрытую угрозу: «Гражданин первый консул, мы присоединяем наши чувства к тем французам, которые желают видеть нашу родину счастливой и свободной. Если наследственная империя есть единственное убежище от бед — то будьте императором, но употребляйте весь авторитет, который дает вам высшая администрация, чтобы новая форма власти основывалась бы на способе действий, избавившем бы нас от бездарности и тирании ваших наследников. Иначе в один день мы потеряем часть нашей прекрасной свободы и наши дети будут упрекать нас за то, что мы ею пожертвовали».⁶⁹

Свои чувства по поводу этого события он уже в откровенной форме высказал в письме к своему другу генералу Гоберу: «Я думал, что когда нужно было в этих трудных условиях принять такое решение, то следовало сделать это с достоинством и не уподобляться роли лягушек, выквакавших себе короля».⁷⁰

Можно согласиться с А.Оларом, что, хотя нам неизвестен вотум Мале, «невозможно допустить, чтобы этот генерал вотировал утвердительно».⁷¹

В то время он проживал в Ангулеме, и по-видимому, не скрывал особенно своих чувств к императору. Префект Боннэр и другие полицейские чиновники, неоднократно сообщали о нем в Париж и намекали на его антиправительственную деятельность. Боннэр в своих рапортах называл генерала «великим хулителем правительства», доносил о том, что единственным домом, где не было иллюминации по случаю коронации Наполеона, был дом Мале, а его хозяин вступил «в неподобающее знакомство с республиканцами, которых переворот 18 брюмера сделал возмущенными».⁷²

При этом Боннэр замечал, что он бы «еще сдержался, если бы не то, что говорил Мале, относилось к нему лично, но это касается спокойствия департамента».⁷³ А несколько позже, 18 июля 1804 г., городская полиция сообщила в Париж: «Эти люди, количество которых трудно определить, были объединены генералом Мале в его личный комитет».⁷⁴

Сведения о Мале появляются и в бюллетенях Ж.Фуше, которые шли на прочтение императору. В одном из них от 22 июля 1804 г. можно прочитать небольшую заметку «Ангулем. Анархисты. Префект Шаранта сообщает, что еще остались в Ангулеме сторонники анархии 1793 года, которых генерал Мале вновь возвратил, вызвав тем самым волнение; что после его отъезда они несколько раз собирались перед 11 июля и во время одной из оргий распевали песни против существующего порядка». И резюме бюллетеня: «Префект просит о замене гарнизона».⁷⁵ Наконец, 25 сентября 1804 г. последовало категорическое заявление Боннэра: «Даю слово чести, что генерал Мале, несмотря на внешнюю любезность, является *одним из главных противников правительства*».⁷⁶

Историки обычно мало обращали внимания на ангулемский период жизни Мале. А между тем, если учесть, что именно он дал свое имя двум заговорам против Наполеона, доказавшим совершенно определенно наличие во Франции активного республиканского подполья, то следовало бы внимательнее отнестись к рапортам Боннэра в Париж. Его подозрения были продиктованы, конечно, не личной антипатией, а вполне реальными опасениями.

В этой связи было бы небезынтересно выяснить, в какой момент Мале установил связи с «филадельфами»? Согласно Ш.Нодье, это произошло не в безансонский период его службы, а много позже, но точную дату он не называет. Нам представляется возможным датировать вступление Мале в общество примерно 1804—1805 гг., когда он находился в Ангулеме или затем в армии Массена в Италии, где он воевал с третьей коалицией в районе Вероны. Там, в Италии, адъютантом Мале был майор Уде, а сам генерал недолгое время занимал пост губернатора Рима. Трудно допустить, чтобы эти два республиканца, общаясь столь близко, не вступили друг с другом в тайные контакты. Уде в это время занимался активной антиправительственной деятельностью. Генерал Мену, главный губернатор Альпийских департаментов, подозревал его в распространении «возмутительных сочинений». «Он поддерживает, — писал Мену, — переписку с одним человеком, приближенным к Его Величеству, но которого он не называет».⁷⁷ Таким образом, есть все основания допустить, что именно Уде вовлек Мале в тайное общество. На это также указывал Ш.Нодье, сообщавший, что Мале стал известен в организации под именем античного героя Леонида.⁷⁸ Другой современник и, как можно полагать, участник республиканского движения, Русселен де Сент-Альбен в своих записках отмечал, что Уде дал рекомендации генералу к Луиджи Анджелони, проживавшему в Париже, который и способствовал вступлению Мале в тайное общество.⁷⁹ Эта версия представляется нам вполне правдоподобной, так как факт близких взаимоотношений Мале и Анджелони подтверждается многими документами.⁸⁰

Таким образом, посвящение Мале в «филадельфы» состоялось уже после учреждения империи, но не позже 1807 г. Именно в 1807 г., как свидетельствуют полицейские бюллетени, за ним было установлено «специальное наблюдение».⁸¹ Тогда же Мале выходит в отставку и с семьей переезжает в Париж, где начинает деятельно готовиться к антинаполеоновскому заговору.

4. Первое выступление Мале (1808 г.)

Эту первую попытку Мале министр полиции Ж.Фуше назвал «заговором предположений». Ниже мы объясним скрытый смысл такой характеристики, а пока отметим, что для подобной оценки имелись основания: самого выступления не произошло, ни в одном из районов Парижа не было даже вспышки восстания, и, тем не менее, ни у полиции, ни у Наполеона не оставалось никаких сомнений в реальности заговора.

Историки мало касались этих событий, считая их незначительными, и только Э.Амель обратил внимание на серьезность всего предприятия Мале. Он весьма убедительно опроверг мнение, будто Мале и его друзья стали жертвой полицейской провокации.⁸² Позже точку зрения Амель поддержали другие исследователи.

Этот первый заговор Мале представляет большой интерес для историка наполеоновской эпохи еще по одной причине. Он по-своему отражает не только саму республиканскую оппозицию и ее место среди других политических сил страны, но и социальные процессы, происходившие во Франции. Другими словами, заговор Мале был не только свидетельством, но и в какой-то мере следствием возникающего кризиса режима, в основе которого лежало сужение социальной базы бонапартизма.

Подавляющее большинство населения Франции, в том числе собственническое крестьянство и буржуазия, тяготилось войной и мечтало о мире. Особенно отчетливо эти настроения стали проявляться с 1806 г. Г-жа де Ремюза, известная мемуаристка, подметила любопытный факт. Уже никто не верил, рассказывала она в своих воспоминаниях, и даже считали лишним притворяться, в оптимистический тон газетных статей, изображавших радость рекрутов по случаю набора их в армию.⁸³ В верности этого психологического наблюдения легко убедиться по другим мемуарам и прежде всего по наполеоновской переписке. Во многих посланиях императора министру полиции Фуше, префектам идет речь о дезертирстве, которое стало характернейшим явлением тех дней. Оно измерялось, как можно судить по этим письмам, не в единицах, а в тысячах и даже в десятках тысяч, бежавших из армии или уклонившихся от воинской службы.⁸⁴

Свои причины быть недовольными режимом имелись и у крупной промышленной и торговой буржуазии. Континентальная блокада только на первом этапе, условно можно сказать, до 1808 г., способствовала росту французской экономики, в дальнейшем же, она превратилась в ее тормоз, поскольку затрудняла проникновение во Францию колониальных товаров, без которых было невозможно развитие отечественной промышленности. Именно в 1808 г. в хлопчатобумажной, кожевенной и некоторых других отраслях промышленности разразился кризис, вызванный в основном недостатком сырья,⁸⁵ как известно, в дальнейшем Наполеону самому пришлось разжать тиски блокады и установить систему лицензий). Но в особенно трагическом, или, по словам Е.В.Тарле, в «самом угнетающем» положении оказалось купечество приморских городов (Марселя, Гавра, Нанта, Тулона и др.), издавна ведущих внешнюю торговлю, и теперь вынужденных отказаться от этого.⁸⁶ Континентальная блокада встречала осуждение и крупных сановников, нам известны неодобрительные отзывы о ней министра внутренних дел Монталиве, маршала Мармона, банкира Лафита.⁸⁷ Характерно, что эти речи звучали почти открыто — Лаффит, например, высказывал свои обиды прямо министру полиции Савари.⁸⁸ Подобная откровенность уже сама по себе была примечательна. Е.В.Тарле, досконально исследовавший континентальную блокаду, говорит, что часть промышленного мира после 1808 г. покорялась императору уже больше за страх, нежели за совесть.⁸⁹

В еще большей степени те же чувства были свойственны покоренным народам: немцам, итальянцам, испанцам, полякам. Экономика их государств, вследствие протекционистской политики Наполеона, находилась в полном расстройстве. На этой почве возникло национально-освободительное движение, порой очень сложное по переплетению демократических и феодальных элементов, но полностью антифранцузское. В 1808 г., как полагают исследователи, в Италии создается общество карбонариев, еще раньше, в 1806 г. — в Калабрии вспыхнуло антифранцузское восстание, которое удалось подавить только армией Массена. В том же 1808 г. в Пруссии возникло тайное общество «тугендбунд», в Испании началось партизанское движение «герильерос», годом позже в 1809 г., в Вене прямо перед Шенбрунским дворцом был арестован студент Штанс, не скрывавший своего желания убить Наполеона.

Так, за блестящим фасадом империи, достигшей, казалось, к этому времени своего зенита, обрисовывались все большие трудности. Именно в 1808 г. Фуше и Талейран, два самых активных и способных сторонника Наполеона, изменяют ему:

Фуше завязывает отношения с внутренними врагами режима, как с роялистами, так и с республиканцами, Талейран фактически становится платным агентом австрийского и русского двора. Складывание этого оппозиционного союза (Фуше-Талейран), как справедливо заметил А.З.Манфред, было не только выражением их личного недовольства; «в лице Фуше и Талейрана, в лице миллионера Уврава, арестованного в 1808 г, брюмериянская буржуазия, являющаяся до сих пор опорой империи, переходила в оппозицию к бонапартистскому режиму».⁹⁰ В совокупности недовольство промышленников и торговцев, роптание крестьянства, измена близких Наполеону сановников означало сужение социальной базы режима, начало того движения, которое приведет затем наполеоновский режим к полному краху.

Как мы увидим ниже, происходившие во Франции социальные процессы по-своему улавливались республиканцами, прежде всего Мале и «филадельфами», в чьей программе они частично нашли отражение.

Оказавшись в Париже в 1807 г., Мале вместе со своим другом юности якобинцем **Эвом Демайо** (Eve Demaillot) создал из «филадельфов» и республикански настроенных военных тайную группу по подготовке заговора.⁹¹

В состав этой группы также входили: Р.Базен, Лемар, Гарио, Жандр, Корнель, Анджелони, Бод, Бодеман, Делавинь, Бланше, Льебо, Ж.-Ф.Рикор, Сэффер, А.Рикор, Серван, Пуальпре.⁹² В политическом отношении все перечисленные, за исключением генерала Сервана, бывшего военного министра Жиронды, принадлежали к якобинцам или бабувистам. В качестве примера приведем несколько наиболее колоритных биографий:

Рикор Жан-Франсуа был членом Конвента; вместе с Робеспьером-младшим находился в Итальянской армии. Близко знал Ф.Буонарроти и принимал участие в заговоре Бабефа. Был арестован сразу после 18 брюмера.

Бодеман — бывший член якобинского клуба, который он посещал, по словам де Сент-Альбена, «вплоть до его закрытия». ⁹³ В период Директории вошел в «заговор равных», где исполнял функции тайного «агента». ⁹⁴ Он близко знал Ф.Буонарроти, и как свидетельствуют некоторые документы, хотел написать его биографию. ⁹⁵

Бланше Луи — убежденный последователь Робеспьера. Преследовался после 9 термидора 1794 г. Во время процесса над Бабефом организовал сбор средств в пользу обвиняемых, за что был привлечен к судебной ответственности. ⁹⁶

Анджелони Луиджи — входил в правительство Римской республики. В 1800 г. был замешан в заговоре Арена и 10 месяцев провел в тюрьме. В течение всей своей жизни он поддерживал близкие отношения с Ф.Буонарроти, хотя и не разделял его уравнилельских воззрений. ⁹⁷

Бод — активный участник революции, «он был счастлив в день провозглашения Республики» (де Сент-Альбен), член якобинского клуба. Бод был причастен к движению Г.Бабефа и проходил по Вандомскому процессу. ⁹⁸

Эв Демайо — ярый якобинец, выполнявший различные задания Комитета общественного спасения. А.Матьез его называет «учителем Сен-Жюста». ⁹⁹ После 9 термидора 1794 г. он был заключен в тюрьму. Эв Демайо был знаком с Г.Бабефом, хотя неясен характер их взаимоотношений. Преследованиям подвергся сразу после переворота 18 брюмера. Он являлся автором многих памфлетов, написанных в разное время, где прославлялась якобинская диктатура. ¹⁰⁰ «Будучи уже более 60 лет, — говорит о нем его современник де Сент-Альбен, — он был весь пламя, пылкость юности и революции». ¹⁰¹

Гарио — демократ в духе II года, «сильно увлекавшийся произведениями Руссо и Мабли», «Гарио остался верным их доктринам». ¹⁰²

Базен Ригоме — участник революции. В 1796—1797 г. он пропагандировал в своем родном городе Маисе идеи «бешеных», был членом Манежа и в 1799 г. издавал ангитермидорианский журнал «Демократ». По словам Ж.Дотри, Базен не считал себя уравнилелем на манер Бабефа, но склонялся к его проектам преобразования системы собственности и распределения общественных благ. ¹⁰³

Можно предположить также участие других бабувистов, в частности **Ж.-Б.Дидье**, бывшего «агента связи» Г.Бабефа. В конце 1807 г. полиция арестовала его и еще шесть лиц, известных якобинцев (**Ф.-Л.Фурнеро, Плансон, Лекривен, Н.Коше, Гийемине, Бело**), которые пытались объединить «крайних революционеров» в «анархистский заговор» ¹⁰⁴. Возможно, в данном случае деятельность Ж.-Б.Дидье как-то была связана с подготовкой попытки Мале (по времени это почти совпадает), в которой принимали участие знакомые бывшему «агенту связи» — Бод, Бодеман, Ж.-Ф.Рикор, Л.Анджелони и др. Участие других лиц в заговоре Мале предполагала и полиция. «**Гарио**, как и Демайо, — писал префект Парижа Дюбуа Наполеону, — поддерживал переписку со всеми экзальтированными демагогами. Видно из бумаг, захваченных у Гарио, что он был связан с бывшим генералом **Дютертром, Бодеманом, Эмилем Бабефом, Матье, Монталаном, Шануссом** и Антонеллем». ¹⁰⁶

Костяк заговора составили члены «общества филадельфов»: Мале, ставший к тому времени «великим архонтом»; Л.Анджелони; Бодеман, которого прочили на пост министра внутренних дел; Базен, являвшийся, по словам Паскье, «основателем филадельфов», Лемар, Сэффер (в его доме собирались неопиты общества) ¹⁰⁷; Жандр и другие. «Мы не ошибемся, — писал в 1936 г французский историк Луи Гарро, — сказав, что «филадельфы» находились в авангарде движения». ¹⁰⁸

В этом плане большой интерес представляет деятельность Р.Базена. В начале лета 1807 г. он стал издавать журнал «философские письма», как предполагает Ж.Дотри, совместно со своим другом Анри де Сен-Симоном ¹⁰⁹. Полиция вскоре заинтересовалась их издательской деятельностью, причем не столько самим журналом, сколько его подписчиками. Действительно, по меньшей мере показательно, что из 300 лиц, выписывавших «Философские письма», многие стали

позднее известны, как непосредственные участники заговоров Мале 1808 и 1812 гг. или проходившие по его «делу»: это Флоран Гийо, Ж.-Ф.Рикор, Эв Демайо, Бланше, Анджелони, Буонарроти, Ламбрехт (сенатор), граф Фрошо, Бод, Антонелль, выписывал журнал и сам Мале.¹¹⁰ Подписчиками Р.Базена также были Карно, Левассер, Тулот, Лэньело, Бешер (последние трое проходили по Вандомскому процессу Г.Бабефа).¹¹¹ Поэтому, на наш взгляд, вполне допустимо смелое предположение Ж.Дотри, что «Философские письма» были своеобразным способом общения между «филадельфами» и что «филадельфами» были также те из подписчиков, которые знали пароль или, быть может, умели читать журнал определенным образом.¹¹² Видимо, не случайно и то, что в одном из номеров «Философских писем» был опубликован «Диалог о философии», подписанный «Филадельф». ¹¹³ В конце 1807 г. журнал Р.Базена прекратил свое существование.

В социальном плане большинство участников первого заговора Мале (за исключением его самого) принадлежало к третьему сословию: Анджелони был сыном негоцианта и сам занимался торговлей, Жандр — врачом, Р.Базен — «состоятельный буржуа» (как говорит о нем Ж.Дотри)¹¹⁴, Бланше — артистом¹¹⁵, Льебо — юристом¹¹⁶, Сэффер — врачом, Ж.-Ф.Рикор был до революции нотариусом.¹¹⁷ Ниже по социальной лестнице стояли: Бод, «простой рабочий-декоратор»; Делавинь — «бывший токарь, один из самых честных революционеров»; Бодеман, — «пикардиец, что значит садовник, а потом солдат». ¹¹⁸ К военным, кроме Мале и Сервана, принадлежали также Гийом, Гийе, Дютертр, давшие согласие поддержать переворот.¹¹⁹

Исходя из вышеизложенного, сделаем два важных вывода:

1. Все заговорщики в прошлом были активными участниками революции и в основном принадлежали к якобинско-бабувистским кругам, включая и самого Мале; в большинстве своем они являлись представителями третьего сословия, городских и сельских низов.

2. Боевой и направляющей силой этого выступления было «общество филадельфов».

Если верить полицейским материалам, в курс заговора были введены также некоторые сенаторы: Ламбрехт, Ланжюине, Гара, Колан, а также Флоран Гийо, в прошлом голосовавший за смерть короля.¹²⁰ Возможно, при содействии кого-либо из них были сфабрикованы документы, на которых стояли печати Сената и подписи его членов.

По-видимому, в распоряжении Мале были и какие-то военные силы. Э.Амель и Русселен де Сент-Альбен с оптимизмом писали, что Эв Демайо мог рассчитывать «на 50 тысяч республиканцев, преданных делу и готовых по первому сигналу маршировать на Тюильри». ¹²¹ Та же цифра — 50 тыс. повстанцев, упоминается в полицейских протоколах.¹²² Она, конечно, совершенно нереальна, но все же некоторой опорой в войсках заговорщики действительно располагали. Выше уже говорилось о генералах, готовых поддержать движение. Отметим также, что, согласно документам, опорой заговора должна была стать 1-я дивизия, командование которой предполагалось возложить на Массена, а на пост командующего Национальной гвардии намечался Лафайет.¹²³

Заговорщиками были изготовлены сенатские указы и приказы по армии, в которых говорилось о низложении Наполеона с престола и образовании республиканского правительства. Таким образом, все выступление, хотя бы внешне, принимало характер не заговора, подготовленного группой недовольных, а совершенно законной акции, официально проводимой Сенатом.

В мнимом сенатском постановлении, которое сфабриковал Мале, говорилось:

«Сенат экстренно собрался и объявляет, что Наполеон Бонапарт изменил интересам французского народа, что он издевался над народной свободой, судьбой и жизнью своих соотечественников.

Земледелие, торговля и промышленность пришли в упадок в результате сокращения населения и роста налогов.

Нескончаемая война, ведущаяся с вероломством, вызванная жадой золота и новых завоеваний, дает пищу честолубивому бреду одного единственного человека и безграничному корыстолюбию горсти рабов, и все начала политической жизни истощаются день за днем в делах сумасбродного и мрачного деспота». ¹²⁴

Как видно отсюда, Мале достаточно ясно представлял положение дел в империи. Далее в том же декрете объявлялось, что Наполеон «поставлен вне закона» и создается **новое правительство — Диктатура**, в которую входят следующие лица: **Моро, адмирал Трюге, Лафайет, Мале, сенаторы: Ламбрехт, Ланжюине, граждане Лемар, Флоран Гийо, Базен, Корнель, секретарь**.¹²⁵ Там же сообщалось, что члены Диктатуры должны «в самое короткое время подготовить Конституцию свободы для принятия ее французским народом».¹²⁶

Помимо декрета, Мале и «филадельфы» подготовили также ряд воззваний к армии и обществу. В одном из них говорилось: «Солдаты! У вас нет больше тирана... В своем стремлении к власти он погиб. Сенат, провозгласив свержение тирана, упразднение его нелепой династии, пошел навстречу желаниям французам. Вы больше не солдаты Бонапарта, вы принадлежите отныне Родине. Диктатура сейчас занята возвращением всех войск из Германии и Испании.

Да здравствует Республика!

Мале, дивизионный генерал, член Диктатуры, уполномоченный по руководству восстанием»¹²⁷.

Этот примечательный документ еще раз свидетельствует о том, что Мале достаточно искусно расставил все политические акценты. Согласно декретам Сената, которые были сфабрикованы заговорщиками, намечалось войну в самое ближайшее время прекратить, отвести французские войска «с иностранных территорий», отменить воинскую повинность и приказ о наборах 1809 г. Без сомнения, все эти пункты вполне отвечали желанию нации. В декретах объявлялось также о восстановлении свободы прессы, культов, общественного образования, торговли, театров и т.д. Все политические заключенные, независимо от их убеждений, амнистировались.¹²⁸

Понятно, что сам переворот был возможен лишь при отсутствии Наполеона в Париже. Такой момент был удачно подобран. В начале мая 1808 г. Наполеон отправился в Байонну, где вел переговоры с испанскими грандами. Война только начиналась и все войска стягивались к Пиренеям. Тогда на одном из своих тайных заседаний заговорщики решили произвести переворот, выступление было намечено на 30 мая 1808 г. Штаб восстания предполагалось поместить во дворце архиканцлера Камбасереса, а самого его захватить. «Ведь не трудно же было, — вспоминал де Сент-Альбен, — заставить такого человека, как Камбасерес, подписать все, что угодно».¹²⁹ Мале надеялся в дальнейшем на заседании сената утвердить составленные им воззвания и декреты «Рассчитывают, — говорилось в полицейском бюллетене, — увлечь Париж и часть провинций и надеются, что армия будет дезорганизована, вследствие длительного марша на Париж».¹³⁰

Однако намеченного выступления, как известно, не произошло, а уже в начале июня 1808 г. все основные руководители заговора были арестованы. Имеющиеся материалы позволяют более или менее точно осветить непосредственные причины столь быстрого краха этой попытки. Префект Парижа Паскье рассказывал в своих воспоминаниях, что Мале, приехав в Париж, сразу привлек внимание полиции тем, что «вступил в контакты с экзальтированными людьми, всегда готовыми к заговорам против императора».¹³¹ Во время обыска, произведенного на квартире у Жакмона (члена Трибуната), был обнаружен «весьма детальный план организации Временного правительства, которое должно было быть установлено после падения Наполеона».¹³² Одновременно полиция напала на след тайной ассоциации «филадельфов» и арестовала Базена. Рассказ Паскье все же не раскрывает всех сторон этого дела. С большей точностью можно судить о действиях наполеоновской полиции по бюллетеням Фуше. В обзоре от 9 июня 1808 г. говорилось, что «генерал Лемуан сообщил префекту полиции» о заговоре.¹³³ В тот же день, 9 июня, префект Дюбуа направил Наполеону конфиденциальное письмо, которое много позже обнаружил в архивах истории Э.Амель. Оно настолько интересно, что мы приведем его почти полностью:

«Сир,

Я был извещен дивизионным генералом (это бывший генерал Лемуан), который взял с меня честное слово, что я его никому не выдам. Он рассказал о том, что существует заговор, во главе которого стоит бывший генерал Гийом и Демайю, старый агент Робеспьера. Эти два лица предложили Лемуану командовать войсками в Париже. От него я узнал также, что 12 сенаторов присоединились к заговору. Должна быть установлена Диктатура из девяти членов, уничтожены проскрипционные списки... и такими способами, имея во главе людей решительных, они рассчитывали достичь успеха. Они стремились восстановить республику, а народ и армия, за исключением горстки офицеров и генералов, бывших предметом общей ненависти, относились к перевороту сочувственно.

Я арестовал бывшего генерала Гийома и Демайю. Этот последний ничего не хотел говорить, но Гийом дал показания, которые я счел необходимым переслать Вашему величеству. Едва получив показания Гийома, я арестовал генерала Гийе, Корнеля и Гарию; бывшего генерала Мале я также приказал арестовать, но его не оказалось дома. Его жена сказала, что он уехал вчера в Фонтенебло, но я думаю, что, узнав об аресте Демайю и Гийома, он скрывается. Я договорился с министром полиции и с генералом Буке, чтобы его арестовали, где бы он находился: у него я обнаружил большое количество оружия, как сабель, так и карабинов». ¹³⁴

Отсюда нетрудно понять, каковы были непосредственные причины столь быстрого разгрома заговора Генерал Мале в ночь на 30 мая — когда должно было начаться восстание, решил отменить его, чем вообще погубить дело.

Все, что полиции затем удалось узнать, было результатом слежки за Эвом Демайю в квартире Пале-Рояль в течение 4, 5 и 6 июня. Эв Демайю, по-видимому, вел себя крайне неосторожно. Русселен де Сент-Альбен писал, что во время своих прогулок по Парижу он «всем сообщал о близком конце тирана»; «это было видно в каждом его жесте». ¹³⁵ Следя за Эвом Демайю, как установил Э.Амель по документам, полиция добралась до генерала Мале и Базена, что и привело в донце концов к их аресту. ¹³⁶ Затем последовал обыск у Сервана, где были найдены многие документы будущего правительства, и уже потом были арестованы Бланше, Жакмон, Бодеман, Флоран Гийо и другие участники заговора

Однако, несмотря на то, что Мале и его товарищи оказались в заключении, полиция лишь немногим могла предъявить прямые улики. Это вынужден был признать даже Паскье. «После долгих поисков и расследований, — писал он, — ни против Базена, ни против Жакмона не было найдено обличительного материала. Генерал Мале также оказался среди заключенных ...вероятно, потому они находились в тюрьме, что господин Дюбуа не терял надежду, что более тщательные поиски дадут возможность доказать их вину» ¹³⁷.

Таким образом, тактика Мале в какой-то степени себя оправдала. Полиция располагала в общем незначительным материалом: сообщением Лемуана, признаниями на допросах генералов Гийо и Гийома, не игравших первой роли в заговоре, некоторыми документами, найденными в доме Сервана и, наконец, данными наружного наблюдения. Всего этого может быть было достаточно для обвинения Мале, Эва Демайю, Гарию, еще кое-кого, но явно не хватало для доказательства вины остальных участников заговора. ¹³⁸

Почти ни от кого, за исключением Гийе и Гийома, не удалось добиться признания. Полицию очень интересовала фигура Базена и его роль в издании журнала «Философские письма» Но Базен держался в высшей степени упорно. «Общество филаделффов» он охарактеризовал как филантропическую организацию. «Мое предложение, — объяснял он на допросах, — имело своей главной целью дать возможность несчастным республиканцам найти средства к существованию и работу». ¹³⁹

Улики, выдвинутые против Базена, носили также сомнительный характер. Единственное, что было обнаружено у него на квартире, это архивы «Философских писем», переписка, пистолеты и план организации общества «Братьев-путешественников». Базен всячески старался запутать полицию, и его поведение на допросах — пример настоящей доблести. Когда у него станут

спрашивать уже о конкретных лицах, он попросту откажется отвечать. «Пусть мне отрубят голову, если хотят, — заявил Базен 19 июля, — но я не желаю ни на кого доносить»¹⁴⁰.

Также держался на допросах и Эв Демайо. Он, отмечалось в бюллетене, «все отрицал со своим обычным нахальством».¹⁴¹ Что касается генерала Мале, то чиновники парижской префектуры относились к нему с особым вниманием, они были убеждены в его главенствующей роли в заговоре. «Мале упрям, он сторонник якобинства и недовольства, многие черты его характера говорят о том, что это человек решительный и готовый на любые авантюры», — характеризовался он в одном из обзоров.¹⁴²

Однако правительство и прежде всего сам Наполеон не были заинтересованы в излишней огласке этой истории, ибо она свидетельствовала, что в армии и обществе назревает недовольство. Это обстоятельство хорошо понимал Наполеон. Во многих своих письмах из Байонны в Париж он неоднократно напоминал военному министру Кларку и Ж.Фуше о необходимости избежать огласки. «Не надо делать шума, — писал император Кларку 13 июня 1808 г., — в связи с этими отвратительными анархистами, поскольку ничего им не помогает так, как шум, который нарушает общественное спокойствие».¹⁴³ Очень любопытно, что личность Мале у Наполеона не вызвала никаких сомнений. Почти во всех своих письмах в Париж он упоминает Мале, а в некоторых дает весьма примечательную характеристику. «Трудно найти большего негодяя, чем этот Мале. Произведите его арест без шума и огласки. Надо выяснить его связи в этом заговоре», — писал Наполеону Фуше 13 июня 1808 г., получив только первые сведения от префекта Дюбуа.¹⁴⁴ Вместе с тем, император приказал провести расследование среди оппозиционно настроенных офицеров 1-й дивизии, всех адъютантов маршала Брюна отправить в армию¹⁴⁵, выяснить более полно связи Б.Констана, г-жи де Сталь, генерала Гидаля и других известных либералов и республиканцев.¹⁴⁶

Особое беспокойство Наполеона вызывал его министр полиции Ж. Фуше, которого он, не без основания, подозревал в связях с заговорщиками. Действительно, поведение Ж.Фуше было по меньшей мере странным. Он пытался доказать, что никакого заговора не было, и префект лишь в сугубо своих престижных интересах его изобрел. Фуше не стеснялся излагать это свое мнение даже в бюллетенях, которые отсылались ежедневно Наполеону. «Много говорят сегодня о деле генерала Мале, — сообщалось в полицейском обзоре от 22 июня 1808 г., — но никто не верит в возможность заговора. Министр занимается этим делом с момента его возникновения, но никто из агентов ему не сообщил ничего такого, что давало бы основания думать о наличии чего-то похожего на заговор. Только в заявлении префекта полиции об этом деле речь идет о чем-то серьезном»¹⁴⁷. В другом обзоре, также составленном Фуше, в еще более решительных выражениях отрицалось существование заговора. «Можно ли дать название заговора, — говорилось в бюллетене, — всем тем проискам, в которых нельзя раскрыть ни истинного вождя партии, ни сообщника, ни способов исполнения, ни собраний, ни переписки».¹⁴⁸ Фуше хитрил: сообщники, способы исполнения и цели были видны невооруженным глазом, но он ловко пользовался неясностью многих деталей дела, чтобы представить своего подчиненного в самом невыгодном для него свете. Очевидно, Фуше был как-то заинтересован в предотвращении судебного процесса. Возможно, он сам был связан с Мале, может быть, он рассчитывал использовать «филадельфов» в свержении Наполеона? Оставим это в качестве вопроса, пока еще нерешенного. Но Наполеон видел эту игру. «Невозможно быть более недовольным, чем я, поведением министра полиции, — писал император Камбасересу, — объясните мне роль Фуше во всех делах. Он сошел с ума?» «Что это — сумасшествие или насмешка со стороны этого министра?» — раздраженно спрашивал Наполеон Камбасереса в другом письме.¹⁴⁹ И все же, несмотря на сильные подозрения, Наполеон оставил его на прежнем посту.¹⁵⁰

Так или иначе, но, воспользовавшись указаниями императора не предавать дело огласке, Фуше не стал проводить тщательного расследования. Несмотря на то, что в июне и июле 1808 г. было арестовано более 50 человек, никому из них не было предъявлено серьезных обвинений. «Дело закончилось тем, — вспоминал Пасье, — что подозреваемых превратили в политически заключенных».¹⁵¹ Было решено, что Сенат никакого отношения к заговору не имеет, и Мале только использовал имена его членов.

Через год многих арестованных выслали: Бодемана в Турин, Ж.-Ф.Рикора — в окрестности Марселя, Корнеля — в Шато д'Ор, Гийома — под Женеву, Флоран Гийо — в Семер, Жакмона в Аррас, Луиджи Анджелони — за 50 лье от Парижа, Бода — в Сен-Дени, Л. Бланше — в Орн, Гийе — в Монпелье, Р.Базена отправили под полицейское наблюдение в Руан, Мале и Эв Демайо остались в заключении в крепости Ла Форс.¹⁵²

Из ряда источников известно, что Наполеон нередко тайно расправлялся со своими противниками, когда хотел избежать огласки. Так, вероятно, произошло и с полковником Ж.-Ж. Уде, который был убит во время битвы при Ваграме в 1809 г. Об этом в своих воспоминаниях тоже сообщил Ж.Фуше: «Подозрения пали на отважного Уде, полковника 9-го полка, что он руководит «филадельфами»... Его заманили в западню, где-то в темноте подвели под оружейный огонь, и есть подозрения — огонь жандармов».¹⁵³

Рассказ Ж.Фуше подтверждается Шарлем Нодье, который добавляет к нему несколько любопытных деталей. Во время битвы при Ваграме Уде неожиданно получил приказ от Наполеона о своем производстве в бригадные генералы и сразу был брошен на один из самых тяжелых участков боя, где и был ранен. Только на следующий день его обнаружили на поле боя и истекающего кровью перенесли в дом. Там в доме Уде нашел в себе силы продиктовать письмо, и назвал имена пяти человек, которым нужно отдать это письмо: Мале, Лагори, Жандр, Пикерель и Нодье. Все пятеро, в той или иной мере, были причастны к заговорам Мале.¹⁵⁴

Разумеется, этот рассказ Ш.Нодье крайне трудно сейчас чем-либо подтвердить. Но те детали, о которых он упоминает, наконец, компетентное свидетельство Ж.Фуше, заставляет думать, что все было именно так.

«Общество филадельфов», несмотря на смерть Уде и аресты виднейших его членов, продолжало существовать. По словам Фуше, уже одно упоминание об этой организации приводило в ужас императора, который считал, что «филадельфы» имеют «опасные разветвления в армии».¹⁵⁵ Все говорит о том, что «филадельфы», находящиеся в разных концах Франции и в тюрьмах, не забывали о нитях, которые их связывали, и наиболее решительные из них пытались действовать.

В этом плане было бы важно выяснить чем занимался р. Базен после своего освобождения из тюрьмы 15 апреля 1809 г. В этот день ему вручили императорский приказ о высылке в Руан, но Базен в Руан не поехал, а еще два месяца скрывался в Париже на квартире своего друга, вплоть до нового ареста 22 июня 1809 г.¹⁵⁶ Почему он остался в Париже, что для него было сопряжено с многочисленными опасностями?

Ригоме Базен представлял далеко не рядовую фигуру даже среди своего необычного окружения. Это был очень изобретательный и решительный человек, весьма стойкий в защите своих республиканских идеалов. В том самом бюллетене, где речь шла о его аресте 22 июня 1809 г., Базену давалась, в частности, такая характеристика: «Это гадкий писака. Он оплакивает республику и уверен, что если бы ему дали право писать, он помог бы путем доводов ее восстановлению. Он создает связи среди неисправимых якобинцев, находящихся под строгим наблюдением».¹⁵⁷ Что и говорить, характеристика лестная!

Понятно, что полиция с удвоенной энергией занималась его розысками. Шпикам, наконец, удалось опознать Базена в городе и арестовать его, затем была найдена квартира, где он проживал. Но она оказалась уже пустой, товарищ его вовремя скрылся. Как потом выяснилось, этого человека о грозившей опасности предупредила возлюбленная Р.Базена, вышивальщица Мари-Жозеф Санье. На допросе она ничем не помогла полиции. Ее допрашивал инспектор Вейра, который ранее вел дело Мале, он более всего интересовался господином Бономме, исчезнувшим другом Базена, но почти ничего нового не узнал. «Сегодня в пять часов утра, — говорила Мари-Жозеф Санье Вейра, — я отправилась на квартиру к господину Бонномме; я сообщила ему об аресте Базена, и он тотчас же поспешил собрать все бумаги г-н Базена и сложил их в свой портфель, который и унес с собой.

Он не хотел, чтобы мы выходили вместе, опасаясь, как сказал он, слежки полиции. Он попросил меня позволить ему уйти первым и ушел, унося связку бумаг, а я, прежде чем выйти из дома, на минутку задержалась на лестнице».

На вопрос Вейра, где сейчас может находиться упомянутый Боомме — допрашиваемая ответила незнанием: «Когда мы расставались, я спросила его, где я смогу его увидеть в случае, если у меня будут новости о г-не Базене. Он отказался удовлетворить мою просьбу и сказал только: «Возможно, я их сам буду иметь». С этими словами он ушел». ¹⁵⁸

Таким образом, если верить свидетельнице, Боомме был доверенным лицом Базена, и у него, как и у его друга, имелись все основания скрываться от полиции. Под именем Боомме, как установил исследователь Ж.Дотри, прятался тогда никто иной, как старинный друг Базена, его сосед по квартире в 1804 г. и соавтор некоторых произведений **Анри Клод де Сен-Симон**. Представьте, говорит Ж.Дотри, Сен-Симона, заговорщика «почти 50 лет от роду, крадущегося вдоль стен домов в центре Парижа 23 июня 1809 г., дабы укрыть компрометирующие документы». ¹⁵⁹ Да, видимо, жизнь гениального социалиста-утописта, теоретика мирных путей переустройства человеческого общества, в годы наполеоновской империи была не такой спокойной, как порой представляется.

Но вернемся к Базену. Все эти документы свидетельствуют о какой-то его антиправительственной деятельности. Но какой?

Если просмотреть полицейские бюллетени, то можно заметить любопытное совпадение: в Париж стремится попасть не только Р.Базен, но и некоторые другие участники заговора Мале. В обзоре от 26 декабря 1809 г. отмечено следующее: «Аррас. Жакмон, арестованный в связи с делом Мале, отправлен под надзор полиции в Аррас по приказу его величества. Просит разрешения приехать в Париж. Его протежируют Лаплас, Шапаль, Бертолле». ¹⁶⁰

В другом бюллетене от 8 января 1810 г. (по времени это почти совпадает с просьбой Жакмона, разница — всего тринадцать дней) содержится запись из трех строчек, но которая, возможно, проясняет дело: «По приказу министра: свободная высылка к себе на родину. Анджелони (подозреваемый в связи с генералом Мале) попытался проникнуть в Ла Форс под вымышленным именем Канова». ¹⁶¹

И, наконец, Гибодо, префект департамента Буш-дю-Рон, в своих записках неоднократно отмечал, что деятельность генерала Гидаля, будущего участника второго заговора Мале, в Марселе была весьма активной, и он был связан со «своей партией» в Париже, куда совершал частые поездки. ¹⁶²

Итак, приходится констатировать, что бывшие участники заговора тянутся в Париж, причем некоторые стремятся попасть туда, рискуя своей свободой, а Анджелони пытался даже проникнуть в крепость Ла Форс, где тогда находился генерал Мале. И по времени все это происходит в сравнительно небольшой отрезок: немногим более полугода, от апреля 1809 г. и до января 1810 г. Естественно, напрашивается вопрос: не связаны ли эти попытки с генералом Мале и его, возможно, новыми проектами государственного переворота? Сохранились ли какие-нибудь документы о его деятельности или замыслах в этот период?

Сохранились! В те дни вместе с Мале в одной камере сидел некий римлянин Сорби, который, видимо, из желания приобрести свободу, стал добровольно помогать полиции. 26 июня 1809 г. Сорби донес, что «Мале и три других его сообщника, содержащиеся в той же тюрьме, замыслили ниспровергнуть правительство». «Были названы, — говорилось в бюллетене, — три консула: Моро, Лафайет и еще один, о котором он не захотел сказать. Заговор был назначен на понедельник — 28, день Те деум в Соборе Парижской богородицы. Предполагалось использовать скопление народа, часть дверей закрыть. Прокламации были отпечатаны; они должны были быть прочитаны с паперти Собора; при этом сообщить: «Бонапарта нет! Долой корсиканца и полицию!» Открыть тюрьмы и т.д. ¹⁶³

Далее Сорби доносил, что Мале и его товарищи должны были в воскресенье утром бежать из Ла Форс, обезоружив пост, убив одного или двух часовых, и затем в парадной генеральской форме со взводом барабанщиков впереди появиться перед входом в Собор Парижской богородицы. «Сорби, — сообщалось в бюллетене, — запросил свободу, чтобы помочь полиции выловить сторонников заговора, находящихся на воле» ¹⁶⁴.

Как следует далее из документа, за Мале было установлено наблюдение, но оно не обнаружило каких-либо приготовлений к бегству и тем более к заговору. Сорби, между тем, продолжал сообщать о заговоре, продолжая настаивать на своем освобождении: «Мале мне сказал, что если я окажусь на свободе, он меня сведет с кем-то, кто поможет мне установить связи с другими. Я принял бы все меры, чтобы выясни и, связи, если буду на воле». ¹⁶⁵ С этим предложением Сорби обращался в весьма высокие инстанции: сначала к Фуше, а за тем и к самому канцлеру Камбасересу. Однако все его доносы казались правительству настолько фантастическими и нереальными, что в них тогда никто не поверил. В полицейских бюллетенях Сорби именовался не иначе, как «изобретатель заговоров». ¹⁶⁶ Между тем, все, сообщенное им, как показали дальнейшие события, было правдой.

Отсюда можно сделать предположительный вывод, что пребывание Базена в Париже именно в мае—июне 1809 г., стремление других «филадельфов» попасть примерно в это время в столицу было связано с подготовкой нового антинаполеоновского заговора. Но тогда по каким-то причинам эта попытка вновь сорвалась, и она была предпринята Мале лишь спустя два года, в ненастную осеннюю ночь 23 октября 1812 г.

5. Второй заговор генерала Мале (1812 г.)

Генерал Мале, находившийся в Ла Форс, продолжал все отрицать и настолько вскоре преуспел в этом, что даже некоторые влиятельные сановники склонны были поверить в его невиновность. В своих письмах министру полиции Фуше генерал настаивал на своем переводе в тюремный госпиталь Дюбуиссона. «Там, — писал он, — я буду жить в менее неприятных условиях справедливости его величества». ¹⁶⁷

Наполеону же Мале написал: «Государь, после своего участия в этом несчастном деле, в котором я меньше всего виноват, я постоянно жду Вашей справедливости. Но вот прошло уже два года, а я еще в заключении». ¹⁶⁸

Разумеется, на Наполеона эта верноподданническая поза Мале большого впечатления произвести не могла, однако некоторые чиновники полицейского министерства были введены в заблуждение. После письменного ходатайства г-жи Мале за своего мужа новый министр полиции Савари, сменивший Фуше, которому Наполеон не доверял, написал на конверте: «А кто такой заключенный Мале?» В ответ его помощник Демаре сделал там же приписку: «Этот Мале—бывший генерал». Савари тогда опять написал: «А все же, что за дело Мале, виноват он или оговорен?» ¹⁶⁹

Все кончилось тем, что по приказу министра полиции Мале был переведен из Ла Форс в госпиталь Дюбуиссона. Если бы только Савари знал, что он освобождает в Ла Форс камеру для себя, где ему придется уже по приказу Мале провести ночь 23 октября 1812 г.

Госпиталь Дюбуиссона был одновременно и лечебным заведением, и местом, в котором содержались политические преступники. По сравнению со всеми другими тюремными заведениями он находился на особом положении. Человек, попавший в госпиталь, по словам тогдашнего префекта Парижа Паскье, рассматривался, как находящийся в заключении, лишь в надежде на его честное слово. Не было там ни решеток, ни камер и только владелец этого лечебного заведения нес ответственность за своих пациентов. ¹⁶⁹

Здесь Мале встретился с довольно высокопоставленной публикой, представителями старой французской аристократии, в основном роялистского толка: братьями Полиньяк (один из которых стал позднее премьером у короля Карла X), Бертье де Совиньи, маркизом де Пюивером и другими. В прошлом они активно боролись против Наполеона, некоторые даже принимали участие в заговоре Ж.Кадудала и Пишегрю, но сейчас никто из них не имел желания начинать новую авантюру.

Однако Мале, как свидетельствуют мемуары Бертье де Совиньи, с большим интересом присматривался к роялистской среде и в особенности к некоему фанатичному священнику аббату Лафону. Лафон принимал участие во многих выступлениях против императора, пропагандировал папские буллы, связывался с шуанами и только в 1809 г. был арестован и отправлен в Ла Форс, как глава организации мистически настроенных католиков, распространявших антибонапартистские листовки.¹⁷¹ Затем он перевелся в госпиталь Дюбюиссона почти одновременно с Мале. Это натолкнуло многих исследователей на мысль о контакте генерала и Лафона еще в тюрьме. В пользу такого предположения говорит свидетельство Паскье: «Оба они (имеются в виду Мале и Лафон — Т.-Б.) придумали себе болезни и добились перевода в госпиталь».¹⁷²

Биографов Мале сильно озадачивал тот факт, что республиканский генерал выбрал себе в союзники роялиста. Но не следует этому придавать большого значения. Возможности Мале были очень малы даже в госпитале, а кроме того Лафон, по-видимому, не имел представления о конечных целях заговора, а также о его размерах. Мале раскрыл перед ним часть своих планов, об остальном же он отозвался в форме туманных намеков. Герцогиня д'Абрантес писала в своих мемуарах, что Мале убедил Лафона в том, что император в самом деле погиб под Москвой, а Сенат и Законодательный корпус собираются 25 октября 1812 г, где должны признать «вероятно», как выразился, Наполеона II «Вот нам и нужно поспешить, — говорил Мале, — французскому народу прежде всего необходимо свободное суждение. Нужно сделать так, чтобы он мог сказать - хочу или не хочу этого ребенка».¹⁷³

Замысел нового заговора основывался на том, что в ходе войны с Россией легко может возникнуть момент, когда достаточно будет лишь толчка для полного ниспровержения императорского трона. Дальнейшее развитие событий только убедило в этом Мале. Выигрывая небольшие сражения, продвигаясь в глубь страны, Наполеон шел навстречу своей гибели. Последней его ошибкой было вступление в Москву, сильно ухудшившее положение французской армии. Генерал Моро, находившийся в те дни в Америке и оттуда следивший за развитием кампании, справедливо писал: «Великий человек чрезвычайно там в России унизился, кажется, что он совершенно потерял свой ум в Смоленске».¹⁷⁴

Кроме того, и внутреннее положение Франции было далеко не прочным. Болезнь, поразившая режим, продолжала прогрессировать. Еще накануне войны с Россией, в 1810—1811 гг. во Франции наступил острейший кризис перепроизводства, охвативший многие отрасли промышленности и вызванный в значительной мере континентальной блокадой.¹⁷⁵ К 1812 г. положение далеко не стабилизировалось. К недовольству промышленной и торговой буржуазии добавилось также возмущение и отчаяние безработных, которые теперь могли представить вполне реальный резерв республиканской оппозиции.¹⁷⁶ И это хорошо понимал Наполеон. Он не раз говорил своим министрам, что «боится революций, происходящих от безработицы», и что рабочие в этих условиях могут стать жертвой «всяких интриганов».¹⁷⁷ Таким революциям, говорил Наполеон, он предпочел бы сражение «со стотысячной армией».

Разумеется, Мале не знал всех сторон внутреннего и внешнего положения Франции. Вероятно, только в общих чертах он представлял себе положение на фронте, но главные тенденции развития режима он, безусловно, мог предвидеть и, разрабатывая план будущего выступления, целиком построенного на мистификации и большой доли случайности, Мале учитывал также и повсеместный рост недовольства, как в покоренных странах, так и в самой Франции.

О том, что Мале в своих замыслах учитывал внутреннюю и внешнюю обстановку, свидетельствуют многие источники. Префект Паскье писал в своих мемуарах: «Когда события русской кампании стали производить на всех впечатление, Мале пришел к убеждению, что Наполеон неминуемо потерпит катастрофу. Ему казалось, что для ее ускорения необходимо лишь небольшое усилие».¹⁷⁸

Кроме этого заявления Паскье, в нашем распоряжении имеется еще одно свидетельство, гораздо более ценное, исходящее от товарища Мале по заговору 1808 г. и не оставляющее сомнений в том, что генерал был информирован о положении дел. Эв Демайо, узник Ла Форс вплоть до отречения Наполеона от престола, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1814 г., писал: «Шел 1812 год, Польша завоевана нашими войсками. Однако, глядя на карту, мы видели, что это

отступление неприятеля не было вполне естественным, что это отступление было лишь западней, в которую хотели заманить Наполеона, и он не мог не попасться в нее; в это время была налажена корреспонденция между Мале и его соучастниками Гидалем, Лагори и полковником Бокшаном».¹⁷⁹

Таким образом, второй заговор Мале, как и первый, был проявлением социального и политического кризиса, который переживала империя. Не случайно Талейран подыскал для него точные слова: «Это начало конца».¹⁸⁰

Факты говорят о том, что и в госпитале Дюбюиссона Мале не был одинок в своих планах, а располагал сообщниками и поддерживал с ними связи. Одним из его помощников был уже известный нам Эв Демайо, через которого, возможно, тянулась нить к «филадельфам». Эв Демайо был посвящен во все планы Мале. О себе он скромно писал в своих воспоминаниях, «меня втягивали в работу по созданию общественного мнения против тирании».¹⁸¹ В действительности, его роль была гораздо более значительной, и именно через Эв Демайо Мале установил контакты с некоторыми другими заключенными Ла Форс. В августе 1812 г. Мале получил от своего друга записку: «Я имею три сокровища и предоставляю их в ваше распоряжение», ее передала Аделаида Симоне, работница тюрьмы Ла Форс.¹⁸² На словах он объяснила то, что Демайо из осторожности зашифровал- «три сокровища» — это Лагори, Гидаль и корсиканец Бокшан.¹⁸³

Эти подробности не выдуманы, а взяты из полицейских протоколов Лагори и Гидаль были известные республиканские генералы Лагори был очень близок к Моро, в его Рейнской армий (которой он командовал до Бернадотта) он являлся начальником штаба. После процесса над Ж.Кадудалем и Пишегрю Лагори на время покинул Францию и скрывался в Америке. По возвращению на родину его арестовала французская полиция и без суда отправила в Ла Форс. Возможно, этот генерал был членом «Общества филадельфов» — так считали Ш.Нодье и Ж.Фуше.¹⁸⁴

Судьба генерала Гидала была во многом похожа на жизнь Мале или Лагори. Проявивший после 18 брюмера 1799 г открытое неподчинение Наполеону, Гидаль был взят под наблюдение полиции. После учреждения империи он стал совместно с якобинцами Марселя готовить восстание. «Покой Марселя был нарушен настолько, — вспоминал Савари, являвшийся тогда уже министром полиции, — что префект этого департамента вынужден был принять чрезвычайные меры».¹⁸⁵ Так, Гидаль оказался в Ла Форс.

С обоими опальными генералами Мале установил контакты. «Переписка с каждым днем становилась все интереснее. — писал Эв Демайо в воспоминаниях. — и мы ожидали с момента на момент взрыва бомбы».¹⁸⁶

Помимо них, всяческую помощь Мале оказывали капрал Рато и учитель Бутро, о которых почти ничего не известно. Паскье считал, что Бутро находился в курсе всех планов заговорщиков и был «филадельфом».¹⁸⁷

В своей основной части замысел Мале походил на план выступления 1808 г., когда при помощи подложных манифестов Сената заговорщики рассчитывали произвести государственный переворот. И сейчас Мале через каких-то своих сторонников подготовил необходимые документы: сенатские указы, декреты правительства и даже прокламации. «Кропотливо и искусно составленные приказы должны были призвать к оружию национальную гвардию, — писал французский историк Альбер Сорель, — Начальники, выделенные Мале, получили бы свои запечатанные конверты, они были выдрессированы так, чтобы ничему не удивляться, они повиновались бы, как во фрюкtidоре или в брюмере, ведь они были военные. Париж проснулся бы, имея правительство и возвестил бы Франции еще одну революцию».¹⁸⁸

В главном из этих документов, сенатус-консульте, говорилось о том, что 22 октября в 8 часов вечера состоялось заседание Сената под председательством Сиейеса по случаю получения известия о смерти Наполеона 7 октября 1812 г. под Москвой «Сенат после трезвого обсуждения этого неожиданного известия назначил комиссию, которой поручил спасти родину от страшной опасности и, заслушав доклад комиссии, решил». Далее следовал декрет, якобы принятый Сенатом, первый пункт которого гласил: «Так как императорская власть не оправдала надежд тех, кто ждал от нее мира и счастья французам, эту власть с ее институтами упразднить».¹⁸⁹

Затем в декрете говорилось об учреждении Временного правительства в таком составе: генерал **Моро** — президент, **Карно** — вице-президент, генерал **Ожеро**, **Флоран Гийо**, **Жакмон**, **Мале**, **Ожеро**, **Бигонне** (бывший член Законодательного корпуса), сенатор **Дестю-Траси**, префект департамента **Сены** граф **Фрошо**, сенатор **Ламбрехт**, **М.Монморанси**, **А.Ноайль**, **К.-Ф.Вольней**, вице-адмирал **Трюге**, сенатор **Гара**.¹⁹⁰ Из этих лиц только М.Монморанси и А.Ноайль, принадлежащие к старой аристократии, тяготели к роялизму. Все же остальные, в особенности Моро, Карно, Ожеро, Жакмон, сам Мале и другие, стояли на четко выраженных республиканских позициях. Чем объяснить включение в состав правительства М.Монморанси и А.Ноайля? Думается, что это было сделано из тактических соображений, как выразился Эв Демайо, «чтобы парализовать общего врага».¹⁹¹ Такие временные союзы были, вероятно, тогда неизбежны, но это не дает основания считать Мале только по одному подобному факту роялистом. Отдельные уступки с его стороны совсем не означали отступления от конечной цели — восстановления республики Мале надеялся возродить в дальнейшем свободу печати, культов, юстиции и т.д. В приведенном выше декрете говорилось, что Сенат обратился с воззванием к населению и армии, где будет объяснено, по каким мотивам «изменена форма правления и подтверждено стремление восстановить гражданские права французов, до сих пор узурпированные».¹⁹²

Республиканский дух декрета сквозил и в тех преобразованиях, которые предполагалось провести в армии Мале стремился к уничтожению монархических традиций, воссозданных Бонапартом, и к организации вооруженных сил на иной основе. Предусматривалось, в частности, реорганизовать национальную гвардию в государственную и упразднить орден Почетного легиона. Идя навстречу желаниям французов, Мале обещал прекратить войны, отвести войска с нефранцузских территорий и начать с другими государствами переговоры о мире.¹⁹³

После захвата власти в Париже и образования республиканского правительства в районе Булонь на Марне предполагалось собрать Центральную армию численностью 50 тыс. человек, которые должны были встретить Наполеона и арестовать его, когда он победителем или побежденным вернется во Францию. Командующим этой группы войск, как видно из сенатус-консульта, назначался генерал **Лекурб**, известный своими республиканскими и даже якобинскими настроениями.¹⁹⁴ Впоследствии Ф.Энгельс в статье «Горная война прежде и теперь» отзывался о Лекурбе как о лучшем знатоке горной войны.¹⁹⁵ Имеются основания считать, что к заговору были привлечены и другие генералы и офицеры.

Мале был убежден, что заговор не ограничится только Парижем, а затронет и другие департаменты. Он поддерживал, рассказывал Лафон в воспоминаниях, широкую корреспонденцию со многими тюрьмами столицы, с фортом Венсен и с некоторыми военными.¹⁹⁶ Заговорщики «готовились поднять мятеж в Париже и его окрестностях». Несмотря на известные преувеличения Лафона, у Мале были действительно связи, как мы покажем ниже, с Марселем и, вероятно, с Женевой.

Особыми полномочиями, согласно сенатус-консульту, наделялся сам Мале. Он обязан был «собрать членов Временного правительства, ввести их в должность, обеспечить их безопасность, отдать полиции все необходимые распоряжения».¹⁹⁷

Первоначально выступление планировалось на самый конец октября, но неожиданно обстановка потребовала его произвести раньше. Эв Демайо в своих воспоминаниях рассказывал: «Мы были оглушены, узнав, что полиция сообщила Лагори о его отъезде в Америку, и что за ним придут со дня на день. Подобный же приказ пришел и к генералу Гидалю, который должен был предстать перед трибуналом в Марселе для ответа по предъявленному ему обвинению. Что предпринять в этих условиях? Стараться выиграть время на подготовку заговора, оттягивая их отъезд на возможно больший срок».¹⁹⁸ Лагори и Гидаль официально попросили разрешения задержаться на неделю с тем, якобы, чтобы уладить свои дела. И такое разрешение им было дано.

11 октября Мале написал своей жене письмо, где просил ее отдать Бутро чемодан с генеральским мундиром и частью прокламаций, которые у нее имелись. Несмотря на сильную веру в успех своего предприятия, он также по согласованию с женой доверил двенадцатилетнего сына Аристида одной женщине, которую давно знал. «Если я погибну, — писал он, — вы будете его второй матерью, вы поможете моей жене».¹⁹⁹

К 22 октября подготовка была в основном закончена. В этот вечер к Мале явился Рато и сообщил ему пароль по гарнизону, который «по подозрительной случайности» (слова биографа Мале Паскаля Груссе) гласил: «Конспирация», а имел отзыв: «Кампания».

На заранее приготовленной квартире в Париже (там проживал сообщник Мале испанец Каамано, которого генерал сумел убедить, что целью заговора является организация бегства короля Фердинанда VII) его ждал генеральский мундир и крупные боны на значительные суммы в государственном казначействе. Наступал вечер 22 октября.

О том, что произошло затем, известно из разных источников с точностью почти до часа.

В шесть часов вечера Мале поужинал и сел играть в карты. Аббат Лафон в своих мемуарах рассказывал, что генерал был абсолютно спокоен и настолько хорошо владел собой, что постоянно выигрывал²⁰⁰. После игры, когда все разошлись по своим комнатам, Мале вернулся к себе и там еще раз просмотрел вместе с Лафоном приготовленные документы. В 11 часов вечера они вышли во двор. Уже стало темно, и как вспоминал Лафон, накрапывал небольшой дождь. Мале первым перелез через невысокую стену сада, за ним последовал аббат с толстым портфелем, в котором находились бумаги будущего правительства. Началась ночь, которой предстояло войти в историю.

На квартире Каамано состоялась встреча Мале и Лафона с Рато и Бутро. Были сразу распределены роли: Бутро был произведен Мале в комиссары полиции, Рато стал адъютантом генерала. Мале переоделся в свой мундир, затем все трое оседлали коней и отправились на улицу Попинкур, где находились казармы 10-й когорты национальной гвардии. Лафон договорился с Мале, что встретится с ним завтра в 9 часов утра. В ту же ночь аббат покинул Париж. Вероятно, он понял, что Мале его мистифицирует, а может быть, и просто струсил.

Прибыв к казармам 10-й когорты, генерал вызвал к себе командира полковника Судье и вкратце объяснил ситуацию: император погиб 7 октября под Москвой, Сенат собрался и провозгласил республику. Затем Мале вручил еще растерянному полковнику приказ быть в распоряжении генерала Ламота: «Господин командир когорты. Я предписываю генералу Ламоту прибыть в вашу казарму в сопровождении комиссара полиции и сообщить когорте, которой вы командуете, сенатус-консульт. В этом документе говорится об упразднении императорского правительства. Генерал укажет вам мероприятия, которые надо будет осуществить. Вы поведете когорту с оружием на выполнение ответственного задания... Около колокольни Сен-Жана вы поместите отделение, чтобы позвонить в колокол, когда это потребуется. Затем вы пройдете к проживающему на площади префекту и передадите ему нижеследующий пакет, договорившись с ним о приготовлении залы для заседания временного правительства и моего штаба, который туда будет переведен к 8 часам утра. Мале».²⁰¹

Даже если у командира 10-й когорты и были какие-то подозрения, то они, видимо, сразу исчезли, как только в его руках оказался чек в Парижской банк на 50 тыс. франков. Документы заговорщиков были составлены так искусно, что этому впоследствии удивлялся сам Тапейран.

Остается не вполне ясным одно: почему Мале представился в казармах когорты как генерал Ламот? Нужна ли была еще одна мистификация? Тут трудно найти объяснение. Возможно, Ламот был участником заговора и по каким-то причинам не явился, что поставило Мале в затруднительное положение (такой генерал действительно существовал, он жил в одном доме с г-жой Мале). Но вероятно и то, что Мале просто использовал его имя, чтобы придать заговору впечатление массовости.²⁰²

Вместе с полковником Сулье Мале прошел в штаб, а оттуда во двор казармы. Там уже выстроились солдаты. Мале объявил им о заседании Сената и провозглашении республики. От имени нового правительства он пообещал поощрения и отпуска. Эта короткая, но составленная в смелых и решительных выражениях речь, была закончена призывом: «Да здравствует временное правительство, да здравствует нация!» Никто даже не заикнулся о присяге наследнику Наполеона королю Римскому, как-то сама собой подразумевалась республика.

Затем Мале передал капитану Пиккерелю прокламацию, которую зачитал пред строем:

«Граждане и солдаты!

Бонапарт больше не существует, тиран погиб под ударами мстителей! Он получил то, что заслуживал от родины и человечества! Если мы должны краснеть, что долго покорялись ему, этому корсиканцу, то мы слишком горды, чтобы покоряться и его отпрыску! ...Граждане, в этот день, на век запомнившийся, мобилизуйте всю вашу энергию, чтобы сорвать с себя постыдное ярмо. Уничтожайте всех, кто станет на вашем пути, поддерживайте тех, кто присоединится к вам. Солдаты, эти же мотивы должны вдохновлять вас, нет уже *того*, кто проливал вашу кровь в несправедливых, возмутительных войнах. ...Соедините ваши силы, чтобы дать родине конституцию, которая принесла бы счастье французам! ...Умрем, если надо, за нашу родину, за нашу свободу. Мале». ²⁰³

Из казарм Попинкур Мале во главе солдат 10-й когорты отправился в тюрьму Ла Форс. Там он вызвал к себе начальника тюрьмы и сообщил ему, что император скончался и создано новое правительство. Затем генерал передал приказ о немедленном освобождении Лагори, Гидаля, Бокшана, а также офицеров, «которых они укажут». ²⁰⁴

По-видимому, у начальника тюрьмы появились некоторые сомнения, он сам позднее рассказывал в своей объяснительной записке правительству, будто заявил Мале, что «приказ выполнен не по всей форме», так как в нем отсутствует подпись министра полиции: «Позвольте мне отправить к герцогу Ровиго одного или двух гвардейцев из моей охраны».

Наступил критический момент, могло все сорваться. Но Мале нашелся. Он перебил начальника тюрьмы. «Савари больше не министр и объявлен вне закона, а потому подпись его недействительна». На начальника это произвело впечатление, и требование генерала было моментально исполнено. Встретившись с друзьями, Мале передал Лагори указ о назначении его министром полиции, Бокшана — префектом департамента Сены, а Гидаля — начальником охраны Сената. Лагори, Гидадь и Бокшан вместе с Бутро отправились в префектуру и министерство полиции, Рато же пошел в казармы Парижской гвардии на улицу Миниме. Каждый получил отряды солдат для выполнения своей миссии, а Мале со 150 гвардейцами проследовал на Вандомскую площадь, где находился штаб 1-й дивизии. Надо было спешить: часы показывали 6.16 утра.

Тем временем Рато явился в казармы Парижской гвардии с приказами, заготовленными заранее. Там повторилась та же сцена, что и на улице Попинкур. Одному командиру было поручено накрепко закрыть все парижские заставы, дабы из соседних городов не подошла помощь, второму — занять банк, казначейство и некоторые государственные учреждения. Оба батальона приступили к осуществлению приказов. ²⁰⁵

В половине седьмого утра Лагори и Гидадь с большим отрядом солдат оказались на улице Святых отцов, прямо перед домом министра полиции.

Они ворвались к нему в дом, выломали дверь, ведущую в кабинет министра, и скоро солдаты заполнили его спальню. В ночной рубашке, бледный и растерянный, Савари пытался говорить, но его никто не слушал, солдаты кричали, что министра надо заколоть, а капитан Пиккерель подтолкнул Савари к кровати и приказал ему одеться.

«Кто-то крикнул: «Позовите генерала», — рассказывал в своих воспоминаниях Савари, — и я увидел подходящего ко мне Лагори, бывшего начальника штаба Рейнской армии генерала Моро. Лагори был моим боевым товарищем в нескольких походах во время революции, и несмотря на разницу наших политических убеждений, мы дружили. Эту симпатию я к нему сохранил.

Сейчас он мне сказал: «Ты арестован, поздравь себя, что попал в мои руки. Так, по крайней мере, с тобой ничего не случится плохого».

Я ничего не понимал. Лагори мне пояснил:

— Император убит под Москвой 8 октября.

— Это сказки, — отвечал я, — у меня есть от него письмо, датированное тем днем, если хочешь, я тебе его покажу.

— Это немыслимо, — нервно крикнул Лагори и повторил: - Понимаешь, немыслимо». ²⁰⁶

Тут Лагори куда-то вышел, а Савари воспользовался этим, чтобы объяснить солдатам, что происходит «трагическое недоразумение», и их генерал «заговорщик», который бежал из Ла Форс». Наконец, он обратился к офицеру (это был Пиккерель) и заявил ему:

«— Мой друг, вы в этой игре можете все потерять... Если императорская гвардия вскочит на коней, тогда горе вам».

Но офицер отвечал суровым тоном: «Нет, вы пойдете туда, куда мне прикажут вас отвести».²⁰⁷

В это время министр полиции увидел через окно возвращающегося Лагори. Вместе с ним шел какой-то человек, в руках державший обнаженную шпагу, а его лицо было закрыто капюшоном плаща. «Они ворвались как бешеные в комнату, в которой я находился, — вспоминал Савари. — Лагори остался позади солдат, что на меня произвело отвратительное впечатление, его же товарищ опустив глаза, подошел ко мне. Он держал в руках обнаженную шпагу. Это был генерал Гидаль. Я закричал:

- Ты пришел ко мне, чтобы покрыть себя позором, подлый убийца.

— Нет, вы не будете убиты, я вас доставлю в Сенат, — отвечал он. ...Пока я несколько медленно одевался, один из моих секретарей, бывший пехотный офицер, смешался с толпой, наполнившей комнаты. Я подал ему знак, чтобы он остерегался ареста и громко сказал:

— Пройдите к моему соседу и скажите, чтобы он не волновался, со мной ничего плохого не случилось.

Он понял с полуслова и побежал к графу Реалю, государственному советнику, который жил рядом, потом они вдвоем предупредили военного министра и канцлера».²⁰⁸

Затем Савари был отвезен в Ла Форс. Он был так перепуган, что попросил привратника запереть его в камере, а ключ от камеры выбросить в колодец. Савари думал, что на следующий день за ним придут и тогда казнят.

После Савари наступила очередь префекта Паскье и начальника особого отдела министерства полиции, специально занимавшегося раскрытием заговоров и тайных обществ, Демаре. Оба ничего не понимали и были взяты прямо с постелей. По дороге префект пытался объяснить сопровождавшему его офицеру 10-й когорты Лефевру, что он стал жертвой провокации. «Происходит чудовищная глупость, — говорил Паскье, — и вы можете понести за нее ответственность и даже потерять жизнь».²⁰⁹ Но угроза не возымела действия (возможно, потому, что Лефевр был из тех офицеров, которые поддерживали с Мале связи и раньше — так считал Паскаль Груссе).²¹⁰ Его поведение в дальнейшем подтверждает это.

К 8 часам утра Париж почти принадлежал Мале. Военный министр бежал из Парижа. Полковник Сулье, как ему было приказано, занял ратушу и готовил зал для заседания Временного правительства, его солдаты контролировали Гревскую площадь. Полицейские чиновники под руководством Бутро организовали проверку архивов префектуры. Были закрыты все парижские заставы. «Планы Мале, — писал впоследствии в своих мемуарах министр полиции Савари, — осуществлялись безукоризненно. Ему подчинились банк, казначейство, два батальона, ни один из которых не оказал сопротивления».²¹¹ Лагори и Гидаль во всех красках описывали смерть Наполеона. «Это произошло в Кремле, — рассказывали они, — даже когда он был осажден собственными войсками. Армия отступала в смятении. Русские уже в Варшаве».²¹² На многих солдат это производило впечатление.

Полковнику Сулье деятельно в приготовлении залы помогал никто иной, как ...префект департамента Сены граф Фрошо вызванный приказом из своего имения. Сначала он думал, что его, как Савари и Паскье, арестуют, но обрадовался, когда узнал, что сам входит в правительство.²¹³

Так одна мистификация следовала за другой и каждая из них кончалась успехом.

Но вскоре начались и неудачи. Гидаль запоздал с арестом военного министра и государственного советника графа Реаля. Лагори вместо того, чтобы захватить дворец Камбасереса, напрасно терял время, он отправился сначала в префектуру, потом опять в министерство, куда пригласил портного и заказал у него министерский мундир. Гидаль встречал своих друзей и приглашал их на обед. Оба генерала не сомневались в успехе предприятия, а между тем его судьба решалась на Вандомской площади, куда полтора часа назад отправился Мале.

От Ла Форс он двинулся со своим отрядом к церкви Сент-Рош, около дома 307 по улице Сент-Оноре, где находилась винная лавка купца Бриана, Мале остановил солдат и постучался в дом. Он спросил сапожника Ладре, и поскольку тот отсутствовал, попросил ему передать, что император погиб и «создается новое правительство», а Ладре по возвращении пусть идет в церковь Святого Роша звонить в колокола.²¹⁴

К сожалению, до сих пор достоверно неизвестно, какова роль Ладре в заговоре Мале. Амель, разыскавший этот факт в полицейских документах, никаких объяснений ему не дал.²¹⁵ Между тем Ландре и Бриан — фигуры вполне реальные, они были арестованы полицией уже утром 23 октября. Исследователь военных заговоров в эпоху Наполеона Сериньян, познакомившийся с массой интересных документов министерства полиции, а также с архивом современника Мале и его биографа Русселена де Сент-Альбена, так писал о Ладре: «Он был обыкновенным снабженцем Бода (Бод был купцом. — Т.-Б.) — роль которого известна в заговоре 1808 года — и который его рекомендовал Мале в силу общности их политических взглядов, так сказать, настроения оппозиции к империи и Наполеону объединяли этих людей больше, чем торговля ботинками».²¹⁶ Если дело обстояло именно так, как пишет Сериньян, то это позволяет предполагать участие в заговоре значительно большего круга лиц, чем принято считать.

Продолжая свой путь по улице Сент-Оноре, Мале послал своего адъютанта Рато и солдата 10-й когорты отнести генералу Денуайе мундир, шляпу, шпагу и письмо, в котором просил немедленно присоединиться к восстанию.²¹⁷ Неизвестно, что произошло с Денуайе, но на призыв Мале он не явился, хотя ему отводилась большая роль. «В приказе, подписанном Мале, — говорит Паскье, — командование войсками передавалось Гидалю, Денуайе, Пелярди, все трое — революционеры».²¹⁸

Оказавшись на Вандомской площади, Мале разделил свой отряд на две части: одну во главе с лейтенантом Прово послал к дому штаба 1-й дивизии, чтобы блокировать все выходы, сам же в сопровождении капитана Стеновера и солдат отправился к коменданту Парижа Юленю.

Через лейтенанта Прово Мале отправил начальнику штаба 1-й дивизии полковнику Дусе указы Сената, прокламации и приказ по дивизии. К пакету с документами было приложено также личное письмо Мале к Дусе. В нем говорилось, что в свое время Наполеон обещал Дусе звание генерала бригады, но не успел ему дать; сейчас же он может быть уверен в том, что оно обеспечено за ним. В письме, составленном хотя и в категоричном, но любезном тоне, Мале приказывал ознакомить с прокламациями и документами всех солдат и офицеров. Особого внимания заслуживают его распоряжения относительно адъютанта Дусе, Лаборда. «Он слишком непопулярен, — писал о Лаборде Мале, — чтобы можно было оставлять его на свободе. Приказываю его немедленно арестовать! Это даст ему возможность избежать крупных неприятностей, а вероятно, и чего похуже».²¹⁹

Дусе находился в постели, когда получил от Прово эти документы. Он прочитал их и спросил офицера: «Что все это значит?» Лейтенант ему чистосердечно рассказал, что видел, как были освобождены из тюрьмы Лагори и Гидаль, как войска подошли к площади, как Мале пошел к генералу Юленю. «Смотрите, — добавил он, — наш отряд находится сейчас против дверей Юленя».²²⁰ Полковник не мог сомневаться в приказах, полученных от Мале, то, что казалось невероятным, было однако осуществлено. «Дусе потерял голову, — вспоминал Савари, — и, боясь ответственности, решил покориться».²²¹ Он вызвал к себе Лаборда, чтобы арестовать его.

Тем временем Мале в сопровождении Стеновера и четвертых гвардейцев вошел в комнату Юленя и, сообщив ему о смерти императора под Москвой и образовании во Франции нового правительства, объявил его арестованным. Юлень потребовал предъявления документов. «Охотно, — ответил Мале, — если вы пройдете в свой кабинет, я покажу вам приказы».²²² Юлень прошел в другую комнату, за ним Мале и капитан Стеновер. Когда комендант Парижа к нему обернулся, Мале выстрелил ему два раза в голову и крикнул: «Вот вам мои документы». Юлень рухнул на пол. Затем Мале вышел из кабинета, причем сопровождавший его капитан, по словам Савари, «ничего необычайного в происшествии не нашел».²²³

Из дома Юленя они направились к зданию главного штаба 1-й дивизии, где уже дежурили солдаты 10-й когорты. Поднявшись по лестнице вместе с четырьмя гвардейцами, Мале перед самым входом в кабинет Дусе почти вплотную столкнулся с Лабордом, который тоже туда

направлялся. По словам Рато, генерал спросил у Лаборда: «Почему вы не у себя в комнате. Я приказал Дусе немедленно вас арестовать», на что тот отвечал, что ничего не слышал об аресте, нужно пойти всем вместе к Дусе и переговорить с ним.

Присутствие Лаборда парализовало Мале, ибо тот был не просто адъютантом Дусе, но и, по словам исследователя Гигона, «обер-шпионом» бонапартистской тайной полиции. Лаборд хранил у себя досье на многих оппозиционно настроенных императорскому режиму офицеров. Ему Мале был известен по документам, как «предмет специального наблюдения», как «ум опасный» для государства.²²⁴ По-видимому, он лично знал Мале.

В дальнейшем события развивались так: после короткого разговора с начальником штаба Мале, убедившись, что его опознали и ему не верят, выхватил пистолет, но Лаборд и Дусе набросились на него с возгласами: «На помощь, солдаты, вашему начальнику штаба угрожает опасность». Прибывшие жандармы, которых Лаборд предусмотрительно захватил с собой, помогли связать Мале. Рато не успел даже вынуть шпагу из ножен, как был обезоружен, а четыре гвардейца, сопровождавшие генерала находились в это время в другой комнате.

В тот момент, когда жандармы волокли связанного Мале на балкон, к подъезду подъехала карета, из которой вышел граф Реаль. У дверей он был задержан солдатами, когда он назвал себя и свой титул, то лейтенант Лефевр гордо ответил: «Графов больше нет!»²²⁵

Эта фраза, зафиксированная в полицейских протоколах, весьма характерна для настроения солдат и офицеров, которые радостно приветствовали восстановление республики, не зная, может быть, что участвуют в государственном перевороте.

Связанного Мале Дусе и Лаборд показали с балкона солдатам, сообщив им, что Наполеон жив и что они были введены в заблуждение. Войска вернулись в казармы. После этого сравнительно легко удалось разделаться с другими руководителями заговора: Лагори был взят у себя в министерстве, Гидаль в префектуре полиции.

Но если на одном конце Парижа все было закончено, то на другом — на Гревской площади в Ратуше — шли оживленные приготовления залы для заседания нового правительства. Больше всех усердствовал префект департамента Сены граф Фрошо, которому льстило, что он сам входит в него.

Однако утром в Ратушу пришли не министры, а солдаты, посланные Дусе, во главе с Лабордом. Последний сообщил Фрошо, что император жив и префект со слезами умиления и восторга бросился к нему в объятия. Судье при аресте улыбка сказала словами одного героя популярной в то время комедии: «Покойник не умер».²²⁶

Потом Лаборд отправился в Ла Форс и освободил оттуда Савари, Демаре, Паскье. Военного министра возвратили из Сен-Клу в Париж. Однако не всюду так легко подавить заговор. Даже после ареста Мале около префектуры разгорелось целое сражение. Паскье в своих воспоминаниях подробно рассказывал, какое сопротивление он встретил, когда утром явился в префектуру. Ему пришлось бежать, так как солдаты во главе с лейтенантом Бомоном решили с ним расправиться.²²⁷ Другой видный полицейский чин, один из ближайших в прошлом помощников Фуше, Вейра в рапорте о событиях 23 октября писал, что Бомон «угрожал проткнуть его шпагой», а солдаты при этом непочтительно отзывались об императоре.²²⁸

Заговор, хотя и был к утру подавлен, посеял тревогу в правительстве. Париж, который по образному выражению Савари, думал, что под ним гранитная скала, вдруг почувствовал себя на вулкане.²²⁹ Любопытно, что, по мнению министра полиции, выступление Мале потерпело неудачу лишь вследствие случайных причин. «В его власти, — рассуждал позднее Савари, — могли оказаться казначейство и почта. Получая эстафеты из армии, он узнал бы о печальном исходе войны, и ничто не помешало бы ему арестовать императора, если бы он прибыл один или с охраной. Опасность, угрожавшая общественному мнению и спокойствию, была велика: волей-неволей нам пришлось убедиться, что далеко не во всем мы были сильны. Что особенно поразило всех, так это та легкость, с которой армия поверила в смерть императора, и то, что никто не вспомнил при этом о его сыне».²³⁰

Правительство стремилось скрыть подлинные цели заговора. Уже на следующий день после 23 октября 1812 г. полицейские агенты разнесли по всему Парижу слух о связи «трех бывших генералов с Бурбонами». Смысл таких инсинуаций очевиден. Позднее Сольнъэ, генеральный инспектор министерства полиции, откровенно признался: «Совет министров в условиях двойного кризиса, во время нашей несчастной кампании в России больше всего боялся подобных примеров и потому *скрывал* цель заговора — восстановление республики».²³¹ О республиканской направленности заговора писали в своих мемуарах такие убежденные революционеры, как Р.Базен и Эв Демайо.²³² «Известно, — заявил Ригоме Базен в 1814 г., — что Мале стремился к уничтожению императорского трона и семьи Наполеона... но необходимо отметить, что последняя попытка Мале не была направлена на восстановление конституционной монархии во Франции, эта попытка не была соглашением со старыми и верными друзьями Бурбонов».²³³ Базен категорически протестовал против слухов о роялизме Мале. «Мужественнейшим республиканцем» называл Мале Луиджи Анджелони, а Ф.Буонарроти дал ему такую характеристику. «Республиканец-демократ, восставший из глубины тюрьмы во имя защиты народа и его прав».²³⁴ Подобным образом оценивали заговор Мале и за рубежом. Как недавно стало известно из опубликованных дипломатических бумаг Александра I, попытка Мале заставила задуматься некоторых русских дипломатов, стоит ли настаивать на «полной замене» династии Бонапарта, так как возникла угроза возвращения «к якобинским принципам».²³⁵

Но не только политические цели переворота извращались французским правительством. Правительство пыталось также доказать, что Мале был один и не располагал сообщниками. 23 октября 1812 г. ни в одной из выходящих в Париже газет не сообщалось, что министр полиции провел ночь в Ла Форс, а комендант столицы Юлень тяжело ранен. Только на следующий день — 24 октября — появились расклеенные на стенах домов афиши, в которых министерство полиции извещало, что «три бандита» обманули нацисальных гвардейцев и повели их против командования Парижа».²³⁶

Однако, несмотря на все заверения правительства, что зародился в голове только одного Мале, в столице и её предместьях были произведены многие аресты. Общее число арестованных и привлеченных к делу во время следствия составляло около полутора тысяч человек. Среди них были не только офицеры и солдаты, принимавшие непосредственное участие в событиях 23 октября, но и лица гражданские, как Ладре, купец Бриан, служащая Ла Форс Аделаида Симоне, госпожа Мале, генерал Ламот и другие. Известный памфлетист, одно время офицер наполеоновской армии Поль-Луи Курье также подвергся преследованиям. Утром 23 октября он выехал из Парижа и был задержан полицией по обвинению в участии в заговоре Мале.²³⁷ **Среди тех, кого разыскивала полиция, находился автор знаменитой «Марсельезы». Руже де Лиль. Он бежал из Парижа, полиция сбилась с ног и прекратила свои поиски только после получения префектом Юры письма от Руже де Лилия, в котором тот сообщал, что «придерживается правила опережать все мероприятия властей» и потому его розыски бесполезны.**²³⁸

24 октября стало известно о создании специальной военной комиссии, которой предстояло расследовать «дело Мале». В состав ее вошли исключительно жандармские офицеры, а председателем был назначен дивизионный генерал Дежан, не раз уже руководивший политическими процессами.

С самого начала в комиссии выявились две точки зрения. Первую наиболее четко сформулировал министр полиции Савари. В интересах своего служебного престижа он доказывал, что заговор не имел глубоких корней в государстве, Мале был один и добился такого феерического успеха лишь благодаря остроумно задуманному плану. «Я делал все, — вспоминал Савари, — чтобы доказать непричастность Сената к этому делу».²³⁹

И другой, совершенно противоположный взгляд на эти события, выдвинул военный министр герцог де Фельтр. Он требовал более энергичного и тщательного ведения дела, считая, что «заговор зрел давно» и «Мале был лишь агентом своей партии».²⁴⁰

Но во время следствия победила точка зрения Савари. Надо сказать, что такого конца желало не только большинство членов правительства и сам канцлер Камбасерес, но и обвиняемые, прежде всего генерал Мале. Он категорически отрицал наличие у него сообщников: «Я заявляю суду, что все офицеры невиновны. Я предпринял все, чтобы казалось, будто я выполняю приказы вышестоящих лиц, и они принуждены были выполнять мои».²⁴¹ Эту логику защиты вскоре усвоили все другие подсудимые. Мале сам себя топил, но спасал товарищей, а вместе с ними и организацию. Лагори, опираясь на эти заявления Мале, сказал: «Я вышел из Ла Форс по закону. Привратник меня освободил на основании предъявленных документов. Я у выхода встретил генерала Мале, он вручил мне пакет и прочитал сенатус-консульт».²⁴² Подобным же образом защищался и другой заключенный Ла Форс полковник Бокшан. Он рассказал судьям трогательную историю о том, что его в течение нескольких лет водят из одной тюрьмы в другую, и он не знает в Париже ни людей, ни улиц, но при всем том Бокшан не мог отрицать, что возглавлял отряд солдат, конвоировавших Демаре.²⁴³

Капитан Пиккерель заявил на процессе: «Моя жизнь проста. Я признаю только военные законы, а они во всех случаях говорят, что низший чин должен подчиняться высшему».²⁴⁴

С большим достоинством вел себя Мале. Если все другие еще могли надеяться на помилование, то Мале знал, что его ждет и сознательно брал на себя вину. Столь же откровенно он высказывал свои взгляды: «Я решил возратить моей родине свободу, и так как армия состоит из французских граждан, рассчитывал на их поддержку. Я надеялся, что они последуют призывам нового правительства».²⁴⁵

28 октября следствие закончилось. К смертной казни из 24 обвиняемых были приговорены 14 человек, оправданы 10, но и «оправданные лишились своих мест и остались в тюрьме». Приговоренные к смерти 30 октября были казнены. Они умерли героями, Мале сам командовал своим расстрелом. Последние его слова были: «Да здравствует республика!». «Офицер жандармерии, — писал современник тех событий и их историк Сент-Илер, — приказал солдатам проколоть штыками убитых, и это вызвало всеобщее возмущение. После этого тела были отвезены на кладбище Кпэмар».

6. Император возвращается во Францию

Известие о заговоре Мале пришло к Наполеону в трудное для него время — 6 ноября 1812 года. Уже начались заморозки, «Великая армия» несла тяжелые потери, и, отступая, оставляла за собой страшный след из убитых французских солдат, павших от истощения людей, брошенных орудий. Наполеон отдавал себе отчет, что русская кампания может привести к полному уничтожению его армии. Прибывшая из Парижа депеша от министра полиции привела его в отчаяние. Правда, в первую минуту Наполеон сдержал себя: кто хотел бы прочесть на его лице, что он думает, вспоминали позднее очевидцы, тот не увидел бы ничего.²⁴⁶ Первыми и единственными словами, обращенными к маршалу Дарю, были: «Ну, а если бы мы остались в Москве?» (Дарю предлагал Наполеону перезимовать в Москве). Затем он поспешил уйти в огороженный палисадником дом, который служил ему штабом. О сцене, которая там разыгралась, подробно рассказывал адъютант императора граф Л.-Ф.Сегюр: «Как только он очутился наедине с самыми преданными ему офицерами, все его чувства сразу вылились в восклицаниях, выражавших изумление, обиду, гнев!

Несколько минут спустя он приказал позвать несколько других офицеров, чтобы посмотреть, какое действие произведет на них такое странное известие. Он увидел беспокойную грусть, растерянность и уверенность, что прочность его власти поколебалась. Он мог видеть, как офицеры подходили друг к другу с печальными вздохами, говоря, что значит великая революция 1789 г., которую все считали закончившейся, еще не закончилась. Неужели им, состарившимся в борьбе в ней, снова придется окунуться в нее и снова попасть в ужасный водоворот политических страстей. Итак, война подстерегала нас всюду, и мы могли сразу все потерять».²⁴⁷

После этой депеши император с нетерпением дожидался следующих. Вскоре пришла эстафета с сообщением от военного министра герцога де Фельтра. Оно навело Наполеона на мысль, что в заговоре Мале замешана организация. «Этот бунт, — говорил император, — не может быть делом одного человека... Кларк (военный министр. — Т.-Б.) убежден, что это большой заговор, и что имеются еще другие более важные руководители».²⁴⁸

Все последующие дни Наполеон не переставал думать о заговоре Мале. Арман де Коленкур рассказывает, что через несколько дней после получения депеши от министра полиции император и он выехали в Пнево из Михайловского. Оставшись наедине с одним из самых преданных ему людей, Наполеон не мог сдерживать своих чувств. Особенно его возмущало поведение офицеров и высших чиновников. «Рабб - дурак, — говорил он об одном из офицеров, — ему достаточно показать большой печатный бланк с поставленной на нем печатью!

Но как был обойден и обманут Фрошо, человек умный, человек с головой? Он — старый якобинец. Должно быть, его еще раз соблазнила республика ...Быть высшим должностным лицом Парижа и без всякого сопротивления приготовить в городской ратуше, в своем собственном помещении, зал заседаний для заговорщиков, не навести никаких оправок, не принять никаких мер, чтобы воспротивиться заговорщикам, не сделать ни одного шага, чтобы поддержать авторитет своего законного государя!

Он, должно быть, был участник заговора, потому что подобная доверчивость со стороны такого человека, как Фрошо, необъяснима... Он больший изменник, чем сам Мале, которого я прощал четыре раза и который всегда занимался заговорами.

Что касается Мале, то это его ремесло; мое милосердие тяготило его; это сумасшедший. Но Фрошо, член Государственного совета, начальник администрации важнейшего департамента Франции, человек, осыпанный моими благодеяниями да!» Это возмутительная подлость и измена».²⁴⁹

Беседуя с Коленкуром, Наполеон не пощадил и военного министра. «Кларк, который распинаясь передо мной в своей преданности, не потрудился даже надеть сапоги, чтобы поспешить в казармы, привести войска к присяге Римскому королю и вытащить Савари из тюрьмы. Поведение префекта и полковника непостижимо... Как полагаться на подобных людей».²⁵⁰

В особенности беспокоило Наполеона то впечатление, которое эти события должны были произвести в Европе. Была доказана возможность подобного предприятия, и уже одно это казалось императору серьезным посягательством против власти, открывающим для «кое-каких горячих голов» путь к уничтожению империи. Мале не ошибался, утверждая, что Наполеон поспешит во Францию, как только узнает о заговоре. Так оно и случилось.

Сразу после Березины император покидает армию, передав командование ею Мюрату, и вместе с Коленкуром приезжает 19 декабря в восемь часов вечера в Париж. Тотчас же он приказал своим министрам явиться к нему на другой день в 11 часов утра.

В тот же вечер 19 декабря Савари побывал у Коленкура, который ему сообщил, что на протяжении последних пятнадцати дней пути император «раз двадцать обсуждал дело 23 октября».²⁵¹ Коленкур не скрывал, что Наполеон восстановлен против министра полиции, и нашел его оправдания весьма слабыми. Эта ночь, вероятно, была самой длинной для герцога Ровиго.

На завтра 20 декабря залы дворца были полны народом. Император вначале принял канцлера Камбасереса, потом министров одного за другим по очереди, предпоследним шел Савари. Он выглядел обреченным, в Париж уже приехал Фуше, вызванный Наполеоном из своего поместья, в котором все видели нового министра полиции. Отставка герцога Ровиго казалась уже делом решенным. В своих воспоминаниях Савари очень точно передает настроение, господствовавшее в приемной императора: «Никто из них не хотел быть на моем месте, и они (министры. — Т.-Б.) делали вид, что даже не смеют заговорить со мной, чтобы не причинить мне страдания... Когда я проходил через толпу в залу, в которой находился император, все расступились, словно перед покойником».²⁵²

Наполеон начал разговор со слов: «Я понимаю, что вы были арестованы пятьюдесятью солдатами, и не имели возможности оказать сопротивление. Впрочем, я сам зависю от командира батальона, который охраняет мою дверь, но я не понимаю, почему вы не знали, что полковник когорты и Лагори уже в течение долгого времени встречались».²⁵³

Факт очень интересный, но, к сожалению, его невозможно проверить. Относительно Лагори и Сулье Наполеон получил сведения от военной полиции. Савари категорически отрицал такую возможность встреч, объясняя тем, что полковник 10-й когорты совсем недавно приехал из Барселоны.

Слушая министра полиции, Наполеон постепенно менял свою точку зрения. И случилось то, чего не ожидали собравшиеся в приемной. Савари не только не понес наказания, но наоборот, его версия получила одобрение императора, и вероятнее всего потому, что он нашел ее более удобной, чем взгляд на события военного министра. Наполеон вовсе не стремился выявить истину, речь больше шла о том, что и как сказать французскому и европейскому общественному мнению. Нельзя было в минуты поражений рассказать всему миру о республиканском заговоре, который зрел в течение нескольких лет в наполеоновской армии, когда гораздо удобнее было объяснить события 23 октября «безумством одного человека».

А через два дня 22 декабря 1812 г. Наполеон созвал государственный Совет, куда входил префект Сены граф Фрошо. Открыв заседание, император сказал: «Господа! Я с некоторых пор верю в чудеса. Послушайте сейчас рапорт графа Реаля о заговоре генерала Мале».²⁵⁴

После доклада Реаля выступил сам Наполеон. Династические чувства всегда были его самым болезненным местом, императора очень задело, что в тот день 23 октября никто не вспомнил о его сыне, короле Римском. Этот упрек он бросил графу Фрошо: «Вы должны были умереть на лестнице, но пока жив король Римский, не дать себя обмануть».²⁵⁵

Государственный Совет и Сенат затем обрушились на Фрошо, как посягнувшего на империю и династию, и он был снят со своей должности.

Потом последовал императорский указ о производстве Дусе в бригадные генералы, что кстати, уже со своей стороны сделал Мале. Были предприняты также некоторые меры для успокоения Наполеона. Чтобы убедить его в прочности трона, правительству понадобилось чуть ли не всех подданных приводить к новой присяге: высшие учреждения империи во главе с Законодательным корпусом и Сенатом в полном составе должны были явиться к нему для выражения своего возмущения против «ужасного покушения» (horrible attentat) Мале, а вслед за ним прислали заверения в верноподданнических чувствах и провинциальные города, а также полки парижского гарнизона.²⁵⁶ Министр полиции Савари представил Наполеону проект реорганизации парижской жандармерии с полным разделением гражданских и военных властей.²⁵⁷

30 января 1813 г. военный суд приговорил пойманного Бутро к расстрелу, его казнили на Гренельском поле, как и Мале. Супруга Мале и при Наполеоне продолжала находиться в тюрьме, куда она была отправлена сразу после раскрытия заговора. «Наполеон, — писал Ш.Нодье, — ее оценил по заслугам, он оставил ей оковы».²⁵⁸

7. Некоторые выводы

Такова внешняя канва событий. Мы намеренно подробно и вместе с тем хроникально попытались их рассказать, чтобы убедительнее звучали наши выводы. Теперь предстоит решить вопрос, много раз возникавший в повествовании: был ли Мале в 1812 г. одиночкой или же, как и в 1808 г., опирался на какие-то силы своего общества?

Отметим сразу, что многое говорит за положительное решение этого вопроса. Мале в течение первых часов ночи добился грандиозного успеха, он был отлично осведомлен о положении дел в гарнизоне, имел при себе документы с подписями и печатями членов Сената, располагал значительными денежными суммами. Наконец, можно считать установленным фактом его связи с Эвом Демайо, Лагори, Гидалем, полковником Бокшаном, очевидно, были и другие помощники. На это прямо указывали Сорби, Ж.Фуше, аббат Ляфонт.

Почти сразу после раскрытия «дела Мале» Фош-Борель, один из лидеров роялистского подполья, по просьбе британского министра изложил свой взгляд на это выступление. Он писал в записке, что заговор Мале доказывает «существование секретной организации, направленной против Наполеона и неизвестной полиции».²⁵⁹ Это мнение Фош-Бореля, безусловно весьма компетентного лица, хотя и роялиста, нельзя не учитывать.

Также некоторые события, связанные с Марселем и другими городами Франции, заставляют сомневаться в локальности заговора. В донесении, полученном министерством полиции 3 ноября 1812 г. от одного из своих агентов, говорилось, что в «день, когда выступление генерала Мале и Гидаля стало известно в Марселе, четыреста человек пришли в город». «В два часа ночи, — говорилось далее в рапорте, — когда они приступили к осуществлению своего плана, Бержье (один из заговорщиков), одетый в генеральскую форму и, повязанный вместо пояса большим шарфом, им сказал: «Друзья, вернемся, в Париже удар сорвался, надо ждать». И они разошлись с ропотом».²⁶⁰

Биограф Мале Мелиор-Бонне полагал, что выступление в Марселе было организовано группой людей, решивших в своих интересах использовать заговор Мале.²⁶¹

С этим трудно согласиться. Вероятнее, и марсельская демонстрация, и заговор Мале в Париже — звенья одной цепи. Вспомним только, что Гидадь был арестован в Марселе. Префект департамента Буш-дю-Рон А.Тибодо рассказывал позднее, что Гидадь вошел в «преступное соглашение» с Баррасом, Жиро, Рикором, участником первого заговора Мале 1808 г. и другими враждебно настроенными Наполеону липцами. Им были готовы оказать содействие отряды испанцев, размещенные в гарнизонах Э и Авиньон, сигнал к выступлению ожидался из Парижа. Предполагалось на первых порах захватить все побережье вплоть до Тулона и острова Сент-Маркерит.²⁶² Судя по мемуарам Тибодо, Гидадь являлся руководителем разветвленной антибонапартистской организации, имевшей ответвления в различных странах и готовившей республиканский переворот. По бюллетеням секретной полиции нетрудно проследить, с каким вниманием агенты Ж.Фуше следили за деятельностью заговорщиков Марселя.²⁶³ Его преемник на посту министра полиции Савари не придавал, однако, большого значения этим тревожным симптомам, указывающим на близящееся восстание. Более того, в весьма резком тоне он отчитал полицейских властей Марселя, когда они в апреле 1811 г. попросили принятия каких-либо решительных мер по отношению к «партии анархистов». Савари ответил тогда Тибодо, что нельзя думать, будто «при режиме Его Величества можно легко создавать заговоры... Напротив: нужно убедить себя, что это невозможно». И далее он продолжал в том же менторском духе: «Местные власти должны всегда помнить эту мысль и стремиться к ее распространению».²⁶⁴

Между тем, обстановка все обострялась. В ноябре 1811 г. Гидадь, приехав в Канны, говорил своим друзьям: «Дело развивается успешно. Мы только что получили известия из Германии, там имеем сторонников. Я укрепляю наши позиции в Италии. Через двадцать дней я вернусь и отдам необходимые распоряжения».²⁶⁵

Каким образом заговорщики, руководимые Гидалем, предполагали восстановить республику? На этот вопрос префект Вара так отвечал в рапорте министру полиции Савари 9 января 1812 г.: «Существует проект всеобщего восстания на всем побережье. Расчет заговорщиков на пресловутое недовольство. Они рассчитывают захватить Антиб и Тулон. Они собираются подделать подписи Его Величества и таким образом сфабриковать фальшивый приказ. В ближайшее время это должно произойти... Во главе заговора генерал Гидаль».²⁶⁶ Префект добавлял, что Гидаль находится в связи с бывшим членом Директории Баррасом, проживающим в Брюсселе.

Таким образом, Гидаль, находясь до января 1812 г. (то есть до своего ареста) в Марселе, готовился к заговору. Он был членом секретного общества, стоял во главе большой организации. Причем, план, по которому собирались действовать его сообщники в Марселе, в главных чертах напоминает замысел генерала Мале. Звенья цепи сомкнулись. По-видимому, встреча Гидаля и Мале в ночь 23 октября у ворот тюрьмы Ла Форс не была случайной, это была встреча руководителей одной организации. Марсельская же попытка тоже не случайность. «Я не сомневался, — писал Тибодо в своих мемуарах, — после всех событий, что генерал Гидаль поддерживал отношения со своей партией в Марселе и что если бы триумвират победил в столице, его многочисленные сторонники поднялись бы... не только в Марселе, но и на всем юге».²⁶⁷ Уже на основании только одних этих фактов можно полагать, что версия о локальности заговора Мале является несостоятельной. Рассмотрим другие материалы.

В январе 1815 г., когда Венский конгресс уже завершил свою работу, в руки русского посла в Лондоне графа Ливена попал любопытный документ, в сопроводительном письме к которому содержалась просьба довести его до сведения русского императора и прусского короля. Это было обращение некоего «Совета заговорщиков, борющихся за независимость Италии» к монархам, выдержанное в весьма гордом тоне:

«ГОСУДАРИ! В великом галло-итальянском заговоре, который осуществился в октябре 1812 года в Париже, или лучше сказать, попытке ниспровержения под руководством Мале, принимали участие французы и итальянцы, которые полагают, что две нации создадут два государства, независимых друг от друга, с особой конституцией, наиболее отвечающей их благополучию.

Уже было назначено Временное правительство. Рим и Париж должны были стать столицами двух государств, а Альпы служить барьером между ними.

Французские армии, оккупировавшие Испанию, должны были отступить за Пиренеи, а те, которые находились в Германии, должны были занять позицию по Рейну, в ожидании конгресса, установившего бы общий мир».²⁶⁸

Далее в письме говорилось, что именно под таким углом зрения рассматриваются события, связанные со вторым заговором Мале, в книге, состоящей из трех томов. К записке приложен проспект книги — «История заговоров против Наполеона Бонапарта с 1797 года до 1814 года или секретная хроника Франции и Италии, опубликованная Советом заговорщиков двух стран».²⁶⁹ Нам неизвестно, какую реакцию вызвало у Александра первого это обращение, подписанное от имени «Совета заговорщиков» генералом графом Комелли де Штукенфельдом, но мы определенно знаем, что такая книга действительно была опубликована. Ее единственный экземпляр хранится в библиотеке «Чивильта каттолика» в Риме, нет ее следов ни во Франции, ни в Англии, где она печаталась. По мнению Дж. Берти, эта работа из трех томов «затрагивает проблемы большой важности».²⁷⁰ Одним из ее авторов был выше названный Комелли де Штукенфельд, известный своей активной борьбой за независимость Италии. Его деятельность изучал Д.Спадони. По мнению исследователя, Комелли де Штукенфельд в августе 1812 г., находясь в Париже, установил связь с «филадельфамн» и деятельно участвовал в подготовке республиканского заговора. Он встречался, по его собственным словам, даже с самим Мале.²⁷¹ В результате усилий Комелли де Штукенфельда было достигнуто соглашение между оппозиционно настроенными режиму военными: французами и итальянцами.

Относительно подробностей «дела Мале» долгое время царило молчание, причиной которого был прежде всего сам главный обвиняемый. Чтобы спасти своих сподвижников, он рассказывал на процессе, что все предприятие — его личная акция. Судьям, правительству, Наполеону I эта версия была также удобна. И поддерживая престиж власти, они распространяли ее. Так возникла легенда о заговоре одиночки. Однако факты заставляют полагать, что выступление Мале в октябре 1812 г. было подготовлено секретным обществом, пленами которого были генерал Гидаль и его товарищи в Марселе, Л.Анджелони, Комелли де Штукенфельд, возможно Ф.Буонарроти (о нем пойдет речь ниже) и другие, чьи имена еще остаются неизвестными. Это к ним Мале обращал свои слова, когда его везли на казнь: «Граждане, помните 23 октября. Я умираю, но я не последний из римлян!»

¹ В советской историографии эту точку зрения отстаивает С.С.Ланда: «Тайные общества, — писал он, — представляли собой одну из форм перехода от просветительской деятельности к организованной политической борьбе, предшествующая появлению партий как массовых организаций, разделенного на антагонистические классы буржуазного общества» (Ланда С.С. Дух революционных преобразований ... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816— 1825 гг. М., 1975, с.262).

² Nodier Ch. Histoire des societes secretes de l'armee. Paris, 1815.

³ Ibid.

⁴ В 1832 г. Ш.Нодье в редактируемом им «Dictionnaire de la conversation» писал в статье «Филадельфы», что авторами «Истории тайных обществ в армии» были Ригоме Базен, «Дидье из Гренобля» (имеется в виду П.Дидье, организатор выступления против Бурбонов в годы Реставрации) и Лемар (Vermale F. Un conspirateur stendhalien. Paul Didier. Paris, 1951, p.97—98). В своих воспоминаниях Шарль Нодье две главы посвятил генералу Мале и полковнику Уде. Он не скрывал там своего знакомства с ними (Nodier Ch. Souvenirs, episodes et portraits de la Revolution et de l'Empire. Paris, 1831, t.2).

⁵ Мериме П. Шарль Нодье. — Собр.соч в 6-ти т. М, 1963, т.5, с.141—142.

⁶ Мериме М. Шарль Нодье, с.155—156.

⁷ Grasilier L. Un secretaire de Robespierre Simon Duplay et son Memoire. Paris, 1913, p.8.

⁸ Fouché J. Memoires. Paris, 1824, t.1, p.395—396; Pasquier E. Memoires. Paris, t.2, 1893, p.12—13; Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia del 1814 al 1848 v.1 Capolago 1851 p.91—94.

⁹ Fouché J. Memoires, t.1, p.395—396.

¹⁰ Pingaud L. La jeunesse de Ch.Nodier. Les philadelphes. Paris, 1919. «Уде был только выдумкой капризного воображения» (p.179). «У Мале были только случайные сообщники, он был совершенно изолированным, действовал под влиянием своих страстей или личной неприязни, а не от имени организации, о которой никто ничего не знал» (p.170—171).

¹¹ Тарле Е.В. Наполеон. — В кн.: 1812 год. М., 1959, с.283

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.32, с.496.

¹³ Grousset P. La conspiration du general Malet, p.13.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Hamel E. Op.cit., p.88, 136.

¹⁶ Устав «филадельфов» был опубликован Л.Пэнго: Pingaud L. Op.cit, p.231—235.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid., p.45—46.

¹⁹ Ibid., p.57.

²⁰ Ibid., p.235—236.

²¹ Ibid., p.82.

²² Archives Nat., F⁷ 6684, dos. 7 (Societes secretes, sublimes Maitres Parfaits), Memoire.

²³ Sailla A. Op.cit., t.2, p.45.

²⁴ Nodier Ch. Op.cit., p.39.

²⁵ Ibid., p.51—53.

²⁶ Ibid.

²⁷ De Saint-Albin R. La conspiration du general Malet. — P., 1873; Saint-Albin R. Documents relatifs a la Revolution Francaise. p.127—128.

²⁸ Ibid., p.127—128.

²⁹ Дотри Ж. Указ.соч., с.172.

³⁰ Francovich C. Albori socialisti nel Risorgimento. Firenze. 1962, p.21.

³¹ Об ордене А.Вейсгаупта см.: Le Forestier R. Les illumines de Baviere et la franc-maconnerie allemande. P., 1915. «Мы не можем, — писал А.Вейсгаупт в письме своему единомышленнику К.Цваку 10 марта 1778 г., — употреблять людей такими, как они есть, но должно сначала их перековать» (цит. по Ланда С.С. Указ.соч., с.264).

³² Цит. по: Ланда С.С. Указ.соч., с.265.

- ³³ Ланда С.С. Указ.соч., с.266—267; См. также: Roberts J.M. The Mythology of the secret Societies. London, 1972, p.118—146.
- ³⁴ Francovich C. Op.cit., p.15, 22, 67. О влиянии А.Вейсгаупта на С.Марешаля см.: Ланда С.С. Указ.соч., с.270—274.
- ³⁵ Nodier Ch. Op.cit., p.41—45.
- ³⁶ Barruel. Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme, t.1— 5, Paris, 1797—1799.
- ⁸⁷ Destrem. Op.cit., p.94.
- ³⁸ «Я не встречался с Уде, - писал в 1828 г. Ф.Буонарротти Л.Анджелони, - но знал, что многие мои друзья оказывали ему полное доверие...» (Pia Onnis R. Op.cit., p.298).
- ³⁹ Francovich C. Op.cit., p.15—22.
- ⁴⁰ Nodier Ch. Op.cit.
- ⁴¹ Arch.Nat. F⁷ 6684, dos.7, Memoire.
- ⁴² Francovich C. Op.cit., p.22.
- ⁴³ О покушениях на Наполеона см.: Nodier Ch. Op.cit.
- ⁴⁴ О П.-Ж.Брио и его роли в организации антибонапартистского подпольного движения см.: Mathiez A. L'origine franc-comtoise de la Charbonnerie italienne. — ANRF, 1928, N 30; Godechot J. P.-J.Briot et la «Charbonnerie». — Calabria Nobilissima, 1958, N 34; Rivista storica italiana. 1952, N 4, p.550—580.
- ⁴⁵ Lehning. De Buonarroti a Bakounine, p.53.
- ⁴⁶ Nodier Ch. Op.cit., p.49, 51—53.
- ⁴⁷ Ibid., p.81—82.
- ⁴⁸ La Police secrete du premier Empire, t.1, p.350—351.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ Ibidem.
- ⁵¹ Ibid., p.357.
- ⁵² Pingaud L. Op.cit., p.90—91.
- ⁵³ Nodier Ch. Op.cit.
- ⁵⁴ Francovich C. Op.cit., p.21—23.
- ⁵⁵ Memoires du due de Rovigo, t.VI, P., 1828, p.17.
- ⁵⁶ Melchior-Bonnet B. La conspiration du general Malet. Paris, 1963, p.9.
- ⁵⁷ Pasquier E. Memoires, t.2, p.12—13.
- ⁵⁸ Feuvrier J. Malet a Besancon. — Franche-Comte et monts Jura 1921, mai (Bib. Nationale), p.170—171.
- ⁵⁹ Ibidem.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ Ibidem.
- ⁶² Hamel E. Op.cit., p.52.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Lafon. Histoire de la conspiration du general Malet. Paris, 1814.
- ⁶⁵ Desmarest. Temoignages historiques. Paris. 1900, p.240.
- ⁶⁶ Les grands proces de l'Histoire de France. General Malet. Paris, 1967 (ser. t.XI); Melchior-Bonnet. Op.cit., p.11.
- ⁶⁷ Д'Абрантес. Записки герцогини. М., 1837, т.15, с.12—13.
- ⁶⁸ De Saint-Hilaire E.-M. La conspiration de Malet. Bruxelles; 1844, p.13.
- ⁶⁹ Melchior-Bonnet B. Op.cit., p.12.
- ⁷⁰ Ibid., p.13.
- ⁷¹ Олар А. Политическая история французской революции, с.939.
- ⁷² Melchior-Bonnet B. Op.cit., p.13.
- ⁷³ Garros L. Le general Malet conspirateur. P., 1963, p.45.
- ⁷⁴ Ibid., p.45—51.
- ⁷⁵ La Police secrete du Premier Empire, t.1, p.28.
- ⁷⁶ Garros L. Op.cit., p.51.
- ⁷⁷ Pingaud L. Op.cit., p.166.
- ⁷⁸ Nodier Ch. Op.cit., p.51.
- ⁷⁹ De Saint-Albin R. Op. cit., p.128.
- ⁸⁰ См. их переписку, опубликованную Пиа Оннис (Pia Onnis R. Op.cit., p.284—301).
- ⁸¹ La police secrete du premier Empire, t.3, p.770
- ⁸² Hamel E. Op.cit., Г-жа де Ремюза. Мемуары. М., 1915, т.3 с.49
- ⁸⁴ Lettres medites de Napoleon 1-er, publiees par L. Lecestre, Paris, 1897, t.1, p.53—54.
- Тарле Е.В. Континентальная блокада, 1. Исследования по истории промышленности и внешней торговле Франции в эпоху Наполеона I. — Соч., в 12-ти т., М. 1958, т.3 гл.30.
- ⁸⁶ Тарле Е.В. Там же.

- ⁸⁷ Memoires du due de Rovigo, Paris, 1828, t.5, p.9117.
- ⁸⁸ Ibid.
- ⁸⁹ Тарле Е.В. Континентальная блокада, с.464.
- ⁹⁰ Манфред А.3 Наполеон Бонапарт, с. 595
- ⁹¹ Hamel E. Op.cit, p.25; Saint-Albin R. Op.cit., p.130
- ⁹² De Saint-Albin R. Op.cit., p.130.
- ⁹³ Ibid., p.134.
- ⁹⁴ Буонарроти Ф. Указ.соч., т.1, с.205.
- ⁹⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф.470, оп.1, кор. 9 (п 9)
- ⁹⁶ Дотри Ж. Указ.соч., с. 168.
- ⁹⁷ Дотри Ж. Указ.соч., с. 168; Nuova Enciclopedia Italiana, t.1 (L.Angeloni).
- ⁹⁸ Буонарроти Ф. Указ.соч., т. 2, с. 29.
- ⁹⁹ Матьез А. Термидорианская реакция, с.12.
- ¹⁰⁰ Дотри Ж. Указ. соч., с.168 (примечание); Бабеф Г. Сочинения. В 4-х т, М, 1977, т.3, с.495, 568.
- ¹⁰¹ De Saint-Albin R. Op.cit.. p.135.
- ¹⁰² Ibid., p.133.
- ¹⁰³ Дотри Ж. Указ. соч., с.156—157.
- ¹⁰⁴ La police secrete du Premier Empire, t.3, p.422.
- ¹⁰⁵ Hamel E. Op.cit., p.83.
- ¹⁰⁶ De Saint-Albin R. Op.cit, p.134.
- ¹⁰⁷ Ibid., p.137.
- ¹⁰⁸ Garros L. Op.cit, p.71.
- ¹⁰⁹ Дотри Ж. Указ.соч., с.166—169.
- ¹¹⁰ Там же, с.167—169.
- ¹¹¹ Cobb R. Note, p.48.
- ¹¹² Дотри Ж. Указ.соч., с.169—170.
- ¹¹³ Там же, с.169.
- ¹¹⁴ Там же, с.157.
- ¹¹⁵ De Saint-Albin R. Op.cit, p.135.
- ¹¹⁶ Ibid., p.136.
- ¹¹⁷ Ibid., p.136.
- ¹¹⁸ Ibid., p.137—138.
- ¹¹⁹ Ibid., p.129—130.
- ¹²⁰ La police secrete du premier Empire, t.IV, p.248—252.
- ¹²¹ De Saint-Albin R. Op.cit, Hamel E. Op.cit, p.74.
- ¹²² La police secrete du premier Empire, t.IV, p.249—250.
- ¹²³ De Saint-Albin R. Op.cit, p.140.
- ¹²⁴ Текст этого постановления см.: Ibid., p. 39—141; Hamel E. Op.cit., Grousset P. Op.cit.
- ¹²⁵ Ibid.
- ¹²⁶ Ibid., p.139.
- ¹²⁷ Полный текст воззваний см.: De Saint-Albin R. Op.cit, p.140.
- ¹²⁸ Ibid., p.140.
- ¹²⁹ Ibidem.
- ¹³⁰ La police secrete du premier Empire, t.4, p.221.
- ¹³¹ Pasquier E. Op.cit., t.2, p.12.
- ¹³² Ibid., p.12—13.
- ¹³³ La police secrete du premier Empire, t.4, p.221.
- ¹³⁴ Hamel E. Op.cit., p.83.
- ¹³⁵ De Saint-Albin. Op.cit., p.148.
- ¹³⁶ Hamel E. Op.cit.
- ¹³⁷ Pasquier E. Op.cit, t.2, p.13—14.
- ¹³⁸ Дотри Ж. Указ.соч., с.171.
- ¹³⁹ Там же, с.172.
- ¹⁴⁰ Там же, с.171.
- ¹⁴¹ La police secrete du premier Empire, t.4, p.221.
- ¹⁴² Ibid., t. 4. p. 250.
- ¹⁴³ Lettres inedites de Napoleon 1-er. t.1, p.200.
- ¹⁴⁴ Ibid., t.1, p.199—200, NN 290, 292, 295, 297.
- ¹⁴⁵ Ibidem.

- ¹⁴⁶ La police secrete..., t.4, p.242—243.
- ¹⁴⁷ Ibid., t.4, p.243.
- ¹⁴⁸ Ibid., t.4, p.251.
- ¹⁴⁹ Lettres inedites de Nopoleon 1-er, 214, N 315.
- ¹⁵⁰ Madelin L. Fouche, t.1—2, Paris, 1901.
- ¹⁵¹ Pasquier E. Op.cit., p.12.
- ¹⁵² Hamel E. Op.cit., p.98.
- ¹⁵³ Fouche J. Memoires, t.1, p.396.
- ¹⁵⁴ Nodier Ch. Souvenirs..., t.2, 1831, p.286—289.
- ¹⁵⁵ Fouche J. Op.cit, t.1, p.396.
- ¹⁵⁶ Дотри Ж. Указ.соч., с.172.
- ¹⁵⁷ La police secrete du Premier Empire, t.5, p.93.
- ¹⁵⁸ Дотри Ж. Указ. соч., с.173—174.
- ¹⁵⁹ Там же, с.173.
- ¹⁶⁰ La police secrete du premier Empire, t.5, p.277.
- ¹⁶¹ Ibid., t.5, p.289.
- ¹⁶² Thibaudeau A.-C. Memoires. P., 1913, p.302—304.
- ¹⁶³ La police secrete du Premier Empire, t.5, p.82—83.
- ¹⁶⁴ Ibidem.
- ¹⁶⁵ Ibidem.
- ¹⁶⁶ Ibid., p.82.
- ¹⁶⁷ De Serignan L. Un conspirateur militaire. P., 1925, p.132.
- ¹⁶⁸ Ibid., p.128.
- ¹⁶⁹ Ibidem.
- ¹⁷⁰ Pasquier E. Op.cit, t.2, p.16.
- ¹⁷¹ Hamel E. Op.cit, p.118.
- ¹⁷² Pasquier E. Op.cit, t.2, p.17.
- ¹⁷³ Д'Абрантес. Записки герцогини, т.15, с.11.
- ¹⁷⁴ Жизнь генерала Моро с присовокуплением анекдотов, обнаруживающих дух и характер сего великого полководца. Спб., 1814, с.93.
- ¹⁷⁵ Тарле Е.В. Континентальная блокада, с.449—477.
- ¹⁷⁶ О волнениях безработных см.: Cobb R. The police and the people. Oxford, 1970, p.104—117.
- ¹⁷⁷ Chaptal J. Mes souvenirs sur Napoleon. P., 1893 p.287.
- ¹⁷⁸ Pasquier E. Op.cit, t.2, p.15.
- ¹⁷⁹ Demaillot Eve. Tableau historique..., p.100—101/
- ¹⁸⁰ Lacour-Gayet G. Talleyrand. P., 1954, t.2, p.306—307.
- ¹⁸¹ De maillot Eve. Tableau historique..., p.101/
- ¹⁸² De Serignan L. Op.cit, p.140—141
- ¹⁸³ Ibid., p.140—141.
- ¹⁸⁴ Nodier Ch. Op.cit; Fouche J. Op.cit, t.1, p.395—396.
- ¹⁸⁵ Memoires du due de Rovigo, t. 6, p. 19.
- ¹⁸⁶ Demaillot Eve. Tableau historique..., p. 105
- ¹⁸⁷ Pasquier E. Op.cit., t. 2, p.17.
- ¹⁸⁸ Сорель А. Европа и французская революция, т.498
- ¹⁸⁹ Grousset P. Op.cit, p.106.
- ¹⁹⁰ Текст декрета опубликован в кн.: Grousset. Op.cit, p.106—107.
- ¹⁹¹ Demaillot Eve. Tableau historique..., p.119.
- ¹⁹² Grousset P. Op.cit, p.106—107.
- ¹⁹³ Ibidem.
- ¹⁹⁴ Ibidem.
- ¹⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.17, с.115.
- ¹⁹⁶ Lafont. Op.cit.
- ¹⁹⁷ Desmarest P.-M. Op.cit, p.396—397.
- ¹⁹⁸ Demaillot Eve. Op.cit., p.105.
- ¹⁹⁹ De Serignan L. Op.cit., p.177—178.
- ²⁰⁰ Laflont. Op.cit.
- ²⁰¹ Grousset P. Op.cit., p.46.
- ²⁰² Decaux A. Op.cit, p.144.
- ²⁰³ Grousset P. Op. cit, p. 101.
- ²⁰⁴ Melchior-Bonnet B. Op.cit., p.67—68.

- ²⁰⁵ De Serignan L. Op.cit., p.218.
- ²⁰⁶ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.4.
- ²⁰⁷ Ibid., p.5.
- ²⁰⁸ Ibid., p.8—9.
- ²⁰⁹ Pasquier E. Op.cit., t.2, p.23.
- ²¹⁰ Grousset P. Op.cit., p.98.
- ²¹¹ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.31—32.
- ²¹² Ibid.
- ²¹³ Saint-Hilaire E.-M. Op.cit, p.123—131.
- ²¹⁴ Hamel E. Op.cit. p.211.
- ²¹⁵ Ibid.
- ²¹⁶ De Serignan L. Op.cit., p.221.
- ²¹⁷ Hamel E. Op.cit, p.213.
- ²¹⁸ Pasquier E. Op.cit., t.2, p.30.
- ²¹⁹ Grousset P. Op.cit, p.111.
- ²²⁰ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.31.
- ²²¹ Ibid., t.6, p.31—32.
- ²²² Grousset P. Op.cit., p.52.
- ²²³ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.35.
- ²²⁴ Gigon. Le general Malet P., 1915, p.120.
- ²²⁵ Grousset P. Op.cit., p.53.
- ²²⁶ Д'Абрантес. Записки герцогини, т.15, с.25.
- ²²⁷ Pasquier E. Memoires, t.2, p.27—28.
- ²²⁸ De Serignan L. Op.cit, p.239.
- ²²⁹ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.39—40.
- ²³⁰ Grousset P. Op.cit., p.28.
- ²³¹ Saulnier. Eclaircissements historiques sur la conspiration du general Malet. P., 1844.
- ²³² Bazin R. Op.cit; Demaillet Eve. Op.cit, p.117.
- ²³³ Bazin R. Hommage a la memoire de Malet. — Lettres philosophiques, t.1, 1814, p.32.
- ²³⁴ Saitta A. Op.cit, t.2, p.45.
- ²³⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1970, т.7, с.82—83. «Я не смею высказывать свое мнение, — писал русский посол в Австрии граф Штакельберг графу Нессельроде 27 февраля (11 марта) 1813 г., — по вопросу о полной замене этой династии (т.е. Наполеона. — Т.-Б.). Особенно, если принять во внимание угрозу возвращения к якобинским принципам, проповедуемым генералами Малле и Гидалем...» Я прошу лишь известить о намерениях императора относительно будущего облика Европы».
- ²³⁶ Saint-Hilaire E.-M. Op.cit, p.161.
- ²³⁷ Gaschet P.P.-L. Courier et la Restauration. P., 1913, p.5—9.
- ²³⁸ Hamel E. Op.cit., p.263—264.
- ²³⁹ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.36.
- ²⁴⁰ Ibid., p.38—39.
- ²⁴¹ Les grands proces..., t.XI, p.244.
- ²⁴² Ibid., p.246.
- ²⁴³ Сын отечества, 1813, ч.6-я, с.109.
- ²⁴⁴ Hamel E. Op.cit., p.236.
- ²⁴⁵ Decaux A. Op.cit, p.214.
- ²⁴⁶ Граф де Сегюр. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона. М., б.г., с.264.
- ²⁴⁷ Там же, с.264—265.
- ²⁴⁸ Арман де Коленку р. Поход Наполеона в Россию. 1943, М, с.225.
- ²⁴⁹ Там же, с.226.
- ²⁵⁰ Там же, с.225.
- ²⁵¹ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.50.
- ²⁵² Ibid., t.6,52.
- ²⁵³ Ibidem.
- ²⁵⁴ Grousset P. Op.cit., p.91—92.
- ²⁵⁵ Ibid., p.91—92.
- ²⁵⁶ Bondoio. Napoleon et la societe de son temps, p.339.
- ²⁵⁷ Memoires du due de Rovigo, t.6, p.56.
- ²⁵⁸ Nodier Ch. Souvenirs, episodes et portraits, t.2, p.247.
- ²⁵⁹ Fauche-Borel. Memoires, t.4, P., 1829, p.128—129. Melchior-Bonnet B. Op.cit, p.216—217.
- ²⁶¹ Ibid.

²⁶² Thibaudeau A.-C. Memoires. 1799—1815. P., 1913, p.299—300.

²⁶³ Ibidem; La Police secrete du Premier Empire, t.5.

²⁶⁴ Ibidem, p.302—304

²⁶⁵ Ibidem.

²⁶⁶ Guillon E. Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire, p.207.

²⁶⁷ Thibaudeau A.-G. Op.cit p329.

²⁶⁸ ЛВПР. ф. Канц. МИД, 1815, д.7737, лл.3—6.

²⁶⁹ Histoire ries conspirations fonnees contre Napoleon Bonaparte, publiee par des conseil cles conjures dcs deux pays. London, 1815, t.1—3.

²⁷⁰ Берт и Дж. Россия и итальянские государства. М., 1959, с.326.

²⁷¹ Spadoni D. Carlo Comelli de Siuckenfeld e il trono de Cesari-Rassegna storica del Risorgimento. Ott.-dic. 1927. p.607. О встречах Комелли ди Штукенфельда с Мале см.: Histoire des conspirations formees contre Napoleon... t.2.

НАПОЛЕОН и РЕСПУБЛИКАНЦЫ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Республиканские идеи были сформулированы еще задолго до революции в сочинениях английских, американских и французских просветителей. Особенно широкое раскрытие они получили в произведениях Ж.-Ж.Руссо. Но в эпоху господства абсолютизма и даже во времена Людовика XV и Людовика XVI понятия республики и народного суверенитета казались очень абстрактными и неопределенными, они порой приобретали самые неожиданные толкования. В трагедии Вольтера «Смерть Цезаря» один из героев Кассий восклицал:

Республиканец тот, кто признавать готов
Лишь доблести, закон, отчизну и богов.

В ту пору возможно было и такое объяснение. Но с началом революции все эти понятия стали обретать смысл и материальное содержание. Вероятно, правильно будет сказать, что республиканские институты стали создаваться уже сразу после взятия Бастилии, хотя страна и продолжала быть королевством еще два с половиной года. Свое окончательное выражение эти институты получили только с провозглашением Республики 21 сентября 1792 г. С этого момента и по крайней мере до фрюктидора 1797 г. республиканская форма правления ни одной из господствовавших в стране фракций не ставилась под сомнение, хотя разное социальное и политическое содержание вкладывалось якобинцами, термидорианцами, бабувистами в это понятие.

После переворота 9 термидора 1794 г. республиканские институты стали видоизменяться в консервативном духе. Термидорианцами был взят курс на отстранение народных масс от участия в политической жизни. Это отразилось, в частности, на принятой в 1795 г. конституции, уничтожавшей всеобщее избирательное право и передававшее его только крупным собственникам. Но и консервативная республика не удовлетворяла полностью интересам термидорианцев, ибо это была все же республика, с буржуазными свободами и избирательными учреждениями. Французская буржуазия нуждалась в более твердом порядке. Поэтому не случайным явилось возникновение в верхах тогдашнего общества, по существу тех же термидорианцев, идейного течения, требующего авторитарного режима, который и был установлен в результате переворота 18 брюмера 1799 г., и который К.Маркс и Ф.Энгельс охарактеризовали как «империю без императора».

По нашему мнению, бонапартистский режим был продиктован логикой *внутреннего* развития и внешний фактор в складывании его не играл принципиального значения, бонапартистский режим защищал интересы буржуазных слоев, в том числе и крестьян-собственников, как от левых элементов, так и от роялистов. Но в контексте того времени более реальной казалась собственникам не столько правая опасность, сколько левая, которую представляли якобинцы и бабувисты. Таким образом, в той ситуации носителями демократической и республиканской традиции были именно якобинцы и бабувисты, в то время, когда правые выступали за ликвидацию избирательных учреждений и фактическое уничтожение республики.

Нам представляется, что нечто подобное происходило и в годы Английской революции, накануне установления протектората Кромвеля, режима, имеющего много общих черт с наполеоновским. Именно активизация тогда левых элементов, прежде всего, левеллеров, диггеров, других сект, требующих новых, более радикальных реформ, побудило английскую буржуазию и джентри искать спасения в диктатуре Кромвеля.

Отсюда можно сделать, видимо, следующий вывод: буржуазная революция неизбежно пробуждает народную инициативу и народное творчество, пробуждает революционную энергию масс, которые являются самыми активными ее участниками и помогают буржуазии утвердиться у власти. И тогда уже крупные собственники, обогатившиеся за время революции, заинтересованы в обуздании этой энергии и подавлении демократических элементов, чтобы сохранить выгодный им буржуазный порядок. Эту особенность развития буржуазных революций уловил Ф.Энгельс. Он писал, что вслед «за избытком революционной активности» (по его мнению, явлении закономерном) наступает «неизбежная реакция», которая, в свою очередь, тоже заходит дальше цели.²

В социальном плане к республиканской пропаганде были, как доказывает вся история Французской революции, *особенно* восприимчивы именно малоимущие и неимущие слои, то есть та часть городского населения, из которого в основном формировался пролетариат. Мы полагаем, что слова В.И.Ленина: «завоевание Республики — гигантское завоевание для пролетариата», — сказанные в отношении России начала XX века, в основном справедливы и для Франции рубежа XVIII и XIX вв., когда пролетариат только формировался. Городской плебс, активно участвовавший во всех «великих днях» революции, был более всего заинтересован в ликвидации несправедливого избирательного закона и в завоевании политических прав. Связи парижских санкюлотов с якобинско-бабувистскими элементами имели свои традиции, и обращение в 1800 г. якобинских заговорщиков к населению предместий за помощью (и надежды на эту помощь) весьма показательны

В дальнейшем, в годы консульства (1801—1804 гг.), лагерь противников режима (слева) несколько расширился за счет включения в него «идеологов», бывших брюмерянцев. Однако если якобинцы и бабувисты, в том числе и демократически настроенные генералы (Симон, Лекурб, Бернадотт), остались на республиканских позициях, то либералы (Неккер, Сталь, К.Жордан) эволюционировали от консервативной республики в сторону конституционной монархии, рассматривая ее, по-видимому, как наиболее удачную альтернативу наполеоновскому режиму, создающую одновременно гарантию от якобинских претензий.

Закономерно, что в условиях диктаторского режима и незначительной социальной опоры сопротивление республиканцев в основном проявлялось в форме заговоров и тайных обществ. Заговоры генерала Мале представляют наиболее яркие страницы антибонапартистского сопротивления. При этом следует отметить, что после 1806 г. и особенно после 1808 г. социальная база режима стала сужаться за счет отхода от него промышленной и торговой буржуазии (недовольных континентальной блокадой), а также крестьянства, несшего на себе основные тяготы войны. Однако вследствие чрезвычайной подавленности масс их недовольство не выражалось, за редким исключением, в активном выступлении против Наполеона, а только лишь в форме скромных петиций и обращений к правительству. Это еще более объясняет заговорщический характер антибонапартистского республиканского движения. Изучение биографий участников всех выступлений против Наполеона слева в 1799—1812 гг. показывает, что инициаторами и организаторами их были активные деятели революции. Основное и ведущее ядро составляли якобинцы и в особенности бабувисты. Хотя с каждым актом усиления личной власти Наполеона круг их расширялся за счет привлечения бывших жирондистов и даже либералов, ведущая роль якобинцев и бабувистов сохранялась вплоть до 1812 г. и даже после (если учесть деятельность Ф.Буонарроти в годы Реставрации). Нам представляются поэтому справедливыми слова А.Ранка (также участника тайных обществ, но 40—60-х годов XIX в.), последователя Ф.Буонарроти, что именно благодаря бабувистам революционная традиция не угасла ни на миг в период первой империи и реставрации и именно благодаря им республиканская партия оказалась восстановленной в первые же дни революции 1830 г.»³

Анализ мотивов и программ их участников (насколько удалось их выявить по некоторым документам) показывает, что республиканское движение распадается в основном на три этапа:

1. В первый период, 1799—1800 гг., неоякобинская оппозиция (как и до переворота 18 брюмера) питалась в основном теми же идеями, под знаменем которых проходили массовые выступления 1795 г. и движение «равных»: это возвращение к Конституции 1793 г. и социально-экономической политике якобинского Конвента.

2. В годы стабилизации бонапартистского режима (1801—1804 гг.) эти совершенно конкретные лозунги растворяются в требованиях более общего характера: «Да здравствует Свобода и республика!», «Долой попов и аристократов!» Более конкретно задачи движения, по-видимому, тогда и не формулировались, поскольку расширился сам антибонапартистский лагерь.

3. В годы империи, и в частности, в 1808—1812 гг., стремление восстановить республику и демократические свободы полностью сохраняется. Но к этому добавляются новые требования, ранее не выдвигавшиеся. Таким новым мотивом в программах Мале (и в 1808—1812 гг.) было обещание в случае успеха заговора прекратить войну и достигнуть устойчивого мира.

Особого внимания заслуживает намерение Мале отвести войска с оккупированных территорий. Здесь четко пролегает разделительная грань между обещанием мира императором и постановкой этого вопроса республиканцами. Наполеон во имя достижения мира оккупировал новые территории (Испания, Италия, Португалия), оправдывая покорение народов приближением мира. Республиканцы же видели прямой путь к миру в отказе от завоевательных войн.

Еще одна черта выступлений 1808 и 1812 гг. обращает на себя внимание — выбор момента, или вернее учет исторической ситуации. Готовящийся в 1808 г. и состоявшийся в 1812 г. заговоры были предприняты в благоприятной для антибонапартистов обстановке, когда отчетливо наметился в первом случае и проявился во втором кризис империи, который, как известно, выразился в широком распространении антивоенных настроений, в народном движении в оккупированных странах, в скрытой, а иногда и в открытой фронде ответственных лиц в самом правительстве и даже в семейном клане. Наконец, кризис выразился в растущем недовольстве финансовой, промышленной и торговой буржуазии континентальной блокадой, как выяснил Е.В.Тарле. В 1812 г. решающее значение имело поражение напoleonской армии в России.

В связи с отмеченной чертой следует рассматривать вопрос об «Обществе филаделффов», особенно его участии в выступлениях Мале. Факт существования этого общества надо считать установленным французскими и итальянскими исследователями. Мы попытались обобщить и суммировать все известные факты. По имеющимся данным можно полагать, что оно состояло в основном из якобинцев и бабувистов. За это говорит, во-первых, тот факт, что руководителями его были Мале и Уде, офицеры якобинской ориентации, а в их заговорах принимали участие Л.Анджелони, Р.Базен, Рикор, Бодеман, Бланше, Эв Демайо и другие известные якобинцы и бабувисты. Об этом же говорит факт, если не непосредственного участия в заговорах Ф.Буонарроти, что нельзя считать полностью доказанным, то его горячего сочувствия и даже восхищения деятельностью Уде и Мале и полного одобрения им конечных целей этого движения.

Не удалось с полной достоверностью выяснить круг членов этого общества, участвовавших в разработке планов заговоров Мале. Но с достаточным основанием можно утверждать, что они не были делом одиночки или даже узкого кружка заговорщиков. Для учета исторической обстановки, как в 1808 г., так и в 1812 г., руководителям выступления требовалась широкая информация, которую нельзя было почерпнуть в официальной прессе.

Не претендуя на полноту выяснения исторического значения республиканского движения в годы консульства и империи, можно сказать следующее. Трудно, а может быть, и невозможно, определить роль республиканской оппозиции во внутренних причинах крушения империи. Но она отчетливо выступает в условиях мира, которые продиктовали Франции государства-победители. Факт раздумий монархов разных стран над вопросами политического устройства Франции (и прежде всего русского императора Александра I)⁴ и элементы конституционной монархии, предписанные Бурбонам, несмотря на противодействие феодальной знати, следует отнести за счет, хотя и не массовых, но смелых выступлений за республику и демократические свободы. Влияние республиканской оппозиции хорошо понималось и Наполеоном I. Не случайно весной 1815 г., бежав

о.Эльбы, Наполеон считал необходимым обещать демократические реформы, и шел он в Париж под лозунгами, очень близкими к требованиям Мале.

Большую роль в разобщении республиканцев и отрыве их от масс сыграла многократно отмеченная классиками марксизма-ленинизма, присущая бонапартизму, политика лавирования, которая позволила Наполеону избежать крупных социальных конфликтов и привлечь на свою сторону большинство французского народа.

Антибонапартистские республиканские настроения того времени свидетельствуют о живучести республиканских традиций, заложенных буржуазной революцией, носителем которых выступали (в первую очередь) городские низы, и сами способствовали укреплению этих традиций. Эти традиции бесспорно сыграли огромную роль в том, что французский пролетариат раньше, чем пролетариат других стран Европы, выступил главным борцом за республику и довел эту борьбу в 1875 г. до конца.

Интернационализм, проявившийся на высшей стадии французской революции и в выступлениях республиканцев, превратился в активный антишовинизм, что также стало частью революционных традиций. Об этом свидетельствуют хотя бы известные действия Парижской коммуны.

Деятельность Ф.Буонарроти в годы реставрации выходит за хронологические рамки данной работы. Однако без выяснения этого аспекта, самого по себе весьма интересного, невозможно было бы проследить дальнейшую эволюцию «филадельфов» и выяснить вопрос — где и на каком этапе происходит передача эстафеты республиканизма. Факты говорят, что это произошло не в годы империи, где в движении участвуют еще старые деятели революции, а позже, в «Обществе высокодостоящих мастеров» и в других демократических организациях, состоявших из республиканцев уже нового поколения.

И последнее, что хочется сказать перед тем, как поставить точку. Многие из республиканцев, героев нашей книги, представляли из себя по-настоящему незаурядных людей, которые при желании могли сделать большую карьеру и прожить вполне благополучную жизнь. Генералы Мале и Симон, полковник Уде могли стать маршалами Франции и прославить свое имя на поле боя. Филиппо Буонарроти, человек выдающихся талантов, как признавал сам Наполеон, был бы очень полезен ему при организации итальянского королевства. Якобинский заговорщик Шевалье, изобретатель метательных снарядов, мог стать крупным инженером, ученым, может быть, даже членом Французской академии. Ригоме Базен, будь он не столь последовательным в своих республиканских взглядах, не погиб на дуэли в 1818 г., спровоцированной роялистами, и кто знает, возможно, превратился бы со временем в недюжинного буржуазного законодателя, типа Б.Констана или Сиейеса. А якобинца скульптора Топино, может быть, ждала слава его более осторожного друга Давида.

Но не стоит гадать. Никто из этих людей не предпочел иной судьбы, и это, конечно, их объединяло. Общим для них было не только мировоззрение, их республиканские и демократические идеалы, но и особые человеческие качества, исключительные свойства души, которые были воспитаны Великой Французской революцией. «Это были люди, — как хорошо сказал о них Дж.Берти, — которым все было по плечу, для которых любой смелый план не казался невозможным, отважные военные и заговорщики, пережившие трагические годы Конвента и кровавые суровые битвы наполеоновского периода, люди своеобразного склада ума, понять которых нелегко историку, не получившему боевого крещения в огне революционных битв. Эти тайные общества были реальной силой, и такой человек, как Наполеон, который никого и ничего не боялся, пасовал перед ними».⁵

Но, может быть, отдавая должное их героизму и самоотверженности, следует сказать и о безысходности их борьбы?

Победить Наполеона они не могли — это ясно: такова была постановка сил и логика исторического развития. Даже его убийство в 1800 г. не изменило бы термидорианского характера самого режима. Нужны ли были тогда эти жертвы, и какое реальное значение в тех условиях имело это сопротивление? Нам представляется, что судить этих героев нужно не с точки зрения их практических шансов на победу, а с позиций будущего. Эта их деятельность способствовала сохранению республиканских идей, продолжению самой революционной традиции. Она жила в действиях именно этих одиночек, когда позднее в Европе складывалась революционная ситуация, то сразу выдвигались политические деятели, ставившие республиканские лозунги уже в качестве боевой программы масс.

Дж.М.Туган-Барановский

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, с.239.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, с.309.

³ Buonarroti Ph. Les grands procès politiques. G.Babeuf et la Conspiration des Égaux. Ed. A.Ranc. P., 1863, p.XII.

⁴ В марте 1814 г. русский император Александр I в беседе с роялистом бароном де Витроллем заявил: «...Может быть, разумно созданная республика больше бы соответствовала духу французов? Ведь не могли же идеи свободы, так долго зревшие в вашей стране, не оставить следа!» (Memoires et relations politiques du baron du Vitrolles. P., 1884, p.119. См. также: Тарле Е.В. Талейран. Соч., М, 1961, т.9, с.106—168). Манфред А.З. Общественно-политические идеи в 1815 г. Вопросы истории, 1966, № 5.

⁵ Берти Дж. Россия и итальянские государства, с.326—327.